

Вопросы элитологии

Issues in Elitology

2020, Volume 1, Issue 3

ISSN: 2712-8415

18+

ВОПРОСЫ ЭЛИТОЛОГИИ

Научный электронный журнал

www.elitology-journal.com

Том 1, №3

2020

ISSN: 2712-8415

18+

ISSUES IN ELITOLOGY

Academic E-Journal

www.elitology-journal.com

Vol 1, No 3

2020

ВОПРОСЫ ЭЛИТОЛОГИИ

ISSUES IN ELITOLOGY

Сетевое издание «Вопросы элитологии» является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2020 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание призвано консолидировать вокруг себя элитологическое сообщество, выявить и установить наиболее актуальные проблемы современных исследований элит, провести всесторонний анализ всех существовавших в философской и научной истории теорий, концепций и доктрин, касающихся элит. Редакция сетевого издания рассматривает элитологию как комплексную научную дисциплину, занимающуюся всем корпусом элитологических проблем – от политики и права до философии, истории, культуры и религии. Рассматриваются как сугубо теоретико-методологические, так и прикладные эмпирические исследования феномена элиты и элитности.

Оценивая элиту в качестве культурно-исторического феномена, мы тем самым настаиваем на системном комплексном подходе к изучению его основ, сущности и смыслов. Мы призываем рассматривать этот феномен, как в диалектическом единстве, так и в метафизическом формате, работая в режиме «pro et contra». Поскольку роль элиты всегда носила исключительно важный характер и от ее решений зависели судьбы людей и мира, она становится узловым моментом в анализе качественного состояния всего человечества в целом. В этой связи мы видим необходимость активизировать научный дискурс вокруг феноменологической сущности элиты и элитности с целью дальнейшего конструктивного развития элитологии как науки.

Прикладные элитологические исследования касаются главным образом селекции и рекрутирования элит. Особый интерес представляет возможность рассматривать элиты с точки зрения их профессиональных сообществ (политических, научных, культурных и т.д.) с целью выработки наиболее оптимальных эффективных механизмов профессионализации и социализации элитных сообществ. Сегодня становится все более очевидным то, что формирование профессиональной компетентности элит должно, наконец, получить серьезное научное сопровождение, а не быть делом случая.

Сетевое издание предоставляет свою площадку для открытой научной дискуссии, не делая при этом никакого различия ни для именитых

учёных, ни для начинающих молодых авторов. Главный критерий отбора материала – рукописи должны быть высокого научного качества и отвечать духу конструктивного профессионального сотрудничества.

Редакция уважительно относится к позициям любого автора, даже если и не согласна с его точкой зрения, при условии, если работа отвечает духу открытой конкурентной борьбы и ведется с соблюдением этических норм. В отборе к публикации материала журнал руководствуется в первую очередь принципами объективности, академичности, верифицируемости.

Все статьи публикуются в журнале бесплатно, но и гонорар авторам не выплачивается.

- ISSN: 2712-8415
 - Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет
-

The “Issues in Elitology” is a periodical academic e-journal without printed forms (published since 2020). The journal publishes academic articles, reviews, information resources, reports on expeditions, conferences and other research materials.

The journal consolidates the elite community in order to identify and establish the most challenging problems of modern elite studies, to conduct a comprehensive analysis of all elite theories, concepts, and doctrines having been existed in science throughout the history. The editors of the journal consider elitology as a researches that deals with whatever concerning elite studies issues from politics and law to philosophy, history, culture, and religion. Both theoretical and applied field of the elite phenomenon are considered.

Determining the ELITE as a cultural and historical phenomenon we thereby insist on a system and integrated approach to the study of its foundations and matters. The elites have always played an extremely important part influencing the fate of people and the world. Therefore it becomes a key point in the analysis of the grade state of mankind as a whole. In this regard we see the need to intensify the academic discourse around the phenomenological essence of the elite in order to further constructive development of elite studies.

Applied Elite Studies concern mainly the selection and the recruitment of the elites. Considering the elites from the point of view of their professional

communities (political, scientific, cultural, etc.) is of particular interest. It is done to develop the most optimal effective mechanisms for the professionalization and socialization of elite communities. It is becoming more and more obvious that the formation of the professional competence of the elites should finally receive serious academic support, not as a matter of chance.

The journal creates a virtual platform for exchange of views and discussions in the field of Elite Studies. We make no distinction between reputed scientists and aspiring young authors. The main criterion for selecting material is that manuscripts must be of high research quality and meet the spirit of functional professional cooperation.

The editors respect the positions of any author even if they do not agree with his or her point of view, provided that the work is in keeping with the mood of open competition and is conducted within ethics. Selecting material for publication the journal is guided primarily by the principles of objectivity, academic character, and verifiability.

All articles are published FREE, but the fee is not paid to the authors.

- ISSN: 2712-8415
- Materials are intended for persons over 18 years old

EDITOR-IN-CHIEF	ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Pavel L. Karabuschenko Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Павел Леонидович Карабущенко д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
JOURNAL MANAGER	МЕНЕДЖЕР СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
Yuriy D. Goncharenko e-journal "Issue in Elitology". Astrakhan, Russia	Юрий Дмитриевич Гончаренко сетевое издание "Вопросы элитологии". Астрахань, Россия
EDITORIAL TEAM	РЕДАКЦИЯ
Leonid Ya. Podvoisky (Responsible Editor), PhD, Associate Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Леонид Яковлевич Подвойский (ответственный редактор), канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия
Maria M. Bicharova PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia	Мария Михайловна Бичарова канд. филол. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
Ekaterina V. Gainutdinova PhD, Associate Professor, Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia	Екатерина Валерьевна Гайнутдинова канд. филос. наук, доцент, Астраханский государственный технический университет. Астрахань, Россия
Irena V. Lebedeva PhD, Associate Professor, Caspian Institute of Sea and River Transport. Astrakhan, Russia	Ирэна Валерьевна Лебедева канд. соц. наук, доцент, Каспийский институт морского и речного транспорта им. генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Астрахань, Россия
EDITORIAL BOARD	РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Arushan A. Vartumyan Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, North Caucasus Federal University (NCFU). Pyatigorsk, Russia	Арушан Арушанович Вартумян д. полит. наук, профессор, Северокавказский федеральный университет. Пятигорск, Россия
Nikolay V. Grishin Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, St. Petersburg State University. Saint-Petersburg, Russia	Николай Владимирович Гришин д. полит. наук, профессор, Санкт- Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.
Elena E. Zavyalova Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Елена Евгеньевна Завьялова д. филол. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

Gennady V. Kosov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Sevastopol State University. Sevastopol, Russia	Геннадий Владимирович Косов д. полит. наук, профессор, Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия
Victor P. Mokhov Dr. Habilitatus in History, Professor, Perm National Research Polytechnic University. Perm, Russia	Виктор Павлович Мохов д. ист. наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия
Evgeny N. Moschelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia	Евгений Николаевич Мощелков д. полит. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
Larissa I. Nikovskaya Dr. Habilitatus of Sociology, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences / professor, RANEPA. Moscow, Russia	Лариса Игоревна Никовская д. соц. наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН / профессор, РАНХиГС. Москва, Россия
Alexander V. Ponedelkov Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, South Russian Institute - a branch of the The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA). Rostov-on-Don, Russia	Александр Васильевич Понеделков д. полит. наук, профессор, Южно- Российский институт - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, Россия
Ravil G. Rezakov Dr. Habilitatus in Pedagogy, Professor, Moscow City University. Moscow, Russia	Равиль Гарифович Резаков д. пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет. Москва, Россия
Maria M. Fedorova Dr. Habilitatus in Political Science, Professor, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia	Мария Михайловна Федорова д. полит. наук, профессор, Институт философии РАН. Москва, Россия
Alexander N. Chumakov Dr. Habilitatus in Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia	Александр Николаевич Чумаков д. филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, Россия
Elena V. Khlyshcheva Dr. Habilitatus in Cultural Studies, Professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia	Елена Владиславовна Хлыщева д. филос. наук, профессор, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия

КОНТАКТЫ:

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие «Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор:
Павел Леонидович Карабущенко
Email: elitologyjournal[at]gmail.com

Дирекция журнала:
Растям Туктарович Алиев
Email: rastaliev[at]gmail.com

Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов

CONTACT:

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise
“Genesis. Frontier. Science”

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief:
Pavel L. Karabuschenko
Email: elitologyjournal[at]gmail.com

CEO:
Rastyam T. Aliev
Email: rastaliev[at]gmail.com

The opinion of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЭЛИТОЛОГИИ

- Гайнутдинова Е. В.**
Ценностно-целевой аспект мотивации
в процессе развития «Softskills» как стратегия формирования экологии элит **12**

ИСТОРИЯ ЭЛИТОЛОГИИ И ЭЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИИ

- Баранов А. В.**
Соперничество внутриэлитных большевистских группировок по проблеме
трактовки новой экономической политики в 1923 — начале 1926 гг. **26**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЭЛИТ

- Оськина О. И.**
Трансформационные переменные
политической культуры современной политической элиты **52**

- Подвойская Н. Л.**
Политическая культура и ментальные
особенности современных американских элит **74**

- Карабущенко П. Л.**
Карнавальная политическая культура: субъекты и объекты театра абсурда **92**

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

- Понеделков А. В., Дука А. В., Мохов В. П.,
Вартумян А. А., Резаков Р. Г., Карабущенко П. Л., Подвойский Л. Я.**
Воспоминания о профессоре Г. К. Ашине **122**

АРХИВ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ

- Ашин Г. К.**
Роль и значение российской элиты в укреплении страны **153**

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

- Упир И. Р.**
Особенности политического лидерства в Китае:
первая часть серии книг «Си Цзиньпин о Государственном Управлении» **167**

- Масюткина В. Р.**
Американский президент глазами своих опальных советников –
рецензия на книгу Джона Болтона: «Комната, где все произошло.
Воспоминания о Белом Доме» **173**

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ELITE STUDIES

- Ekaterina V. Gainutdinova**
Value and Purpose Aspect of Motivation
in the Development Process "Softskills" as a Strategy for Forming Elite Ecology **12**

HISTORY OF ELITE STUDIES AND ELITE STUDIES OF HISTORY

- Andrey V. Baranov**
Rivalry of Intra-Elite Bolshevik Groups on the Problem of Interpretation
of the New Economic Policy in the 1923 — Beginning 1926 **26**

ELITE POLITICAL CULTURE

- Olga I. Oskina**
Transformation Variables of Political Culture of Modern Political Elite **52**

- Natalia L. Podvoiskaya**
Political Culture and Mental Characteristics Modern American Elites **74**

- Paul L. Karabushenko**
Carnival Political Culture: Subjects and Objects of the Theater of the Absurd **92**

ANNIVERSARIES

- Alexander V. Ponedelkov, Alexander V. Duka,
Victor P. Mokhov, Arushan A. Vartumyan, Ravil G. Rezakov,
Pavel L. Karabuschenko & Leonid Ya. Podvoisky**
Remembering Professor G. K. Ashin **122**

ARCHIVE OF ELITE STUDIES

- Gennady K. Ashin**
The Role and Importance of the Russian Elite in Strengthening the Country **153**

CRITICISM AND REVIEWS

- Irene R. Upir**
Features of Political Leadership in China:
the First Part of the Book Se-ries «Xi Jinping: the Governance Of China» **167**

- Viktoriiia R. Masiutkina**
The American President Through the Eyes of His Disgraced Opponents –
Book Review by John Boltonb: «The Room Where It Happened:
A White House Memoir» **173**

**Философские
аспекты элитологии**

**Philosophical Aspects
of Elite Studies**

VALUE AND PURPOSE ASPECT OF MOTIVATION IN THE DEVELOPMENT PROCESS “SOFTSKILLS” AS A STRATEGY FOR FORMING ELITE ECOLOGY

Ekaterina V. Gainutdinova (a)

(a) Astrakhan State Technical University. Astrakhan, Russia. Email: gainutdinova.ekaterina[at]mail.ru
ORCID 0000-0002-9893-9176

Abstract

The study of elites through the prism of the concept of “ecology” is aimed at characterizing elites from the standpoint of interpreting those values and qualities that they should possess in the ideal model of their activities in order to exclude a distorted interpretation of these qualities.

The relevance of the given topic is due to the study of a set of values, goals and skills that represent the value-target aspect of motivation of the elites aimed at shaping their ecology. Studying the foundations of the value-target aspect of motivation in the development of softskills is a way to search for stable connections in the chain of causes and behavioral responses to them to create the ideal image of the modern elite.

The purpose of this article is to consider the value-targeted aspects of motivation in order to create a “pure sense” of those qualities that the elite should have. This need is due to the distinction between the elite and the pseudo-elite. The ecology of the elite is the exclusion of quasi-forms of its self-actualization.

Keywords

elite; elitism; motivation; value; value preferences; personality; conscious actions; human behavior; elite ecology; elite consciousness

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ЦЕННОСТНО-ЦЕЛЕВОЙ АСПЕКТ МОТИВАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ «SOFTSKILLS» КАК СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИИ ЭЛИТ

Гайнутдинова Екатерина Валерьевна (а)

(а) Астраханский государственный технический университет. Астрахань, Россия.
Email: gainutdinova.ekaterina[at]mail.ru. ORCID 0000-0002-9893-9176

Аннотация

Исследование элит сквозь призму понятия «экология» направлено на характеристику элит с позиции интерпретации тех ценностей и качеств, которыми они должны обладать в идеальной модели своей деятельности, чтобы исключить искаженную интерпретацию данных качеств.

Актуальность заданной тематики обусловлена изучением комплекса ценностей, целей и навыков, представляющих ценностно-целевой аспект мотивации и направленных на формирование экологии элит. Изучение основ ценностно-целевого аспекта мотивации в процессе развития «softskills» – это путь к поиску устойчивых связей в цепочке причин и поведенческих реакций на них для создания идеального образа современной элиты.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении ценностно-целевых аспектов мотивации для того, чтобы создать «чистый смысл» тех качеств, которыми должна обладать элита. Такая необходимость обусловлена различением элиты и псевдо-элиты. Экология элиты – это исключение квазиформ ее самоактуализации.

Ключевые слова

элита; элитизм; мотивация; ценность; ценностные предпочтения; личность; сознательные действия; человеческое поведение; экология элит; элитное сознание

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Ценностно-целевой аспект мотивации играет исключительную роль в генезисе личности на пути формирования элитного сознания. То, что движет человеком на пути духовного совершенства, в различных теориях имеет разное название. В рамках элитологии это называется элитизацией личности, то, что интерпретируется как экология элит, объединяющая в себе те самые элитные ценности и качества, которые способствуют ее выдвижению в число избранных людей.

Смысл элитности заключается в личной осознанности каждого субъекта на пути к усовершенствованию своих навыков, чтобы стать высшим образцом для подражания через авторитет и уважение. В этой связи представляется необходимым системный подход к адаптации тех «softskills», благодаря которым можно представить по каким критериям можно оценить экологию элит и то, что находится за ее пределами.

МЕТОДОЛОГИЯ

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы западных и отечественных мыслителей, которые в той или иной степени обращаются к ценностно-целевым аспектам мотивации (Г. Лебон, Н. Луман, Г. Геффдинг, П. Бурдьё, М. Вебер, Дж. Ролз, Л. Де Клапье де Вовенарг, Х. Ортега-и-Гассет).

В рамках данного исследования проводился анализ softskills в опоре на исследование существующих классификаций Н.В. Жадько, М.М. Безруких, М.В. Короткая, А.В. Махароблидзе, Е.Д. Попова, А.Ю. Петров, Л.К. Раицкая, Е.В. Тихонова.

В ходе проведенного исследования использовался целый комплекс научных методов. В статье были задействованы такие методы, как: герменевтика, сравнительный анализ и синтез. В частности, герменевтика способствует обнаружению системы взаимодействия механизмов человеческих действий на основе выявления группы ценностей, целей и видов «softskills», формирующих экологию элит. Метод сравнительного анализа и синтеза помогает не просто систематизировать общие тенденции к определению ценностных и целевых механизмов, меняющих первоначальную природу человека к лучшему, но и синтезировать те навыки, которые способны формироваться на их основе.

Ведущим подходом к исследованию данной проблемы является концепция элит (Карабущенко, 2019), организующая и систематизи-

рующая междисциплинарные связи в становлении универсальной теории элит, применимой в дальнейших практических исследованиях.

В статье представлен анализ ценностно-целевого аспектов мотивации, систематизированы основные характеристики ценностей, формирующих основы теории положительной мотивации.

Материалы статьи могут полезными для тех специалистов, кто осуществляет попытки вывести свои научные исследования за пределы конкретной предметной области и организовать междисциплинарный диалог для создания более комплексных и эффективных теорий для применения в социально-гуманитарной области знаний.

ОБСУЖДЕНИЕ

В научной литературе, как правило, понятие «экология» применяется тогда, когда возникает необходимость подчеркнуть существующие проблемы и последствия этих проблем применительно к влиянию деятельности человека на окружающую среду. Вместе с тем по мере того, как расширялось представление об экологии как о термине, указывающем на необходимость устранения тех или иных проблем, его стали применять непосредственно к самому человеку. Такого рода тенденции отражали стремление подчеркнуть и изучить взаимодействия человека, имеющего биосоциальную природу, с окружающим миром. Исходя из подобной интерпретации исследователи использовали понятие «экология» и когда говорили о сознании, о духовном развитии человека, о душе. В частности, В.А. Скребец, поясняя суть экологического сознания, говорил о том, что это высший уровень психического отражения природной и искусственной среды, своего внутреннего мира и, главное, рефлексия места и роли человека в этом мире (Скребец, 1998). Иначе говоря, понятие «экология» - это своего рода фильтр, который обнаруживает существующие проблемы и очищает от них исследуемые объекты.

В этой связи применительно к элитам понятие «экология» направлено на характеристику элит с позиции интерпретации тех ценностей и качеств, которыми они должны обладать в идеальной модели своей деятельности, чтобы исключить искаженную интерпретацию данных качеств. По сути, основная задача состоит в том, чтобы создать «чистый смысл» тех качеств, которыми должна обладать элита. Такая необходимость обусловлена различием элиты и псевдоэлиты. Экология элиты - это исключение квазиформ ее самоактуализации.

ФЕНОМЕН ЭЛИТИЗМА

Феномен элитизма обнаруживается в возвышении кого-либо посредством причисления к тем, кто обладает статусом, властью и популярностью, кого можно охарактеризовать как псевдоэлиту. Это связано с тем, что если подходить к такого рода интерпретации элит применительно к развитию человека как личности в культурологическом и философском планах, то это не представляется верным, поскольку атрибуты внешней успешности не характеризуют внутренние качества человека и не являются отражением его духовного мира.

Истоки развития феномена «элитизм» восходят к особенностям мотивации субъектов, которые полагают, что обладание властью и предметами роскоши дают основание для определенного статусного положения по отношению к другим. Как отмечал П.Л. Карабущенко, элитизм в своей сути отражает взгляд на элиту со стороны как критическое суждение (Карабущенко, 2019). Стереотипность восприятия действительности и стремление подражать в выборе линий поведения, ориентируясь в данном выборе зачастую на известных и популярных людей, формируют тенденцию того, что многие современные люди постоянно пребывают в погоне за теми или иными благами. В условиях ограничения действий, с которыми человечество вынужденно столкнулось в последнее время из-за эпидемии коронавирусной инфекции, стереотипность восприятия действительности стала еще более выраженной. Это связано с тем, что самым распространенным источником связи человека с внешним миром становится интернет-пространство, где человек получает огромный поток информации, при этом, не задумываясь о ее достоверности. Молодому поколению в настоящее время вдвойне тяжело в процессе адаптации в социальном пространстве, поскольку новой элитой в их понимании стали блогеры, материальное благополучие и популярность которых никак не связана с наличием или отсутствием образования, возраста, воспитания и наличия нравственных ценностей. И такие новые кумиры создают ту искаженную картину своего развития, которая губительно сказывается на самореализации молодых людей, которые стремятся возвысить себя за счет атрибутов популярности и власти по стереотипной аналогии с жизнью их кумиров. Подобные явления становятся причиной рождения толпы, массы, в русле которых человек утрачивает свою самостоятельность. Это объясняется механизмом восприятия внешних воздействий, от которых человек, мыслящий стереотипно и как потребитель, теряет власть над собой, а тот, кто не умеет владеть собой, по мнению Г. Лебона, «осужден скоро подпасть под власть других»

(Лебон, 1995, стр. 70). Именно поэтому необходимо говорить об экологии элит, чтобы, по крайней мере, показать те обязательные качества, которыми должна обладать элита, те качества, на чем основывается элитное сознание.

ЭЛИТА И ЭЛИТНОЕ СОЗНАНИЕ

Обращаясь к пониманию сути элит и к анализу смысла элитного сознания, возникает, в первую очередь, вопрос о том, что формирует целостность личности. При этом первое, о чем приходится задумываться, так это о ценностном сознании, которое напрямую становится основой формирования элитного сознания. Особенность каждого человека определяется его стремлением к развитию, к эволюции его «личностного Я», но вместе с тем личностного развития оказывается недостаточно для того, чтобы предстать как целостная личность, имеющая свое мнение, цель и так далее. Особую значимость в данном процессе приобретает еще и умение человека, на основании своего мнения, определенных ценностных предпочтений проводить экспертную оценку происходящих процессов, выбирать из огромного потока информации то ценное, что обогатит его представления и смысл жизни. Кроме того, в потоке предоставляемых возможностей, либо в условиях бесконечных препятствий важное значение приобретают ресурсы, с помощью которых возможно добиться подобного результата. Такими ресурсами выступают навыки “softskills”, базовый смысл которых приобретается и закрепляется в рамках образовательного процесса.

SOFTSKILLS КАК КОМПЛЕКС НАДПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАВЫКОВ

Softskills – термин, объединяющий комплекс надпрофессиональных навыков, способствующих человеку в работе с людьми, коммуникации с ними на благо единых цели и результата, а также иные аспекты социализации. Здесь речь идет именно о личностных навыках, которые должны быть свойственны человеку, независимо от какой-то конкретной сферы деятельности и жизни. Данный термин получил свое развитие применительно к новым методам обучения, формирующих комплекс надпрофессиональных качеств. Произошло это событие в 2018 году, когда были приняты одиннадцать директив, предусматривающих внедрение до 2020 года новых методов обучения и преподавания для развития у студентов университетов Евросоюза «softskills».

Вместе с тем изучение softskills не может осуществляться в отрыве от анализа деятельностного процесса, особенно без той ключевой части, которая отвечает за выбор человека в отношении принятия того или иного решения, как мотивация, в структуре которой и обнаруживают себя корреляции тех ее механизмов, которые формируют предпосылки в активации и развитии softskills.

Соотнеся ценностные и целевые аспекты мотивации с категориально-видовой типологией softskills, превалирование которых в литературе выделено Л.К. Раицкой, Е.В. Тихоновым (Раицкая, & Тихонова, 2018, стр. 335), А.Ю. Петров, А.В. Махароблидзе (Петров, & Махароблидзе, 2017), Н.В. Жадько, М.М. Безруких (Жадько, & Безруких, 2011), М.В. Короткая, Е.Д. Попова (Короткая, & Попова, 2016) было обнаружено, что систематизация «softskills» обусловлена определенным набором ценностей, на основе которых формируются группы целей. Почему именно в соотношении ценностно-целевого аспекта мотивации с видами «softskills» можно оптимально раскрыть лучшие качества человека. Это объясняется, в первую очередь тем, что ценности создают определенные рамки для контроля над природной сущностью человека, организуя «идеальные» цели и образцы человеческого поведения. Они, в свою очередь, соотносятся в дальнейшем развитии с целями, способствующими четкой организации действий человека для достижения эффективных результатов. В этой связи практическими ресурсами по исполнению задуманного выступают «softskills», поскольку благодаря подобным навыкам реализация заявленных целей приобретает многоаспектный характер, а процесс достижения цели становится более коротким. Кроме того, через указание видов «softskills» формируется понимание того необходимого ресурса, чтобы достичь желаемого.

СИСТЕМА ЦЕННОСТНО-ЦЕЛЕВЫХ АСПЕКТОВ В ФОРМИРОВАНИИ SOFTSKILLS КАК БАЗОВЫХ НАВЫКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛИТ

Гибкие навыки и умение ими пользоваться – это основа формирования гибкой личности, способной быть адаптируемой в определенных условиях и в тоже время быть убедительной и сильной в своей жизненной позиции. В этой связи понимание человеком того, что из себя представляют «softskills» не должно иметь абстрактный характер, когда данное понятие на слуху и вроде бы есть понимание его смысла, но что конкретно заключено в его содержании неизвестно. Исходя из такой позиции важным является систематизация базовых навыков

«softskills» и определения источников их формирования для понимания механизма того, каким ценностям соответствуют и какие цели реализовывают. Это нужно для того, чтобы определить приоритетные цели и соответственно то, какие навыки, связанные с этими целями, нуждаются в освоении в первую очередь для формирования сути экологии элит. В рамках систематизации ценностно-целевых аспектов мотивации группы ценностей определяют соответствующие цели, которые распадаются на «softskills», как ресурсы, с помощью которых данные цели могут быть осуществимы.

Если говорить о первом базовом блоке, то он представляет собой ценность в общении, на основании которой формируются *коллективно-социальные цели*, направленные на реализацию и осуществление социальных интересов на уровне конкретного индивида. В основе своей такого рода цели определяют социальную адаптацию индивида сквозь оценочное восприятия коллективом своих возможностей для того, чтобы развить такие навыки, которые позволят выделиться среди других в социуме. Как утверждает Н. Луман, надежность общества заключается в функционировании организации, вероятно, по этой причине обществу необходимо мотивировать субъектов к осуществлению нужных ему действий, а также контролировать и направлять индивидуальные сознания к коллективному результату (Луман, 2005, стр. 224). Именно поэтому внимание уделяется социально-коммуникативным навыкам таким, как коммуникативные навыки, межличностные навыки, групповая работа, лидерство, социальный интеллект, ответственность, этика общения. Такого рода умения связаны со стремлением человека завоевать определенный авторитет в процессе коллективного общения. Самое главное, в этом процессе не стать пассивным созданием, «ведомое внешними обстоятельствами» (Бандура, 2000, стр. 9).

Когнитивная ценность, эстетическая ценность, ценность свободы, ценность самоутверждения определяют *индивидуально-социальные цели*, которые обеспечивают комфортную адаптацию и существование субъекта в социуме на уровне его самоактуализации в обществе, благодаря чему человек получает возможность развить такие *когнитивные навыки*, как критическое мышление, навыки самоучения, информационные навыки, патриотизм, управление интеллектуальными нагрузками, тайм-менеджмент, навыки решения проблем, новаторское (инновационное) мышление. Такого рода навыки способствуют самовыражению субъекта в обществе и позволяют соотносить интересы человека с интересами общества. Позитивная направленность заданных ценностей и целей, которые с ними согласуются, создают при их

наличии мощную основу для развития сильной личности. Это связано с тем, что духовное саморазвитие человека, посредством которого обретаются иные смыслы преобразования себя в лучшем плане и преобразование действительности, в которой человек существует не через внешние атрибуты успешности и власти, а благодаря внутреннему совершенствованию своего «Я». Престиж, саморазвитие, статус, саморазвитие в профессии, - все это определяет самооценку человека как такого, способного превзойти самого себя не только для себя, но и ради других. Такого рода ценность является источником веры в себя. По утверждению Г. Геффдинг, стремление к самостоятельному развитию, к возможности проявить свои наклонности и способности ведут к совершенствованию человеческой жизни (Геффдинг, 2012, стр. 128). В ином случае человек может превратиться в пассивное создание, по мнению А. Бандуры, ведомое внешними обстоятельствами (Бандура, 2000, стр. 9). Тогда как социальная суть человека состоит в том, что он не является пассивным объектом общественных воздействий, как отмечал А.В. Брушлинский (1996, стр. 25). Здесь подчеркивается отсутствие тотального влияния общества на человека хотя бы потому что сознание дает возможность принимать самостоятельно решение.

Ценность долга, ценность справедливости, ценность любви, ценность творчества – это те ценности, благодаря которым формируются *личные* цели, связанные с реализацией личностных потребностей, которые направлены на обеспечение качества жизни субъекта с учетом его индивидуальных предпочтений. Так, например, если говорить о справедливости, то Дж. Ролз рассматривал ее как «добродетель практик, где есть конкурирующие интересы и где люди чувствуют себя вправе предъявить свои требования друг другу» (1995, стр. 122). Обращая внимание, например, на ценность творчества, необходимо отметить, что указанная ценность для формирования экологии элит является одной из определяющих хотя бы потому, что уметь нетривиально мыслить и искать нестандартные подходы в решении тех или иных вопросов является средством выражения индивидуальности субъекта. Человек способен разнообразить процесс удовлетворения потребностей, опосредуя его различными средствами и формами удовлетворения, представить себя как многогранная личность, способная превратить деятельность в индивидуальное творчество, формирующегося на базе личностного развития сознания. В этом и состоит смысл деятельности, отражающей уникальность человеческой личности.

Такие ценности направляют человека к постижению смысла происходящих явлений, вернее к тому, какими духовными принципами они обусловлены. Такого рода ценности можно обозначить понятием

«харизма озарения», которое использовал в своих рассуждениях М. Вебер, подразумевая под этим то, что человек способен на «глубокое постижение мира с помощью непосредственного постижения его «смысла»» (Вебер, стр. 337). Поскольку проблема заключается в том, что функция власти состоит в поддержании целостности, сохранении согласованности ценностей и норм, постольку она должна иметь мощный духовный резерв для реализации указанных целей. Это объяснимо тем, что человек, как обладатель сознания, способен понимать, анализировать происходящее, формировать свои предпочтения и формы реализации данных предпочтений и нести ответственность за свои действия. Это то, что формирует качественную личную оценку своих возможностей. В этой связи способны сформироваться «softskills» как *атрибуты личности и составляющие эмоционального интеллекта, представленные* эмоциональным интеллектом, честностью, оптимизмом, гибкостью, креативностью, эмпатией. По сути, это основа того, чтобы стать человеку самим собой, признавая свои возможности и недостатки в сравнении с другими. Как, например, К. Роджерс отмечал то, что признание недостатков позволяет человеку почувствовать себя свободным деятелем, «во власти которого как разрушить себя или другого, так и сделать себя и другого более сильным» (Роджерс, 1994, стр. 125). В этой связи элита должна быть тем механизмом, посредством которого объединение интересов граждан осуществится на основе взаимных обязательств, поскольку способна представлять образец миропонимания. В частности, Е. Вечтомов отмечает, что «элита способна не только выражать имеющееся или назревшее; она в состоянии влиять на общественное мнение и навязывать свое миропонимание» (Вечтомов, 2003, стр. 32).

Было определено, что категории «softskills» обусловлены мотивационным выбором субъекта, направленного на то, что формирует качество жизни. Соотнесение бытийных ценностей, отражающих духовное и личностное развитие человека, с его личными и социальными целями формирует предпосылки организации стратегического поведения. В частности, уровень ценностного развития субъекта определяется доминированием бытийных ценностей, формирующих самооценку человека для себя и для общества. Здесь важным становится то, насколько человек способен подняться над дефицитным уровнем и достичь бытийного, когда реализация потребностей для сохранения человека как индивида, его природной сущности становится менее актуальной, чем сохранение человека как человека и того, что определяет его как личность. Еще в XVII веке французский моралист Люк де Клапье де Вовенарг говорил о том, что два чувства в человеке способ-

ны «раздвинуть пределы собственной личности» - это сознание совершенств и несовершенств (Де Клапье де Вовенарг, 2004, стр. 536), поскольку они заставляют человека в первом случае двигаться дальше, т.к. чувство силы и уверенности придает веру в себя, а также преодолевать себя - во втором случае. В ином случае современный человек так и будет находиться в постоянной погоне за теми атрибутами успешности и власти, которыми обладают те, кто называют себя «элитой», но таковой не являются. Хосе Ортега-и-Гассет пытался объяснить данное явление тем, что общий принцип формирования так называемых избранных групп основано на стремлении удовлетворить свой эгоизм, намеренно искажая смысл понятия «избранный», тогда как, на его взгляд, «"избранный" — вовсе не "важный", т.е. тот, кто считает себя выше остальных, а человек, который к себе самому требовательней, чем к другим, даже если он лично и не способен удовлетворять этим высоким требованиям» (Ортега-и-Гассет, 2002, стр. 3). В этой связи принципиальное значение в жизни человека играет не само общество, а то, какой опыт и знания получает благодаря обществу человек. Например, для И. Гофмана принципиальное значение играет суть сознания действующего индивида и опыт. На его взгляд, структура личного опыта, несмотря на свою вторичность по отношению к анализу общества, оказывается «искусно выстроенной защитой» от мира (Гофман, 2003, стр. 74-75).

Таким образом, формирование «softskills» в деятельности человека становится стратегическим средством активации ценностно-целевого потенциала в мотивации субъекта, что объясняется комплексной проработкой скрытых возможностей человека для достижения личностного роста или профессионального успеха, которые, в свою очередь, становятся базовыми качествами в формировании экологии элит.

Список литературы

-
- Бандура, А. (2020). *Теория социального научения*. Санкт-Петербург: Евразия.
- Брушлинский, А. В. (1996). *Субъект: Мышление, учение, воображение*. Москва; Воронеж: Издательство «Институт практической психологии»; НПО «Модэк».
- Вебер, М. (1990). *Теория ступеней и направлении религиозного неприятия мира. Избранные произведения*. Москва: Прогресс.
- Вечтомов, Е. (2003). Интеллектуальная элита и гуманитарное образование. В *Интеллектуальная элита России XX века: Столица и провинция: Материалы межрегиональной научной конференции* (с. 32–38). Киров: Издательство Вятского государственного университета.

- Вовенарг, Л. де К. де. (2004). *Максимумы и мысли. Характеры, или нравы нынешнего века*. Москва: АСТ.
- Волков, В. Н. (2001). *Онтология личности*. Иваново: Издательство Ивановского государственного университета.
- Геффдинг, Г. (2012). *Этика, или наука о нравственности: Изложение этических принципов и их применение к различным житейским отношениям* (Л. Е. Оболенский, Ред.). Москва: Издательство ЛКИ.
- Гофман, И. (2004). *Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта*. Москва: Институт социологии, Российская Академия наук.
- Жадько, Н. В., & Безруких, М. М. (2011). Формирование «мягких» навыков в профессиональном обучении. *Профессиональное Образование. Столица*, (8), 14–15.
- Карабущенко, П. Л. (2019). *Антропологическая элитология. Монография*. Москва: ИНФРА-М.
- Короткая, М. В., & Попова, Е. Д. (2016). Развитие soft skills у студентов вуза через работу со школьниками. *Высшая Школа*, (12–1), 54–55.
- Лебон, Г. (1995). *Психология народов и масс*. Санкт-Петербург: Макет.
- Луман, Н. (2005). *Медиа коммуникации*. Москва: «Логос».
- Ортега-и-Гассет, Х. (2002). *Восстание масс*. Москва: АСТ.
- Петров, А. Ю., & Махароблидзе, А. В. (2017). *Softskills современного менеджера: Командообразование и лидерские навыки*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
- Раицкая, Л. К., & Тихонова, Е. В. (2018). Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, 15(3), 350–363. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363
- Роджерс, К. Р. (1994). *Взгляд на психотерапию. Становление человека*. Москва: Прогресс.
- Ролз, Дж. (1995). *Теория справедливости*. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета.
- Скребец, В. А. (1998). *Экологическая психология*. Киев: МАУП.

References

- Bandura, A. (2020). *Social Learning Theory*. St. Petersburg: Eurasia. (In Russian).
- Brushlinsky, A.V. (1996). *Subject: thinking, learning, imagination*. Moscow; Voronezh: Institute of Practical Psychology Publishing House, NGO Modek. (In Russian).
- Geffding, G. (2012). *Ethics, or the science of morality: An exposition of ethical principles and their application to various everyday relationships* (L. E. Obolensky, Ed.). Moscow: LKI Publishing House. (In Russian).

- Hoffman, I. (2004). *Frames Analysis: An Essay on Organizing Everyday Experience*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- Karabuschenko, P. L. (2019). *Anthropological elitology. Monograph*. Moscow: INFRA-M. (In Russian).
- Korotkaya, M. V., & Popova, E. D. (2016). Development of softskills for a university student through work with schoolchildren. *High school*, (12–1), 54—55. (In Russian).
- Le Bon, G. (1995). *Psychology of peoples and masses*. St. Petersburg: Layout. (In Russian).
- Luhmann, N. (2005). *Media Communication*. Moscow: "Logos" (In Russian).
- Ortega y Gasset, H. (2002). *Rise of the Masses*. Moscow: AST. (In Russian).
- Petrov, A. Yu., & Makharoblidze, A. V. (2017). *Softskills of the modern manager: team-building and leadership skills*. Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University. (In Russian).
- Raitskaya, L. K., & Tikhonova, E. V. (2018). Soft skills as seen by teachers and students of Russian universities in the context of world experience. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy*, 15(3), 350–363. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-350-363 (In Russian).
- Rawls, J. (1995). *The Theory of Justice*. Novosibirsk: Novosibirsk University Publishing House. (In Russian).
- Rogers, K. (1994). *A Look at Psychotherapy. Becoming a man*. Moscow: Progress. (In Russian).
- Skrebets, V. A. (1998). *Environmental Psychology*. Kiev: MAUP. (In Russian).
- Vauvenargue, L. de K. de. (2004). *Maxims and Thoughts. Characters, or mores of the present century*. Moscow: AST. (In Russian).
- Vechtomov, E. (2003). Intellectual Elite and Humanitarian Education. In *Intellectual elite of Russia of the XX century: the capital and the province: materials of the interregional scientific conference* (cc. 32–38). Kirov: Publishing house of the Vyatka State University. (In Russian).
- Volkov, V. N. (2001). *Ontology of personality*. Ivanovo: Publishing house of the Ivanovo State University. (In Russian).
- Weber, M. (1990). *The Theory of Steps and Direction of Religious Rejection of the World. Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russian).
- Zhadko, N. V., & Bezrukikh, M. M. (2011). Formation of "soft" skills in vocational training. *Professional education. Capital*, (8), 14–15. (In Russian).

**История элитологии
и элитология истории**

**History of Elite Studies and
Elite Studies of History**

RIVALRY OF INTRA-ELITE BOLSHEVIK GROUPS ON THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE NEW ECONOMIC POLICY IN THE 1923 – BEGINNING 1926

Andrey V. Baranov (a)

(a) Kuban State University. Krasnodar, Russia. Email: baranovandrew[at]mail.ru
ORCID 0000-0001-7847-1679

Abstract

The problem of choosing a strategy for social development, an adequate assessment of the state and trends in the development of society is one of the urgent problems of the study of the political elite of Russia in the twentieth century. Under the Soviet authoritarian regime, strategic political decisions could only be made within the upper stratum of the party-state elite. The author argues the existence under Bolshevism the three versions of the doctrine of the new economic policy in the 1923–1926: the left (“Trotskyist”), centrist and right (“Bukharinist”). The author reveals the similarities and differences of this doctrine at the stages of the crisis of 1923—1924 and the “expansion” of the NEP (autumn 1924—spring 1926). The author refutes a number of politicized myths about the views of L. D. Trotsky, L. B. Kamenev, N. I. Bukharin on the new economic policy. The author of the article notes the objective economic and political factors that made the Thermidorian rebirth of the Bolshevik doctrine of the NEP impossible, led to the dogmatization of interpretations of the state of a multi-structured society and the prospects for its development. As a result, the choice of the strategy of socialist modernization in the mid-1920s was subordinated to the pragmatic interests of the struggle for power.

Keywords

intra-elite groups; Bolshevism; rivalry; new economic policy; leadership

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СОПЕРНИЧЕСТВО ВНУТРИЭЛИТНЫХ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ГРУППИРОВОК ПО ПРОБЛЕМЕ ТРАКТОВКИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В 1923 — НАЧАЛЕ 1926 ГГ.

Баранов Андрей Владимирович (а)

(а) Кубанский государственный университет. Краснодар, Россия. Email: baranovandrew[at]mail.ru
ORCID 0000-0001-7847-1679

Аннотация

Проблема выбора стратегии общественного развития, адекватной оценки состояния и тенденций развития социума является одной из актуальных проблем исследования политической элиты России XX в. В условиях советского авторитарного режима принятие стратегических политических решений могло совершаться только внутри высшего слоя партийно-государственной элиты. Автор статьи аргументирует наличие в рамках большевизма трёх версий доктрины новой экономической политики в 1923—1926 гг.: левой («троцкистской»), центристской и правой («бухаринской»). Автор выявляет сходства и различия данной доктрины на стадиях кризиса 1923—1924 г. и «расширения» нэпа (осень 1924 — весна 1926 гг.). Автор опровергает ряд политизированных мифов о взглядах Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина на новую экономическую политику. Автор статьи отмечает объективные экономические и политические факторы, которые сделали невозможным термидорианское перерождение большевистской доктрины нэпа, привели к догматизации трактовок состояния многоукладного общества и перспектив его развития. В итоге выбор стратегии социалистической модернизации в середине 1920-х гг. был подчинен прагматическим интересам борьбы за власть.

Ключевые слова

внутриэлитные группировки; большевизм; соперничество; новая экономическая политика; лидерство

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В марте 2021 г. Россия отметит 100-летие начала новой экономической политики (нэпа). Насколько усвоены политическими элитами и интеллектуалами России уроки нэпа? Какие выводы сделаны из того, что опыт нэпа успешно применен для экономического развития Китая и многих других стран, а в России последние двадцать лет находится на периферии общественного внимания? Революция 1917 г. в России свершилась под лозунгами построения социализма, т.е. ускоренной модернизации. Коренным образом изменился тип взаимосвязи политики с доктринами преобразований. Первоочередное значение идеологии вызвано сущностью социалистического общества, создаваемого на основе доктрин. Идеология большевизма стала единственной легальной, определяя все действия власти. Но многоукладное общество менялось медленно, сохраняя преемственность с дореволюционными структурами.

Эти обстоятельства требовали от большевистской элиты создать стратегию развития общества, сочетающую реализм с отчётливой социалистической перспективой. За 1918—1929 гг. большевизм применял две противоположные доктрины: военный коммунизм и новую экономическую политику. Неоднородность большевистской элиты 1920-х гг., наличие противоречивых групп интересов и приоритетов политического курса должны учитываться при осмыслении нэпа. Особый интерес вызывает соперничество трактовок нэпа в период от прекращения деятельности В.И. Ленина до начала свертывания нэпа.

Цель статьи — выявить противоречивость трактовок новой экономической политики в качестве доктрины развития общества в 1923 — начале 1926 гг.

В историографии сформировались два противоречивых истолкования нэпа. Одна традиция рассматривает нэп как краткосрочный маневр, ряд вынужденных уступок государства крестьянству. Поскольку рыночные отношения несовместимы с социализмом, нэп стал угрожать советской системе, и был закономерно прекращен, как только возникли условия индустриализации (История Всесоюзной коммунистической партии, 1952, стр. 291–292; Прокопович, 1952). Различаются политические оценки уничтожения нэпа, а не сущностная его характеристика. Восприятие нэпа как отсрочки в осуществлении социализма разделяется и западными историками «тоталитарной» школы (М. Малиа, Р. Пайпс) (Malia, 1994; Пайпс, 1997), и эмигрантами (М.С. Геллер, А.М. Некрич) (Геллер, & Некрич, 1986), и российскими либералами (Г.И. Ханин, Ю.Н. Афанасьев) (Ханин, 1989, стр. 66–83; Со-

ветское общество, 1997), и марксистами (Р.И. Косолапов, В.З. Роговин, Ю.Н. Жуков) (Косолапов, 1989, стр. 38-47; Роговин, 1992; Жуков, 2014).

Другая традиция основана на поддержке последних работ В.И. Ленина. Её сторонники оценивают нэп как оптимальный путь к социализму в условиях многоукладной аграрной страны. В западной исторической науке эту концепцию отстаивала «ревизионистская» школа (Р.С. Такер, С. Коэн и др.). Эти историки выявляли альтернативы развития на основе экономических и социальных факторов. Р. Такер и С. Коэн считали наилучшим вариантом нэпа «альтернативу Бухарина», т.е. постепенную индустриализацию в условиях многоукладной экономики и умеренно-авторитарного режима (Такер, 1990; Коэн, 1988). К подобным выводам пришли и отечественные исследователи — В.П. Данилов, О.Р. Лацис, Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов (Данилов, 2011, ч. 2, стр. 122-206; Лацис, 1988; Бордюгов, & Козлов, 1992). После преобладания в 1990-х гг. политизированных представлений «тоталитарной школы» (Наше Отечество, 1991, т. 2) наметилась тенденция профессионального изучения нэпа. Синтез достижений отечественной и зарубежной историографии достигнут в работах В.П. Данилова, Л.Н. Суворовой, Ю.П. Бокарева (Данилов, 2011, ч. 2, стр. 122-206; Суворова, 2013; Бокарев, 2009, стр. 121-133). Вместе с тем, современная историография подвержена рискам публицистических оценок нэпа, что проявляется в работах Ю.Н. Жукова.

Советская историография отрицала позитивный вклад представителей оппозиционных группировок большевистской элиты в разработку нэпа. Предполагалось, что ленинская концепция нэпа оптимальна и нуждалась только в правильном осмыслении. Лишь с 1990-х гг. возникла возможность на основе репрезентативного комплекса источников сравнить истолкования нэпа основными течениями большевизма.

СОДЕРЖАНИЕ

Дискуссия накануне X съезда РКП(б) развивалась в условиях растущей изоляции правящей партии, назревания стихийных массовых восстаний. Кризис ускорил поиски спасения власти на пути радикальной смены политики. Пересмотр стратегии развития начался в феврале–марте 1921 г. под давлением крестьянских восстаний. В.И. Ленин сыграл решающую роль во введении продналога, настояв допустить свободный местный товарообмен. Понимание реформ быстро менялось, система преобразований выстраивалась постепенно. Снача-

ла – фиксированный натуральный продналог и допущение розничной частной торговли; затем – возрождение денежного обращения и оптовой торговли; признание общенационального рынка; допущение частной финансовой деятельности, найма рабочей силы и аренды имущества. Но главным оставался вопрос: ради чего? В чьих интересах?

В.И. Ленин и другие лидеры большевизма ставили целью нэпа построение бесклассового социалистического общества рыночными способами. «Государственный капитализм», как именовали совокупность приемов оперирования власти на рынке, считался «мостками» – цепью переходных ступеней от многоукладной России к России социалистической. Ленин был готов на 10–20 лет сохранения нэпа: «всерьез, надолго, но, конечно, не навсегда» (Ленин, 1977, т. 44, стр. 311). Поиск первых шагов к нэпу совершался интуитивно в виде неотложных мер по преодолению кризиса. Нельзя не видеть ограниченность первых шагов к нэпу, утопичность расчета на подконтрольный государству продуктообмен между индустрией и сельским хозяйством.

«Дополнительное отступление» начинается с ряда разрозненных решений. 9 августа 1921 г. принят «Наказ СНК о проведении в жизнь начал новой экономической политики». В нем определены реформы промышленности. Замышлялась серьезная децентрализация управления. Госсектор переводился на хозяйственный расчет. Предприятия получили право ограниченного сбыта продукции. Допускалась аренда предприятий кооперативами и частными лицами. Возрождалось материальное стимулирование труда. СНК впервые разрешил «переходить, где это возможно и выгодно, к денежной форме обмена» (Решения партии, 1967, т. 1, стр. 247). В августе – сентябре 1921 г. расширены права кооперации вести товарообмен. Допущены и развивались торговля и производство, регулируемые государством. Госпредприятия переводились на хозрасчет, т.е. в значительной степени на коммерческие основания.

Как явствует из ленинских работ и директив, в 1921 г. НЭП понимался как неизбежное вынужденное отступление от непосредственного построения социализма, как курс восстановления экономики рыночными приемами, в рамках государственного регулирования. Эти представления не выходили за рамки марксистского истолкования социализма – бестоварного, бесклассового строя. Нэп не означал стихийного развития рыночных отношений, тем более — политической демократизации. В 1922 г. Ленин даёт характеристику строя России – «государственный капитализм в пролетарском государстве» (Ленин, 1977, т. 45, стр. 119).

Главным субъектом управления для большевиков оставалось государство. Попытки расширения уступок получали отпор партийной элиты. 3 марта 1922 г. Ленин подчёркивает в письме Л.Б. Каменеву: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому» (Ленин, 1978, т. 44, стр. 428). Вскоре, на XI съезде РКП(б) Ленин высказывает неприятие демократизации: «Надо учиться, добиваться того, чтобы государственный капитализм в пролетарском государстве не мог и не смог выходить из рамок и условий, которые выгодны пролетариату... А без эсеровской и меньшевистской пропаганды... русский крестьянин, мы утверждаем, жить может» (Ленин, 1977, т. 45, стр. 119-120).

Итак, для «раннего» нэпа 1921–1922 гг. характерна нескоординированность политики в отношении промышленности, сельского хозяйства и сферы обращения. Преобладали административные способы управления. Рыночные связи действовали только на макроэкономическом уровне, не проникая вглубь госсектора и не определяя отношения внутри него. Это — модель допущения рынка в жёстких рамках: сохранения государственной собственности в крупной промышленности, монополии внешней торговли, сдерживания аренды и частной оптовой торговли. Противоречие между экономическим плюрализмом и политической диктатурой заложено в основу нэпа.

Необходимость переосмысления нэпа становилась всё более очевидной в 1922 г. по мере затухания гражданской войны и роста экономики. Поиск новой концепции отразился в последних работах В.И. Ленина и внутрипартийных дискуссиях. В.И. Ленин советовал пересмотреть презрительное отношение большевиков к реформам. «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм ... мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т.д. Теперь же центр тяжести ... переносится на мирную организационную «культурную работу» (Ленин, 1977, т. 45, стр. 376). Важнейшим становится всеобщее добровольное кооперирование, «а строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма» (Ленин, 1977, т. 45, стр. 373).

Ленин рассчитывал завершить кооперирование в итоге целой эпохи, которую можно пройти «на хороший конец в одно-два десятилетия» (Ленин, 1977, т. 45, стр. 370). Главное условие построения социализма — «научиться практически строить этот социализм так, чтобы **всякий** мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении», руководствуясь собственной выгодой. Переход к новому строю дол-

жен произойти «путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина» (Ленин, 1977, т. 45, стр. 370). Предстояло создать систему финансовых, организационных и культурно-просветительных мер, втягивающих в кооперацию **«поголовно все население»**. Эта система объединяет частный торговый интерес крестьян с возможностью проверки и контроля его государством, определяет меру подчинения частного интереса всеобщему (Ленин, 1977, т. 45, стр. 372, 370).

Подразумевалось кооперирование товарооборота в добровольно выбранных крестьянами формах, без государственного принудительного ускорения. Кооперация связывалась с повышением культурного уровня общества (Ленин, 1977, т. 45, стр. 370-373). Смысл последних ленинских работ остался неостребованным и непонятным для партийно-государственной элиты.

В то же время, сравнительный анализ ленинских представлений 1921–1922 гг. о нэпе подтверждает постоянство цели – строительства бесклассового социализма. Нэп никогда не приравнивался к социализму и не сводился к неограниченным рыночным отношениям. По словам Ленина, «...новая экономическая политика **не меняет** единого государственного хозяйственного плана и **не выходит** из его рамок, а меняет **подход** к его осуществлению» (Ленин, 1978, т. 54, стр. 101). Государственный сектор экономики по-прежнему считался «последовательно-социалистическим».

В.И. Ленин отстаивал доктрину нэпа – пути к социализму на основе рыночных отношений, регулируемых государством. Эта доктрина предусматривала систему ограничителей частного капитала: монополию внешней торговли и слаборазвитость внешнеэкономических связей, трестовский хозрасчет в госсекторе, неэквивалентный обмен («перекачку» средств из сельского хозяйства в промышленность), финансовое и правовое сдерживание частного накопления. В этом, как полагает С.В. Цакунов, была логика. Чтобы строить социализм в отдельно взятой России, требовалось обеспечить максимальную политическую стабильность и первоочередное возрождение «командных высот» экономики (тяжелой промышленности и транспорта). Довоенные запасы сырья и оборудования позволяли не прибегать к масштабным инвестициям из-за рубежа (Цакунов, 1994, стр. 38-40). Ленинские представления о нэпе развивались от «отступления перед мелкобуржуазной стихией» к идее оптимального пути к социализму. Ленинская концепция нэпа осталась незавершенной. В 1923 г. наметились перспективные новации: идеи всеобщего добровольного кооперирования, союза совсем крестьянством. Развиться им было суждено в политической мысли большевизма после смерти В.И. Ленина.

Общность представлений о цели – социализме не исключала ожесточенных дискуссий о сущности нэпа и тенденциях его развития, о методах и темпах индустриализации. Факторы множественности трактовок нэпа: неизведанность путей к социализму, противоречия между интересами классов, разнородность большевистской элиты, различия в задачах и методах оценки нэпа.

На основании таких критериев, как оценка сущности и перспектив нэпа, обоснование степени и форм регулирования рынка, приоритеты социальной политики, отношение к либерализации системы власти мы предлагаем выделить три течения в большевистской элите 1920-х гг. Во-первых, левая оппозиция, представленная Л.Д. Троцким, Е.А. Преображенским и др. Во-вторых, «правые большевики» во главе с Н.И. Бухариным – сторонники длительного развития многоукладного общества и его эволюционного вращивания в социализм. В-третьих, центристы-прагматики – И.В. Сталин и др., самостоятельность их воззрений проявилась позже, в 1926–1929 гг.

Все лидеры РКП(б) соглашались с тем, что ленинизм нужно только разъяснять, а не совершенствовать и пересматривать. В этом было коренное противоречие. Опыт нэпа требовал от большевистской элиты переосмысления марксизма, прежде всего – постулатов о бестоварном характере социализма, о позитивном смысле классовой борьбы. При однопартийности противоречивые интересы социальных групп могли легально выражаться только в версиях монополярной идеологии.

Вначале Л.Д. Троцкий считал нэп неизбежным временным отступлением, соглашением власти с крестьянством на почве возрождения хозяйства. Допущение рыночных отношений рассматривалось как признак российской отсталости. Подлинное строительство социализма станет возможным только после победы пролетарской революции в ряде развитых стран (Одиннадцатый съезд, 1961, стр. 135, 130).

Вместе с тем, доклад Л.Д. Троцкого на IV конгрессе Коминтерна наметил глубокую переоценку нэпа. Троцкий подчеркивал неизбежность, объективность длительной переходной эпохи, в которую пролетарское государство овладевает рынком его методами (кредитованием, налогами, торговлей). Нэп трактуется как система возрождения рынка и подъема экономики, рассчитанная на долгий срок «даже без содействия социалистической Европы». Успех изолированного развития России решится в итоге «конкуренции госпредприятий на рынке, проверки их снизу рынком». Нэп проявляется не только в отношениях города с деревней. Это – система ведения хозяйства на основе рынка (Троцкий, 1923, стр. 377). Отличия взглядов Троцкого от Ленина в

том, что он считал кооперацию «вовлечением крестьянства в плановое государственное, т.е. социалистическое хозяйство». Троцкий скептически относился к термину «государственный капитализм», не отражавшему-де природу советской власти (Троцкий, 1923, стр. 404, 365–366).

Сравнение поправок Ленина и Троцкого к доктрине нэпа в конце 1922–начале 1923 г. доказывает расхождение в выборе приоритетов политики. Троцкий делал акцент на росте государственной промышленности, а не на развитии кооперативного товарооборота. Он отвергал «самодовлеющее» понимание стабилизации валюты, проводимого Наркоматом финансов; не одобрял кредитование трестов более чем под 10–20% основного капитала (Архив Троцкого, 1990, т. 1, стр. 9–11, 23–25).

ХII съезд РКП(б) в 1923 г. обозначил рост противоречий в истолковании нэпа. Хозяйственный кризис и приближение решающих битв за власть стимулировали разработку соперничающих проектов. Накануне съезда проявилась первая вспышка борьбы между правящей «тройкой» Политбюро ЦК (И.В. Сталиным, Г.Е. Зиновьевым, Л.Б. Каменевым) и оппозиционной частью партийной элиты.

Троцкий повторил на ХII съезде выводы о закономерности и неизбежности нэпа «для всех рабочих государств» в течение переходного периода. Он признавал, что нэп предстоит «победить» на его собственной основе и рыночными приемами. В докладе Троцкого прозвучали здравые идеи борьбы с бюрократизмом и безработицей, предложения наладить научную организацию труда и хозрасчет предприятий. Поскольку промышленность слаба, удовлетворить спрос крестьянства Троцкий предлагал за счет товарной интервенции из-за рубежа. Но не эти разрозненные меры определили вектор развития взглядов на нэп. Троцкий выдвинул лозунги, противоречившие его собственным выводам. Он потребовал усилить директивное планирование, установить «диктатуру промышленности» над сельским хозяйством. Фраза: «можно начать побеждать нэп» свелась к систематическому расширению сферы государственного планирования, к «поглощению» нэпа (Двенадцатый съезд, 1968, стр. 309–351, 400–415).

Противоположный фланг оппозиции олицетворяли Л.Б. Красин, Г.Я. Сокольников, И.Т. Смилга, П.А. Богданов – защитники нэпа. Они отвергали директивное ценообразование и предлагали приспособляться к рынку: взять иностранные долгосрочные кредиты для тяжелой промышленности, ввести денежный сельскохозяйственный налог (Двенадцатый съезд, 1968, стр. 130, 194, 360–364, 353, 357). ЦК РКП(б) отверг оба проекта преобразований, предпочитая сохранять

устаревший курс в быстро менявшихся условиях. Выход из кризиса 1923 г. найден в директивном уравнивании цен на промышленные и сельскохозяйственные товары, что не решало проблему и загоняло её вглубь.

Выбор в пользу уступок крестьянству можно понять только с учетом международной обстановки после поражения восстания Германской компартии осенью 1923 г. Доктрина мировой революции, служившая оправданием большевизма, потерпела поражение. Следовало найти ответ на важнейший вопрос: возможно ли успешное строительство социализма в СССР как единственной стране? Каково должно быть новое соотношение нэпа с бесклассовой перспективой, какие темпы и способы роста избрать? Каковы особенности российского пути к социализму?

Л.Д. Троцкий полагал в 1925 г., что Россия обречена на отсталость до тех пор, пока коммунисты не возьмут власть во «всем капиталистическом мире». По его мнению, следовало равняться на мировые образцы эффективности, т.е. активно развивать внешнеэкономические отношения. Ведь «на крестьянской сохе ни коммунизма, ни даже социализма построить нельзя...». Внутриполитические задачи Троцкий объяснял с охранительных позиций: надо сохранять диктатуру пролетариата и красный террор, «ниспровергнуть на деле» демократию. Курс на привлечение крестьян к управлению, взятый ЦК осенью 1924 г., означал для Троцкого «буржуазное перерождение» власти (Троцкий, 1925, стр. 29, 45; Архив Троцкого, 1990, т. 1, стр. 131, 135, 141–142).

Е.А. Преображенского сближала с Троцким точка зрения на необходимость первоочередного развития индустрии и усиления планирования. Как и Троцкий, Преображенский считал неудачным ленинский термин «госкапитализм». Ещё в 1922 г. он предложил рассматривать нэп как «товарно-социалистическое хозяйство». В 1924 г. Преображенский усовершенствовал взгляды на нэп, назвав его «перiodом первоначального социалистического накопления». Содержание нэпа – не эволюционное развитие всех укладов к социализму (как считал Бухарин), а непримиримая борьба государственного хозяйства с частным (Преображенский, 1924, стр. 53–54, 92–96).

Преображенский признавал возможность построения социализма в изолированной России, но раньше других увидел противоречия и ограничители нэпа. Ещё в 1922 г. Преображенский полагал, что борьба рыночного и планового секторов заведет общество в «экономический тупик» в конце 1920-х гг. Спасен советский строй будет благодаря пролетарской революции на Западе (Преображенский, 1922, стр. 12-

13). Вскоре Преображенский сформулировал основной закон социалистического накопления: «в экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской» России «социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплуатацию досоциалистических форм хозяйства». Способы накопления виделись в огосударствлении и монополизме промышленности, в поддержании высоких цен и налогов с крестьянства (Преображенский, 1924, стр. 53–54, 92–96).

Наиболее целостно Преображенский выразил взгляды в 1926 г. Период первоначального накопления должен продолжаться, «пока наше государственное хозяйство не получит технического и экономического преобладания» (Преображенский, 1926, т. 1, ч. 1, стр. 251, 30). Заслуга Преображенского в том, что он построил схему динамического равновесия экономики и доказал нехватку средств для пропорционального роста в рамках «восстановительной модели» (Преображенский, 1927, стр. 70).

Отвергая обвинения в «сверхиндустриализме», Е.А. Преображенский предлагал усилить косвенные налоги на крестьян: «брать больше **из ещё большего** дохода, который будет обеспечен мелкому производству рационализацией всего, в том числе мелкого, хозяйства страны» (Преображенский, 1924, стр. 59). Замыслы Преображенского и Троцкого оставались в рамках нэпа и не предусматривали слом рыночных отношений. Вот выступление Л.Д. Троцкого в Кисловодске 8 ноября 1925 г.: «...беднота... может попытаться загнуть линию в сторону военного коммунизма, коммунизма бедноты, в сторону «раскулачивания». Этого допустить нельзя. Это завтра же ударит по середняку, убьет личную заинтересованность крестьянина в продуктах его труда и приведет деревню на уровень 1920–1921 гг.» (Троцкий, 1926, стр. 18). Это не помешало сталинской группировке позаимствовать идеи левой оппозиции и сделать их радикальными при свертывании нэпа.

Противоположное истолкование нэпа разрабатывал Н.И. Бухарин, ставший после опалы Л.Д. Троцкого ведущим теоретиком партии. Первоначальные представления Бухарина о нэпе не отличались от общепринятых. Схематизм и категоричность Бухарина обусловили его понимание переходного общества как равновесного. Бухарин жестко увязывал хозяйственные формы и уклады с классами.

Первый шаг к переосмыслению нэпа был сделан на IV конгрессе Коммунистического Интернационала (1922 г.). Бухарин назвал преобразования общества в переходный период «процессом действительного вставания в социализм» (IV Всемирный конгресс, 1923, стр. 190–192). Отсюда – новая мысль о целом ряде стадий, этапов нэпа. В 1924–

1925 гг. Бухарин сформулировал относительно целостную систему взглядов, которую можно считать развитием ленинской доктрины нэпа. Бухарин убежден: нэповское общество представляет собой целостность, а противоречия между интересами классов неантагонистичны. Роль государства – поддерживать гражданский мир и равновесие, обеспечивать эволюционный путь развития при постепенном затухании классовых противоречий (Бухарин, 1988, стр. 62–63, 72, 77). Государство должно приспособиться к рынку, регулировать его посредством конкуренции «наиболее безболезненно» (Пятый Всемирный конгресс, 1925, ч. 2, стр. 79–80). Из этого следует выбор замедленного темпа реформ. «Мы будем многие десятки лет **медленно вращаться в социализм**: через тысячу и одну промежуточную форму» (Бухарин, 1923). Причины кризисов нэпа виделись только в отсталости России, в несовершенстве способов управления (Бухарин, 1988, стр. 79).

Именно Бухарин первым осознал качественное различие ленинских представлений о нэпе 1921 и 1922 гг., сделал вывод о двух стратегических планах нэпа: отступления перед мелкобуржуазной стихией, а позже – «правильной экономической политики», оптимального пути к социализму (Бухарин, 1988, стр. 128-132). Взгляды Бухарина подверглись уничтожающей критике со стороны левой оппозиции, а позже преданы забвению, хотя автор их прав.

В 1925 и 1926 гг. Бухарин обосновывает принципы пропорциональности роста секторов и укладов, их взаимозависимости и сотрудничества. Для него смысл нэпа «в том, что целый ряд хозяйственных факторов, которые раньше не могли оплодотворять друг друга, потому что они были заперты на ключ военного коммунизма», теперь в состоянии обогащать друг друга и работать на пользу всему обществу (Бухарин, 1988, стр. 128-132). Настоящую хозяйственную политику можно «вести только при условии развернутого хозяйственного оборота» (Бухарин, 1925а).

Бухарин основывал эти выводы на своём законе трудовых затрат, согласно которому в переходной экономике должны обеспечиваться общественно необходимые пропорции между секторами (прежде всего – между индустрией и сельским хозяйством); между нормами потребления и накопления. Эти соотношения определяют возможный темп индустриализации (Бухарин, 1926а). Бухарин признает неизбежность «перекачки», так как индустриализация совершится в основном за счет внутрироссийских финансовых ресурсов. Но «весь вопрос заключается в том, сколько мы можем взять с крестьянства..., в какой мере мы можем эти перекачки вести, какими методами, где пределы

этой перекачки». Он подчеркивал, что накопление в промышленности не может долго происходить без накопления в крестьянском хозяйстве. «Одно зависит от другого... социалистическая индустриализация – это не паразитарный по отношению к деревне процесс..., а средство ее величайшего преобразования и подъема» (Бухарин, 1926b, стр. 150–151). Источниками накоплений Бухарин считал рост рентабельности госпредприятий, ускорение оборота капитала, снижение себестоимости продукции, увеличение личных вкладов в банках. Если Троцкий и Преображенский выступали за наращивание плановых начал в системе многоукладной экономики и противопоставляли их рыночному сектору, то Бухарин отстаивал рыночные методы взаимодействия укладов.

В крестьянской стране успех социалистического строительства можно было обеспечить, только отладив эффективные формы сочетания частных, групповых и коллективных интересов. Поэтому Бухарин считал кооперативный план основами экономической политики в отношении крестьян. Только тогда можно добиться успеха, когда «мелкий производитель будет видеть, что он работает на себя, а объективно будет работать на социализм... столбовая дорога пойдет через обыкновенную кооперацию – сбыт, закупку, кредит» (Бухарин, 1925b, стр. 29, 28). Крестьянство начнет вращаться в систему социалистических отношений через кооперацию своего товарооборота, через развертывание рыночных связей. Бухарин в полемике настаивал: «Всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота...» (Бухарин, 1988, стр. 142–145, 136). По ходу роста кооперации крестьяне добровольно перейдут «от организации торговли... к **организации совместного производства**» в различных формах. Этот процесс будет весьма долгим и завершится лишь с электрификацией сельского хозяйства (Бухарин, 1988, стр. 171–175, 184). Колхозы же – не основной путь деревни к социализму.

Бухаринская трактовка кооперации страдала схематизмом, свойственным большевизму в целом. Формы объединений жёстко делились на «простейшие» (торговые, кредитные, сбыто-снабженческие) и высшие (производственные). Колхозы предназначались для бедняков; сбыто-снабженческие объединения – для середняков; кредитная кооперация – для «кулачества» (Бухарин, 1988, стр. 181–185). Эта абстрактная «лестница» ограничивала возможности государственного курса. Рынок допускался в качестве способа поднять производительные силы, но не рассматривался как наилучший регулятор отношений между укладами. Бухарин, оставаясь ортодоксальным марксистом,

рассматривал хозяйственные вопросы с точки зрения классовой борьбы, обеспечения социалистической направленности накопления. В итоге должен был возникнуть бестоварный социалистический строй (Бухарин, 1989, стр. 191).

Политические проявления нэпа не обладали в трактовке Бухарина самостоятельной ценностью. Переход от администрирования к рыночным методам управления, по мнению Бухарина, должен усиливать роль партийно-государственной системы. Максимум, на что готовы были пойти правые большевики (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Г.Я. Сокольников) в 1924–1925 гг. – призвать к «форсированной нормализации режима». Они предложили сузить права ОГПУ, «скорее переходить к более либеральной» форме соввласти: меньше репрессий, больше законности, больше обсуждений, самоуправления (под руководством партии *naturaliter*)...» (Письма Н.И.Бухарина, 1988, стр. 42).

Даже эти осторожные уступки вызвали сильнейшую тревогу сталинской и зиновьевской группировок, требовавших гарантий прочности диктатуры партии. И.В. Сталин заявил на заседании Политбюро ЦК 3 января 1925 г.: «Мы до полной ликвидации гражданской войны далеко еще не дошли и не скоро, должно быть, дойдем» (Наше Отечество, 1991, ч. 2, стр. 197). Г.Е. Зиновьев, считая нэп отступлением к государственному капитализму, отвергал тезис Сталина и Бухарина о возможности победы социализма в отдельно взятой России. Зиновьев не признавал идею союза власти со всем крестьянством, предпочитая привычную опору на бедняков и нейтрализацию середняков (Зиновьев, 1926, стр. 206, 202, 321, 273). Решительно отвергал политическую либерализацию и председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский. Он считал в заявлении в комиссию Политбюро ЦК и в письме В.Р. Менжинскому 24 декабря 1924 г., что предложения Бухарина и Сокольникова есть «отступление перед нэпом и разоружение революции» (Феликс, 1977, стр. 279–280).

Наиболее последовательным сторонником развертывания рыночных отношений выступал в 1923–1925 гг. нарком финансов СССР Г.Я. Сокольников. Он полагал, что товарно-денежные связи не противостоят социалистическому строительству. Овладевая процессом обращения денег, государство преобразовывает «природу» денег и придает им новое содержание (Евдокимов, 1989, стр. 76–86). Сокольников отказывался считать государственные предприятия социалистическими, так как плановые возможности государства слабы. В основе этих взглядов — представление о неразрывной связи, невозможности обособленного развития частного и государственного секторов хозяйства. Сокольников отмечал: «...Экономический и финансовый подъем

Советской России возможен в короткий срок, только если она сумеет хозяйственно примкнуть к мировому рынку и опереться на широкую базу сравнительно примитивного товарного хозяйства в России» (Сокольников, 1991, стр. 59). Чтобы не допустить «товарного голода» и роста цен, Сокольников предлагал снизить темпы развертывания промышленности и капитального строительства, ограничить банковское кредитование трестов и объем денежной массы в обращении. Оставалось неясным, как совместить эти меры с модернизацией России.

Хлебозаготовительный кризис осени 1925 г. вызвал панику многих парторботников. Они преувеличивали степень восстановления экономики и мощь частного сектора, требовали усилить государственное регулирование. Так, заместитель председателя ВСНХ Г.Л. Пятаков призывал ограничить «нэпманов», завышая чистую прибыль частных предприятий в 1924–1925 г. с 77 до 400 млн. р. (Валентинов, 1991, стр. 167). Председатель Совета труда и обороны СССР Л.Б. Каменев утверждал, будто 14% крестьянских семей – «кулаки» с посевом свыше 6 дес. на хозяйство распоряжались 61% товарных запасов хлеба. Отсюда – демагогический вывод: «всего опаснее» замалчивать непомерное расслоение крестьянства и рост кулацких накоплений (Каменев, 1929, т. 11, стр. 345, 346, 334). На самом же деле «кулацкими», т.е. предпринимательскими, можно считать только 3–4 % крестьянских хозяйств, владевших 12% товарных запасов зерна (Яковлев, 1926, стр. 61, 84).

Оказавшись в меньшинстве, Троцкий и Зиновьев начали использовать уравнилельные иллюзии беднейших слоев общества и антибюрократические настроения. Троцкий писал: «Внутренними силами самой деревни выхода к социализму нет и быть не может...». Идея построения социализма в одной стране «может подготовить и облегчить медленное сползание на мужицкий термидор». Троцкий и Зиновьев предлагали увеличить инвестиции в промышленность на 20 % в 1926–1927 г., повысить сумму сельскохозяйственного налога на 30–50 млн. р. за счет «кулачества», неуклонно наращивать доходы рабочих, разработать 5–8-летний план индустриализации (Архив Троцкого, 1990, т. 1, стр. 217–219, 222, 131–142, 161, 165).

Силы «правых» большевиков дробились. Из чувства самосохранения Бухарин и Рыков выражали свои взгляды осторожнее и отмежевывались от Сокольникова, который в одиночестве предлагал наращивать аграрный экспорт и допустить частный (в том числе иностранный) капитал в госпромышленность (XIV съезд, 1926, стр. 326, 330–331, 352). Сокольников предлагал раскрепостить инициативу крестьян; увеличенные доходы от экспорта зерна позволили бы закупить со-

временное промышленное оборудование при экономии капиталовложений (Сокольников, 1926, стр. 2-8, 37-38).

Данный путь означал крах надежд на быструю индустриализацию, подтачивал основы монопольной власти РКП(б). Сталинская группировка была не прочь перехватить инициативу в разжигании уравнилельных настроений. Достаточно сравнить заявления лидеров. Л.Б. Каменев утверждал: «Мы этот нэп породили, мы им воспользовались, и мы его, когда нужно будет, удушим» (Каменев, 1929, т. 11, стр. 468); И.В. Сталин соглашался: «Мы все против расширения нэпа» (Сталин, 1947, т. 7, стр. 357). Новая политическая линия вырисовывалась в речи В.М. Молотова на октябрьском (1925 г.) пленуме ЦК и резолюции пленума: первый уклон – «недооценка отрицательных сторон нэпа»; второй – «недопонимание значения нэпа как необходимого этапа перехода к социализму» (КПСС, 1984, т. 3, стр. 231–232).

Решения XIV съезда РКП(б) об индустриализации продиктованы скорее идеологическими соображениями, чем трезвым расчетом. Требовалось быстро укрепить военную мощь и престиж государства, упрочить социальную базу власти за счет наращивания рабочего класса. Общепринятым среди лидеров партии было понимание нэпа лишь как средства и этапа социалистического строительства, а не как самоценного длительного состояния общества. А.И. Рыков заявлял в 1924 г.: «Конец нэпа будет... когда мы превзойдем и по количеству рабочих, и по количеству товарных связей с деревней то, что было до войны» (Рыков, 1929, т. 3, стр. 85).

В условиях однопартийной системы выбор оптимальной цели, задач, темпов и способов политического развития мог совершаться только внутри элиты РКП(б), в дискуссиях с контролируемым результатом. Разногласия середины 1920-х гг. между большинством ЦК во главе со Сталиным и Бухариным, а также левой оппозицией во главе с Троцким и Зиновьевым объяснялись совокупностью причин долгосрочного действия.

Прежде всего, развитие нэпа на основе регулируемых рыночных отношений вело к осознанию различными социальными группами своих интересов. Многие рабочие, крестьяне и служащие (включая партийцев) стремились к обогащению и спокойной жизни. Мировая революция для них уже перестала быть заветной целью, и лидеры РКП(б) учитывали эти настроения.

Во-вторых, конкуренция подрывала благосостояние неквалифицированных рабочих, батраков и сельской бедноты, многих парработников «низового звена», студентов. Для чиновников нэп угрожал их власти; для сторонников социализма означал опасность контррево-

люции. Это вызывало уравнильные настроения. Сталин считал: «Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия, – к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком... из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака» (Сталин, 1947, т.7, стр. 337).

В-третьих, марксизммог предложить политикам 1920-х гг. лишь схематичное обоснование действий. Доктринерская нетерпимость к инакомыслию, догматизм и опыт военного коммунизма создавали благодатную почву для дискредитации неугодных. Участники борьбы за власть были склонны менять взгляды в зависимости от конъюнктуры. Сталинская группировка, которой близки идеи ускоренного наступления социализма, понимала привлекательность «левых» лозунгов, но нуждалась в тактическом союзе с правыми для разгрома оппозиции. Поэтому в 1926—1927 гг. велась гибкая политика лавирования. Троцкий метко назвал её «левым зигзагом».

ВЫВОДЫ

Пересмотр стратегии развития начался в феврале–марте 1921 г. под давлением крестьянских восстаний на почве несостоятельности «военного коммунизма». Изначально не было научно обоснованной системы мер, не подвергалась сомнению доктринальная основа власти. Смысл новой экономической политики, сформулированный в работах В.И. Ленина, динамично менялся. На этапе формирования первоначальных представлений о нэпе (март–июль 1921г.) курс считался набором антикризисных уступок крестьянству на недолгий срок до восстановления государственной промышленности и мировой революции. На втором этапе (осень 1921–1922 гг.) нэп стал рассматриваться как совокупность мер «государственного капитализма», рыночных методов построения социализма обходными путями, в течение долгого (на 10 лет) ряда переходных состояний общества. Был признан характер нэпа как неизбежной стадии пути к социализму. В последних работах В.И. Ленина (конец 1922 г.) намечались черты качественно новой концепции: всеобщее добровольное кооперирование, реформистская сущность политики, союз рабочего класса со всем трудовым крестьянством.

Совокупность представлений о нэпе противоречива. Признание неизбежности опосредованного пути к социализму сочеталось с представлением о социализме как бестоварном и бесклассовом строе. Идея строительства нового общества в отдельно взятой России противоре-

чила общепринятой в РКП(б) концепции мировой революции. Положение о сотрудничестве укладов наталкивалось на догму безусловной прогрессивности государственного сектора экономики. Развитие рыночных отношений вело к противоречивости интересов рабочего класса, крестьянства и других социальных групп. В основе нэпа заложено противоречие между допущенным многообразием хозяйственных форм и политической диктатурой.

Новая экономическая политика – это ведущая тенденция управленческих решений партийно-государственной системы власти в 1921–1927 гг.; стратегия строительства социализма в России на основе рыночных отношений, регулируемых методами «государственного капитализма». Нэп предусматривал систему ограничителей частного капитализма: монополию внешней торговли и слаборазвитость внешнеэкономических связей, ограниченность товарно-денежного оборота в госсекторе, неэквивалентный обмен между промышленностью и сельским хозяйством, финансовое и правовое сдерживание накопления негосударственных укладов. Сохранялась национализация основных средств производства.

Изначальная доктрина нэпа исчерпывала себя по мере восстановления экономики, неизбежного назревания индустриализации. Логика рыночных отношений к середине 1920-х гг. требовала решительно расширить пределы нэпа, гарантировать защищенность собственности и гражданских прав, пойти на развитие политического плюрализма. Но никто из лидеров партийно-государственной элиты не мог желать такого самоубийственного выбора.

Основными факторами множественности трактовок нэпа были: неизведанность путей к социализму, противоречия между интересами классов, неоднородность элиты, различия в задачах и методах познания. По критериям оценок нэпа, обоснований степени и форм государственного регулирования, приоритетов социальной политики, отношения к либерализации власти можно выделить три течения большевистской мысли 1920-х гг. Во-первых, леворадикальное (Троцкий, Преображенский и др.). Во-вторых, «школа Бухарина» – сторонники затяжного сохранения многоукладного общества и его эволюционного «врастания» в социализм. В-третьих, непоследовательные сторонники «центризма» (Сталин и др.).

Леворадикальные теоретики признавали первоочередной задачей развития индустрии и усиления планирования, недооценивали роль кооперирования товарооборота. Для них содержание нэпа – не эволюционное развитие всех укладов к социализму, а непримиримая борьба государственного хозяйства с частным и поглощение частного сектора

рыночными методами. Основной закон социалистического накопления, выдвинутый Преображенским, предусматривал эксплуатацию негосударственных укладов в целях индустриализации. Заслуга левой оппозиции – в экономическом анализе противоречий нэпа, в выдвижении альтернативных проектов политики реконструктивного периода.

Напротив, Бухарин сформулировал в 1924–1925 гг. совокупность взглядов на нэп, развивавшую тенденции последних ленинских работ. Многоукладное общество стало рассматриваться как целостность; противоречия между классовыми интересами сочтены неантагонистическими. Власть понималась как гарант «гражданского мира» и равновесия интересов. Бухарин отстаивал приоритет реформистских методов строительства социализма, идею замедленного вставания в социализм через многочисленные переходные формы. Основным путем преодоления многоукладности – кооперирование процессов обращения на добровольной основе. Наиболее радикальный пересмотр доктрины нэпа – в работах Г.Я. Сокольникова, предлагавшего развивать внешнеэкономические связи и экспортную направленность сельского хозяйства, отстаивавшего пропорциональность роста секторов и укладов экономики на основе устойчивой валютной системы. Ограниченность проектов Бухарина и Сокольникова – в их согласии с авторитарным политическим режимом, в попытках видоизменить доктрину восстановительного периода без ее коренного пересмотра.

Сравнительный анализ истолкований нэпа доказывает наличие стадий зарождения доктрины нэпа в 1921–1922 гг., ее конкретизации и попыток усовершенствования в 1923–1925 гг. Позже восстановительная модель нэпа утратила адекватность отражения реальности, а поиск пути модернизации велся за пределами нэпа и ценой отрицания его принципов. Доктрина нэпа в учении большевизма не смогла перерасти в целостную научную концепцию, оставшись политико-идеологическим феноменом.

Список литературы

- Malia, M. E. (1994). *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917-1991*. New York: Free Press.
- Афанасьев, Ю. Н. (Ред.). (1997). *Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал* (Т. 1). Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета.

- Бокарев, Ю. П. (2009). НЭп как самоорганизующаяся и саморазрушающаяся система. В А. С. Сенявский, *НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты* (с. 121–133). РОССПЭН.
- Бордюгов, Г. А., & Козлов, В. А. (1992). *История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества*. Москва: Издательство политической литературы.
- Бухарин, Н. И. (1923, сентябрь 28). Крестьянство и рабочий класс в ближайший исторический период. *Правда*.
- Бухарин, Н. И. (1925а). *Текущий момент и основы нашей политики*. Москва: Московский рабочий.
- Бухарин, Н. И. (1925b, апрель 24). Новые задачи в области нашей крестьянской политики. *Правда*.
- Бухарин, Н. И. (1926а). *К вопросу о троцкизме*. Москва; Ленинград: Госиздат.
- Бухарин, Н. И. (1926b, июль 1). К вопросу о закономерностях переходного периода. *Правда*.
- Бухарин, Н. И. (1988). *Избранные произведения*. Москва: Политиздат.
- Бухарин, Н. И. (1989). *Проблемы теории и практики социализма*. Москва: Политиздат.
- Валентинов, Н. В. (1991). *Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина: Годы работы в ВСНХ во время НЭП: Воспоминания*. Москва: Современник.
- Геллер, М. Я., & Некрич, А. М. (1986). *Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней*. Лондон: Overseas Publications Interchange.
- Данилов, В. П. (2011). *История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: В 2-х частях. Часть 2*. Москва: РОССПЭН.
- Двенадцатый съезд РКП(б), 17-25 апреля 1923 г.: *Стенографический отчёт*. (1968). Москва: Политиздат.
- Евдокимов, В. (1989). Экономическая концепция Г.Я. Сокольникова. *Вопросы экономики*, (11), 76–86.
- Жуков, Ю. Н. (2014). *Оборотная сторона НЭПа: Экономика и политическая борьба в СССР: 1923-1925 годы*. Москва: Аква-Терм.
- Зиновьев, Г. Е. (1926). *Ленинизм: Введение в изучение ленинизма*. Ленинград: Госиздат.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс*. (1952). Москва: ОГИЗ.
- Каменев, Л. Б. (1929). *Статьи и речи. 1905—1925* (Т. 11). Москва; Ленинград: Госиздат.

- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986)* (9-е изд., испр. и доп. изд., Т. 3). (1984). Москва: Политиздат.
- Косолапов, Р. И. (1989). Последний рабочий год Ленина. *Политическое образование*, (17), 38–47.
- Коэн, С. (1988). *Бухарин. 1888–1938. Политическая биография*. Москва: Прогресс.
- Кулешов, С. В. (1991). *Наше отечество: Опыт политической истории* (Т. 2). Москва: Терра.
- Лацис, О. Р. (1988). *Перелом*. Москва: Политиздат.
- Ленин, В. И. (1977а). О внутренней и внешней политике республики. В В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*. Москва: Политиздат.
- Ленин, В. И. (1977б). О кооперации. В В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*. Москва: Политиздат.
- Ленин, В. И. (1977с). XI съезд РКП(б). Заключительное слово по политическому отчёту ЦК РКП(б) 28 марта 1922 г. В В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*. Москва: Политиздат.
- Ленин, В. И. (1978). Г. М. Кржижановскому. 16 ноября 1921 г. В В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*. Москва: Политиздат.
- Одиннадцатый съезд РКП(б). Март—Апрель 1922 г. Стенографический отчёт*. (1961). Москва: Госполитиздат.
- Пайпс, Р. (1997). *Россия при большевистском режиме*. Москва: РОССПЭН.
- Письма Н.И. Бухарина. (1988). *Вопросы истории КПСС*, (11), 42–50.
- Преображенский, Е. А. (1922). *От НЭПа к социализму: (Взгляд на будущее России и Европы)*. Москва: Московский рабочий.
- Преображенский, Е. А. (1924). Основной закон социалистического накопления. *Вестник Коммунистической академии*, (8), 47–116.
- Преображенский, Е. А. (1926). *Новая экономика: Опыт теоретического анализа советского хозяйства* (Т. 1). Москва: Коммунистическая академия.
- Преображенский, Е. А. (1927). Хозяйственное равновесие в системе СССР. *Вестник Коммунистической академии*, 22, 19–71.
- Прокопович, С. Н. (1952). *Народное хозяйство СССР: В 2 томах*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова.
- Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала 17 июня—8 июля 1924 г. Стенографический отчёт*. (1925). Москва; Ленинград: Государственное издательство.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сборник документов за 50 лет* (Т. 1). (1967). Москва: Политиздат.
- Роговин, В. З. (1992). *Была ли альтернатива?: Троцкизм, взгляд через годы*. Москва: Терра.

- Рыков, А. И. (1929). *Статьи и речи* (Т. 3). Москва: Госиздат.
- Сокольников, Г. Я. (1926). *Осенние «заминки» и проблемы хозяйственного развертывания*. Москва: Финансовое издательство НКФ СССР.
- Сокольников, Г. Я. (1991). *Новая финансовая политика: На пути к твердой валюте*. Наука.
- Сталин, И. В. (1947a). XIV съезд ВКП(б). Заключительное слово по политическому отчёту ЦК 23 декабря 1925 г. В И. В. Сталин, *Сочинения* (Т. 7, сс. 353–391). Москва: Государственное издательство политической литературы.
- Сталин, И. В. (1947b). XIV съезд ВКП(б). Политический отчёт ЦК 18 декабря 1925 г. В И. В. Сталин, *Сочинения* (Т. 7, сс. 261–352). Москва: Государственное издательство политической литературы.
- Суворова, Л. Н. (2013). *Нэповская многоукладная экономика: Между государством и рынком*. Москва: АИРО-XXI.
- Такер, Р. (1991). *Сталин. Путь к власти 1879—1929. История и личность*. Москва: Прогресс.
- Троцкий, Л. Д. (1923). *Основные вопросы революции*. Москва; Петроград: Госиздат.
- Троцкий, Л. Д. (1925). *К социализму или к капитализму?* Москва; Ленинград: Плановое хозяйство.
- Троцкий, Л. Д. (1926). *Восемь лет: Итоги и перспективы*. Москва; Ленинград: Госиздат.
- Фельштинский, Ю. Г. (Ред.). (1990). *Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927* (Т. 1). Москва: Терра.
- Ханин, Г. И. (1989). Почему и когда погиб НЭП. *Эко*, (10).
- Цакунов, С. В. (1994). *В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е гг.* Москва: Россия молодая.
- Цвигун, С. К. (Ред.). (1977). *Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография*. Москва: Политиздат.
- Четвёртый Всемирный конгресс Коминтерна: Избранные доклады, речи и резолюции*. (1923). Москва; Петроград: Государственное издательство.
- Четырнадцатый съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 18-31 декабря 1925 г. Стенографический отчёт*. (1926). Москва; Ленинград: Госиздат.
- Яковлев, Я. А. (1926). *Об ошибках хлебофуражного баланса ЦСУ и его истолкователей*. Москва: Комакадемия.

References

- Afanasyev, Y. N. (Ed.). (1997). *Soviet Society: Emergence, Development, and Historical Finale* (V. 1). Moscow: Publishing house of the Russian State University for the Humanities. (In Russian).

- Bokarev, Y. P. (2009). The NEP as a self-organizing and self-destructive system. In A. S. Senyavsky, *The NEP: economic, political, and sociocultural aspects* (pp. 121–133). ROSSPEN. (In Russian).
- Bordyugov, G. A., & Kozlov, V. A. (1992). *History and Conjecture: Subjective Notes on the History of Soviet Society*. Moscow: Publishing House of Political Literature. (In Russian).
- Bukharin, N. I. (1923, September 28). The peasantry and the working class in the immediate historical period. *Pravda*. (In Russian).
- Bukharin, N. I. (1925a). *The Current Moment and the Basis of Our Policy*. Moscow: Moskovsky Rabochiy. (In Russian).
- Bukharin, N. I. (1925b, April 24). New Challenges in Our Peasant Policy. *Pravda*. (In Russian).
- Bukharin, N. I. (1926a). *On Trotskyism*. Moscow; Leningrad: Gosizdat.. (In Russian).
- Bukharin, N. I. (1926b, July 1). On the Laws of Transition. *Pravda*. (In Russian).
- Bukharin, N. I. (1988). *Selected Works*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Bukharin, N. I. (1989). *Problems of the Theory and Practice of Socialism*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Cohen, S. (1988). *Bukharin. 1888–1938. Political Biography*. Moscow: Progress. (In Russian).
- Danilov, V. P. (2011). *History of the Russian Peasantry in the Twentieth Century. Selected Works: In 2 Parts. Part 2*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Decisions of the Party and Government on Economic Issues: A Collection of Documents for 50 Years* (Vol. 1). (1967). Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Eleventh Congress of the RCP(b). March-April 1922. Verbatim Report*. (1961). Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).
- Evdokimov, V. (1989). G.Y. Sokolnikov's economic concept. *Economic issues*, (11), 76–86. (In Russian).
- Felshtinsky, Y. G. (Ed.). (1990). *Trotsky's Archive: The Communist Opposition in the USSR. 1923–1927* (Vol. 1). Moscow: Terra. (In Russian).
- Fifth World Congress of the Communist International, June 17-8 July 1924..* (1925). Moscow; Leningrad: State Publishing House. (In Russian).
- Fourteenth Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) December 18-31, 1925. Verbatim report*. (1926). Moscow; Leningrad: Gosizdat.. (In Russian).
- Geller, M. Y., & Nekrich, A. M. (1986). *Utopia in Power: A History of the Soviet Union from 1917 to the Present*. London: Overseas Publications Interchange. (In Russian).
- History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course*. (1952). Moscow: OGIZ.. (In Russian).

- Kamenev, L.B. (1929). *Articles and Speeches. 1905—1925* (Vol. 11). Moscow; Leningrad: Gosizdat. (In Russian).
- Khanin, G. I. (1989). Why and when the NEP died. *Eco*, (10). (In Russian).
- Kosolapov, R. I. (1989). Lenin's Last Working Year. *Political Education*, (17), 38–47. (In Russian).
- Kuleshov, S. V. (1991). *Our Fatherland: Experience in Political History* (Vol. 2). Moscow: Terra. (In Russian).
- Latsis, O. R. (1988). *Breaking*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Lenin, V. I. (1977a). On the domestic and foreign policy of the republic. In B. I. Lenin, *Complete Works*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Lenin, V. I. (1977b). On cooperation. In B. I. Lenin, *Complete Works*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Lenin, V. I. (1977c). XI съезд РКП(б). Concluding remarks on the political report of the Central Committee of the RCP(b) on March 28, 1922. In B. I. Lenin, *Complete Works*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Lenin, V. I. (1978). Г. М. Krzhizhanovsky. November 16, 1921. In B. I. Lenin, *Complete Works*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Letters of N.I. Bukharin. (1988). *Issues in the History of the CPSU*, (11), 42–50. (In Russian).
- Malia, M. E. (1994). *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917-1991*. New York: Free Press.
- Pipes, R. (1997). *Russia under the Bolshevik regime*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).
- Preobrazhensky, E. A. (1922). *From NEP to Socialism: (A View of the Future of Russia and Europe)*. Moscow: Moskovsky Rabochiy. (In Russian).
- Preobrazhensky, E. A. (1924). The Basic Law of Socialist Accumulation. *Bulletin of the Communist Academy*, (8), 47–116. (In Russian).
- Preobrazhensky, E. A. (1926). *The New Economy: Experience of Theoretical Analysis of the Soviet Economy* (Vol. 1). Moscow: Communist Academy. (In Russian).
- Preobrazhensky, E. A. (1927). Economic equilibrium in the system of the USSR. *Bulletin of the Communist Academy*, 22, 19–71. (In Russian).
- Prokopovich, S. N. (1952). *National Economy of the USSR: In 2 Volumes*. New York: Chekhov Publishers. (In Russian).
- Rogovin, V. Z. (1992). *Was there an alternative: Trotskyism, a look back over the years*. Moscow: Terra. (In Russian).
- Rykov, A. I. (1929). *Articles and Speeches* (Vol. 3). Moscow: Gosizdat. (In Russian).
- Sokolnikov, G. Ya. (1926). *Autumn "hiccups" and problems of economic deployment*. Moscow: Financial Publishers of the USSR NKF. (In Russian).
- Sokolnikov, G. Ya. (1991). *The New Fiscal Policy: Toward a Hard Currency*. Science. (In Russian).

- Stalin, I. V. (1947a). XIV Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Final word on the political report of the Central Committee on December 23, 1925. In I. V. Stalin, *Essays* (Vol. 7, pp. 353–391). Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russian).
- Stalin, I. V. (1947b). XIV Congress of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Political report of the Central Committee on December 18, 1925. In I. V. Stalin, *Essays* (Vol. 7, pp. 261–352). Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russian).
- Suvorova, L. N. (2013). *NEP Multiform Economy: Between the State and the Market*. Moscow: AIRO-XXI.. (In Russian).
- The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of the Congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898-1986)* (9th edition, revised and supplemented, Vol. 3). (1984). Moscow: Politizdat. (In Russian).
- The Fourth World Congress of the Comintern: Selected Papers, Speeches, and Resolutions*. (1923). Moscow; Petrograd: State Publishing House. (In Russian).
- Trotsky, L. D. (1923). *Key Issues of the Revolution*. Moscow; Petrograd: Gosizdat.. (In Russian).
- Trotsky, L. D. (1925). *Toward socialism or capitalism?* Moscow; Leningrad: Planned Economy.. (In Russian).
- Trotsky, L. D. (1926). *Eight Years: Results and Prospects*. Moscow; Leningrad: Gosizdat.. (In Russian).
- Tsakunov, S. V. (1994). *In the Labyrinth of Doctrine. From the experience of the development of the country's economic course in the 1920s*. Moscow: Young Russia. (In Russian).
- Tsvigun, S. K. (Ed.). (1977). *Felix Edmundovich Dzerzhinsky: Biography*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Tucker, R. (1991). *Stalin. The Road to Power 1879-1929. History and Personality*. Moscow: Progress. (In Russian).
- Twelfth Congress of the RCP(b), April 17-25, 1923: Verbatim Report*. (1968). Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Valentinov, N. V. (1991). *The New Economic Policy and the Crisis of the Party after Lenin's Death: Years of Work at the All-Union Economic Council during the NEP: Memoirs*. Moscow: Sovremennik. (In Russian).
- Yakovlev, Y. A. (1926). *On the mistakes of the CSU grain and forage balance and its interpreters*. Moscow: Comacademy. (In Russian).
- Zhukov, Y. N. (2014). *The flip side of the NEP: Economics and Political Struggle in the USSR : 1923-1925*. Moscow: Aqua-Therm. (In Russian).
- Zinoviev, G. E. (1926). *Leninism: An Introduction to the Study of Leninism*. Leningrad: Gosizdat. (In Russian).

Политическая культура элит

Political Culture of the Elites

TRANSFORMATION VARIABLES OF POLITICAL CULTURE OF MODERN POLITICAL ELITE

Olga I. Oskina (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: oskina_olga[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2006-1786

Abstract

In the work, the author actualizes the problem of the qualitative transformation of modern political elites, primarily of the Western world. Studies of qualitative indicators of modern political elites are in a decisive way connected with the type of political culture which gives a vector orientation to the behavior and nature of professional activities of elite circles. A significant place in the work is given to the theoretical and methodological foundations of the general theory of political culture and its classification foundations in the modern globalizing conditions. Based on an interdisciplinary approach, the author examines the variables of the political culture of modern elites, fixes an increase in the number of propaganda techniques and manipulative information and communication practices. Competitive interaction of elite groups from the real sector of politics is gradually shifting to the sphere of ratings which are often biased and opportunistic in nature. It is concluded that the idea of transatlantic unity which is carried by the elite circles has gradually transformed into a freer and more independent entity based more on cultural and historical community where there is an acute struggle for supremacy between Great Britain, the EU and claiming hegemony of the United States. The recorded contradictions and disagreements in the elite environment regarding the guidelines for further development are especially noticeable against the background of the growing crisis phenomena, significantly aggravated by the spread of the COVID-19 pandemic which we are witnessing at the present time.

Keywords

political culture; political image; political elite; values; liberalism; democracy; corruption; falsification; crisis; transformation

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Оськина Ольга Ивановна (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: oskina_olga[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2006-1786

Аннотация

В работе автор актуализирует проблему качественной трансформации современных политических элит, прежде всего западного мира. Исследования качественных показателей современных политических элит определяющим образом связаны с типом политической культуры, придающим векторную направленность поведению и характеру профессиональной деятельности элитных кругов. Значительное место в работе уделяется теоретико-методологическим основаниям общей теории политической культуры и ее классификационным основаниям, фиксирует тенденцию возникновения "когнитивного диссонанса" и смещение либерально-ценностных установок в сложившихся исходных характеристиках социокультурного облика у политических акторов в современных глобализирующихся условиях. Опираясь на междисциплинарный подход, автор исследуются переменные величины политической культуры современных элит, фиксирует увеличение количества пропагандистских приемов и манипулятивных информационно-коммуникативных практик. Конкурентное взаимодействие элитных групп из реального сектора политики постепенно перемещается в сферу рейтингов, часто имеющих ангажированный и конъюнктурный характер. Делается вывод, о том, что идея, трансатлантического единства, носителем которой выступают элитные круги, постепенно трансформировалась в более свободное и независимое образование, основанное в большей степени на культурной и исторической общности, где происходит острая борьба за главенство между Великобританией, ЕС и претендующих на гегемонию США. Фиксируемые противоречия и рассогласования в элитной среде, по поводу ориентиров дальнейшего развития, особенно заметны на фоне нарастающих кризисных явлений, значительно обострившихся в условиях распространения пандемии COVID-19, которые мы наблюдаем в настоящее время.

Ключевые слова

политическая культура; политический имидж; политические элиты; ценности; либерализм; демократия; коррупция; фальсификация; кризис; трансформация

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Современный элитологический анализ онтологии правящих элит все чаще обращает пристальное внимание на трансформационные изменения их политической культуры, определяющим образом влияющих на характер и стиль деятельности. Для современных постмодернистских обществ характерен эклектический набор элементов, определяющих политическую культуру современных политических элит. Исследования позволяют выделить два устойчивых направления анализа, наглядно показывающих динамику и глубину происходящих изменений. Первый, условно может быть определен как институционально-управленческий. Здесь можно проследить устойчивую связь между структурными элементами политической системы и управленческой деятельностью элитных кругов, руководящим стилем и профессиональными качествами. Второе направление, в большей степени сосредотачивается на культурной составляющей бытия политических элит – мира скрытых от внешнего взгляда амбиций, традиций, желаний и мотиваций. На наш взгляд, они выступают важными маркерами, с помощью которых современная политическая наука может определить их управленческую успешность и стабилизационную перспективность. Нам представляется, что данное направление не достаточно проработано, чаще всего при доминировании первого подходе исследования политической культуры, сводится к навязыванию элитным акторам политических ролей и ориентаций в соответствии сложившимся в обществе субъективным представлениям. Подобное видение культуры разрабатывалось М. Фуко (Сокулер, 1997) в его концепции "власти-знания", где назначение культуры усматривается в продуцировании определенных форм властных отношений в обществе.

Начало XX века сопровождалось, постоянно растущим количеством научных публикаций и исследований о том, что современный мир вступил в период своего системного кризиса, упадка с последующей глобальной трансформацией.

Системные характеристики кризиса, позволяют выделить точки бифуркации синергетического процесса развития мировой системы, что является важным и просто необходимым для обретения нового качественного состояния.

Кризис в первую очередь проявился в тех структурах, которые ранее играли ведущую роль в международных процессах и отношениях. Речь идет о странах западного мира, альянс которых по-прежнему претендует на то, чтобы занимать лидирующие мировые позиции. Динамика кризисных изменений, обусловила актуальность анализа со-

стояния западных элит и необходимость определения трансформационных переменных, что позволит пролить свет на многие процессы, происходящие в настоящее время в мире. Нам представляется, что кризисные явления в западных элитных кругах имеют ценностную природу. Элиты фактически продолжают действовать в пределах либерального крыла рационалистической (модернистской) парадигмы. Среди популярных в прошлом либерально-демократических идей (открытых рыночных отношений, свободных и конкурентных выборах, независимых СМИ и т.д.) наметился явный сдвиг в сторону их мифологизации. Установки на методологический индивидуализм и неограниченную веру в человеческое познание, не позволяют реально оценить глубину системных сдвигов и решать серьезные проблемы, стоящие перед обществом, обострившиеся в условиях глобальной пандемии.

МЕТОДОЛОГИЯ

В анализе сущности политической культуры чаще всего реализуется междисциплинарный (мультидисциплинарный) подход, стремящийся объединить различные научные направления и оценки, с целью получения полномасштабной картины в оценке объективной реальности.

Перед исследованием стоит *цель* провести критический анализ существующих ценностных ориентаций властвующей элиты и выявить устаревшие мифологемы, не соответствующие актуализированной глобализирующейся проблематики. Исследование мифологем, позволяет установить, какие ценности и установки действительно составляют основу поведения политического класса, а какие приписываются ему в силу традиции или в рамках определенного идеологического спектра. Многие ценности исторически деформировались и существуют лишь в формализованном виде, продолжая условно принимать участие в политическом бытии нации. Таким образом, *объектом* настоящего исследования является современная политическая культура, а в качестве *предмета* выступают современные западные (преимущественно англосаксонские) политические элиты.

В теоретическом плане работа опирается на созданную еще Г. Алмондом и С. Верба модель типологии политической культуры, а также на разработки отечественных исследователей (О.Б. Шестопал, Г.Л. Тульчинский, А.В. Дука и др.), занимающихся исследованиями объективной политической действительности и политической культуры. Отечественная наука исследовала широкий набор проблем и раз-

личных категорий политической культуры в отечественной и зарубежной практике (Баталов, 1990; Шведова, 2003). Главное внимание уделялось исследованию мировоззренческих установок (Градинер, 1996; Завершинский, 2002), анализу различных научных социокультурных дискурсов (Пивоваров, 1996; Малинова, 2006), исследованию истории традиций (Васич, Ширинянц, 1999; Ширинянц, 2002), а также непосредственно самим теоретическим основаниям данной концепции (Дука, 2006). Особое внимание уделялось исследованию иерархических структур и влиянию на процесс различных цивилизационных традиций (Панарин, 1994; Каспэ, 2008).

ТЕОРЕТИКО-КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ

Во многом, исследовательские тренды при разработке теорий политической культуры были определены в 1960 гг. американскими исследователями. Именно они заложили фундаментальные основы *ориентационного подхода*, впервые осуществив анализ совокупности политических ориентаций по отношению к собственным политическим структурам.

Как известно, само понятие «политическая культура» понимается Г. Алмондом – «как специфические модели ориентаций на политические действия». (Almond, 1956, p. 396). «Каждая политическая система основывается на определенном образце ориентаций на политическую деятельность. Я обнаружил, что это удобно означать как политическую культуру» - писал Г. Алмонд (Almond, 1956, p. 396). У. Розенбаум, сосредоточился на выделении в политической культуре видов ориентаций: ориентации относительно институтов государственного управления, включающие в себя удовлетворенность (или неудовлетворенность) институтами государственной власти, доверие или недоверие им, оценку и реакцию на конкретные политические решения, представления об эффективности государственной политике; ориентации относительно «других» в политической системе, в содержание которых входит политическая идентификация граждан, готовность сотрудничать с другими группами или наоборот, а также установки по отношению к «правилам политической игры», к правам и обязанностям участников политического процесса; и ориентации относительно своей собственной политической деятельности, включающие в себя политическую компетентность (ориентации относительно политической активности) и действенность (представления о важности гражданской активности) (Rosenbaum, 1975).

Политическая культура определялась и как система ценностей, глубоко укорененных в сознании мотиваций (ориентаций и установок), регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике (Т. Парсонс, Э. Шилз), и как установочная и поведенческая матрица, способ политического поведения социальной группы и природу политических верований и ценностей ее членов. (Р. Карр, М. Бернштейн) (Тульчинов, 2018, стр. 16). В политической культуре в первую очередь отражаются базовые ценности социогенеза, такие, как безопасность, справедливость, свобода..., посредством которых и ведется конструирование конкретного общественного формата.

Г. Алмонд предлагал ввести четырехчленную классификацию политических систем: «Англо-американские (включая некоторых членов Содружества), континентально-европейские (исключая Скандинавию и Бенилюкс, которые соединяют некоторые черты континентально-европейской и англо-американской), доиндустриальные или частично индустриальные политические системы за пределами европейско-американского пространства, и тоталитарные политические системы» (Almond, 1956, p. 392-393).

Политическую культуру предлагают рассматривать как особый «механизм порождения, сохранения и трансляции политического опыта» (Тульчинов, 2018, стр. 12). Именно опыт оказывается главной ценностью в культурных кодах, передаваемых от поколения к поколению. И опыт этот может быть как позитивный, так и отрицательный. Сама политическая культура включает в себя целый ряд компонентов, среди которых на первом месте стоят: 1) политические институты, 2) политическое поведение (формы политического участия, профессиональной политической деятельности, традиции, практику правоприменения, разрешения конфликтов) и 3) политическое сознание (как некую совокупность политических идей, знаний, убеждений, представлений, мнений). (Тульчинов, 2018, стр. 13). Эта триада и определяет совокупность всех проблем, связанных с понятием политической культуры.

В основе типологии политических культур Г. Алмонд и С. Верба использовали принцип моделирования «чистых типа», под влиянием идей М. Вебера, согласно которому существуют три разновидности политических культур: (1) «Приходская» или «патриархальная» (parochial culture) – ориентация на жизнь рода, деревни, округа, конфессии, отсутствие интереса к политике, политической жизни. (2) «Подданническая» (subject culture) – пассивное отношение к политической системе, без стремления изменять что-либо, участие в политической жизни «по традиции», «ритуально». (3) «Участническая»

(participant culture) – активистский тип, где граждане проявляют интерес к участию в политической жизни, стремятся направлять деятельность власти, воздействовать на нее, используя законные способы влияния (Almond & Verba, 1963, p. 13). При этом Г. Алмонд и С. Верба считали, что в реальной жизни существует «смешанный тип» политической культуры: 1) для «культур гражданственности» (свойственной для западных либеральных демократий) существует «смесь» с соотношением чистых типов 1:3:6; 2) для модернизирующегося авторитаризма такое соотношение будет 3:6:1, и 3) для «демократий», установленных сверху – 55:40:5.

Свои модели типологии политических культур предлагали многие исследователи этой проблемы, чаще всего ориентируясь на ту или иную объективную политическую реальность. (У. Розенбаум, Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс) (Rosenbaum, 1975; Heunks & Hikspoors, 1995). Так, например, Д. Каванах различал 1) гомогенную (однородную) политическую культуру (для которой свойственно единство общества, толерантность), 2) фрагментарную культуру (с конфликтами оппозиционных субкультур), 3) «смешанную» политическую культуру, и 4) «искусственно гомогенную» (Kavanagh, 1983).

Разнообразие теорий политической культуры свидетельствует об её практической неоднозначности и многовариативности. Немецкий профессор К. Вельцель в работе «Парадигма политической культуры» вообще утверждал, что «политическая культура остается предположением, а не научным понятием» (Welzel, 2016). С позиции этого крайнего скептицизма политическая культура вообще становится крайне субъективным и постоянно ускользающим от внимания политической науки явлением.

Прежде всего критике подвергается типология Г. Алмонда и С. Вербы, в которой «правильная» демократия задана в качестве искомой цели всякого политического развития, и вместо исследования специфики нормативного отношения к политике в той или иной стране ее авторы анализировали национальную политическую культуру на соответствие заданным ими же самими ценностным стандартам.

Однако, это способствовало проведению целого ряда исследований в которой оценивалась политическая культура и влияние социальных ценностей и норм на функционирование политики в самых разных странах. К наиболее масштабным и значительным, с точки зрения прикладного применения, можно отнести работы Р. Инглхарта, который в 1977 году выдвинул тезис об изменении культурных норм и ценностных ориентаций в развитых демократических странах (Inglehart, 1977).

Ингльхарт отмечает, что наметился устойчивый тренд изменений политической культуры к стадии постмодерна и выделяет последовательные культурные паттерны (стили, шаблоны, модели), тесно увязанные с достигнутым тем или иным обществом уровнем экономического развития. Он делает вывод, о том, что экономическое развитие, культурные изменения и политические перемены идут параллельно и имеют единую логику развития. Это дает основание для обоснованных прогнозов в отношении страноведческих политико-культурных изменений (Inglehart, 1997, p. 325).

Так, под влиянием глобализационных процессов, не произошло гомогенизации культуры в глобальных масштабах, наоборот, мы видим образование различных гибридных форм: моралистскую, индивидуалистическую и традиционалистскую политические культуры (Дука, 2006). В процессе самоопределения в политике, все больший вес приобретают транснациональные группы, со своей специфической культурой. Политические ориентации мексиканцев и афроамериканцев в США, мигрантов в Европе становятся акторами, все более определяющими политику этих стран. Политическое взаимодействие становится как никогда проблематичным в силу возрастающей сложности достижения взаимопонимания его рядовых участников и примирения между собою их зачастую плохо совместимых культурных приоритетов (Стрежнева, 2002, стр. 154).

При столкновении на политической арене разных культур возможны "когнитивный диссонанс" и закрепление исходного социокультурного облика у политических акторов (Habermas, 1998, S. 113). В этой связи особое внимание необходимо уделить трансформационным переменным политической культуры правящей элиты западного мира.

ПЕРЕМЕННЫЕ ВЕЛИЧИНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Трансформация правящих элит выступает разновидностью эволюционного процесса, суть которого заключается в смене внутренних состояний элиты в рамках одного исторического типа. Ученые фиксируют поэтапность данных изменений, в ходе которых элита проходит определенные точки, прерывистость постепенности, когда возникает необходимость определиться по отношению к прошлому, настоящему и будущему при формировании новых качеств, которые могут быть обусловлены обучением или переобучением «старых» элит, а также вливанием новых сил, и внешних вызовов. В мотивах поведения ан-

глосаксонских (прежде всего британских) политических элит значительное место занимают воспоминания о своем имперском прошлом, традиции которого заставляют их вести себя соответствующим образом, при полном отсутствии имперских данных объективной реальности. Так уже было в постсоветский период (1990-е гг.), когда поведение российской элиты, воспроизводило управленческий стиль взаимодействия (особенно на постсоветском пространстве) прежнего руководства СССР.¹ Именно эти имперские рудименты и мешают современным британским политическим элитам адекватно оценивать себя и своих противников и принимать верные решения.

Западным элитам приходится вступать в конкурентное взаимодействие с не-западными элитами и не всегда эта конкуренция заканчивается их однозначной победой. В этих условиях бывшим мировым лидерам приходится в текущем процессе корректировать правила игры и вводить новые оценки результативности. Западный мир начинает уступать свои позиции на фоне роста самооценки и влияния не-Запада. Российские аналитики отмечают, что «К началу XXI в. не-западные ареалы мира не без культурного влияния Запада выработали новые стандарты миро- и самовосприятия. Возросла самооценка не-Запада, что связано с укреплением его позиций в мировой экономике (страны Восточной и Южной Азии), политике и военной сфере (Индия, Китай, исламские и латиноамериканские страны). Не-западные составляющие мира не готовы увидеть в себе лишь “предполье” Запада, которое хочет и, возможно (“если будет себя хорошо вести”), сможет стать его частью» (Никитин, 2018, стр. 35).

В настоящее время возрастает роль экспертного сообщества в принятии элитами стратегических управленческих решений. «В условиях современности роль экспертного знания в реализации любых транзакций, в том числе властных, резко возросла. Влияние рынка экспертизы на политико-управленческие процессы стало необратимым. По сути, любое политическое или управленческое действие в современном мире является сложной операцией со структурами знания. Во всех сферах жизни общества ключевую роль играют эксперты-технократы, осуществляющие управленческие действия не столько в соответствии с политическими установками, сколько на основе комплексов профессионального научно-экспертного знания определенного типа» (Сергеев и др., 2017, стр. 11). Политические элиты полагают-

1 Российские исследователи отмечали, что в подобных условиях возникает «явное несоответствие столь рационального понимания имперской идеи («пространство и ресурсы») исторической имперской традиции, в рамках которой рациональные соображения всегда играли подчиненную роль» (Каспэ, 1998, стр. 55).

ся на мнение экспертов, тем самым снимая с себя часть ответственности за провальные решения, ведь они были приняты по совету конкретных аналитических центров. Анализ последнего десятилетия указывает на то, что в тех же самых США наметился кризис именно аналитических центров, которые перестали «рождать новые смыслы», а пользуются старым багажом знаний. Это видно на примере формирования современного «мейнстрима»: «“Мейнстрим” в условиях современности может быть представлен как устойчивая и самовоспроизводящаяся модель взаимодействия экспертного знания и политико-административных практик, имеющая материально-практическое, научно-когнитивное и ценностно-идеологическое измерения» (Сергеев и др., 2017, стр.11).

Конкуренция элит из реального сектора политики постепенно перемещается в сферу рейтингов, которые регулярно проводятся различного рода структурами, претендующими на объективность и научность. Например, в 2020 году был подготовлен и опубликован Elite Quality Index – это исследовательский проект Университета Санкт-Галлена (Universität St. Gallen) в Швейцарии, который измеряет показатель качества элит в странах мира. Индекс позиционируется как новый глобальный индикатор оценки страновых возможностей роста и развития, демонстрируя, как действия элит и их подходы к формированию благосостояния способствуют или препятствуют развитию тех или иных государств. Индекс качества элит призван отразить степень совокупного влияния национальных элит на общество через измерение: показателей благосостояния, то есть деятельности элит по созданию и перераспределению ценностей от одной части общества к другой; показателей власти, или потенциала изъятия ценностей, а также способности элит настаивать на своих предпочтениях и бизнес-моделях через институциональные механизмы стран. В первую десятку вошли Европейские страны с показателями элиты 64,0-61,9 (Рейтинг, 2020).

Описания результатов и связанных с ними рейтингов, индексов и других сравнительных исследований представлены в показателях, которые направлены на демонстрацию высокой эффективности государства, общественных институтов и элиты, прежде всего европейских государств и демонстрацию низких показателей стран не западного мира. Так, показатели России -48,9, составители рейтинга соотнесли с аналогичными показателями Ботсвана (48,9) – государством в Южной Африке, получившем независимость от протектората Великобритании только в 1966 году, имеющем одно высшее учебное заведе-

ние в стране, экономику, где основу составляет экспорт алмазов (70%) и двухпалатый парламент, с нижней палатой вождей (Ботсвана, 2020).

Подобные сомнительные рейтинги, базирующиеся на манипулятивных исследованиях, вводят объективную политическую науку в заблуждение, девальвируют реальные показатели.

Эти несоответствия особенно заметны на фоне нарастающих кризисных явлений, значительно обострившихся в условиях распространения пандемии COVID–19, которые мы наблюдаем в настоящее время. Не имея, сформировавшихся актуальных ориентиров, элитам приходится действовать в режиме устаревших технологий, которые из реальных ценностей уже трансформировались или продолжают трансформироваться в мифологические и утопические категории бытия. Политические персонажи функционируют в совершенно новом «поликосмосе», подчас не замечая, что живут и действуют в уже искаженном пространстве². Эти изменения сказываются на логике внешней политики ведущих стран мира, что влечет за собой и изменения в стратегиях, обеспечивающих приоритеты в геополитической конкуренции.

В политической культуре наглядно переплетаются мифологемы с образами художественной литературы, отдельными идеологическими догмами, религиозными предпочтениями и конкретными философскими концепциями. К этому следует также добавить еще дискурс обыденного опыта, политической истории, нравственных максим, эсхатологических истерий и т.д., в результате чего мы получим весьма многосоставной феномен, представленный конкретной политической культурой в конкретный исторический момент ее развития.

Кроме этого, все возрастающее, конструирующее значение приобретают информационно-коммуникативные технологии, способные сформировать нужные стереотипные образы (Россия – империя зла), политические установки и ориентации. Именно от этих переменных величин во многом зависит оценка и восприятие политической действительности как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне общественно-политических институтов.

2 Эксперты отмечают наступление эры мирового кризиса: «Модель саморазвития и экспансии культурно-исторического типа – это системное распространение его ключевых концептов и практик, испытанных временем предпочтений и шаблонов, политических, экономических, культурных алгоритмов, “золотых легенд” и утопий, конкурирующих подобно дизайнерским пакетам глобальных корпораций. Причем прописанные в современной политике персонажи соперничают в полифоническомсоциокосмосе как с фрагментами полузабытых, забытых, неопознанных культур, так и с новыми субъектами, что заметно усложняет эмерджентную картографию цивилизации» (Некlessа, 2018, стр. 87).

В рамках формирования заказных, положительных имиджей политиков, существует традиция приписывания первым лицам преимущественно только положительных черт, а их слабые места вуалировать под «волеизъявления народа». Так, было например, с британским премьер-министром Д. Кэмероном, который инициировал референдум по Brexit. Для американских СМИ было характерно преобладание активистских компонент при анализе деятельности кабинета Д. Кэмерона в содержательной структуре образа власти в период до июня 2016 г. Положительная оценка активности власти, давалась в связи с ее противостоянием с ЕС в ходе переговоров о статусе членства Великобритании, деятельности по организации референдума (Палитай, 2018, стр. 159). Сменившая его на посту лидера нации Т. Мэй, с точки зрения, как европейских, так и американских СМИ, продемонстрировала еще более высокие позитивные деловые характеристики, такие как профессионализм и решительность, «честно», «смело» и «решительно» взялась за начатое им дело (Палитай, 2018, стр. 156). Американские источники изображали Т. Мэй в качестве человека, который взял на себя ответственность за страну в трудный для нее исторический период.³

Также позитивно оценивается и команда лидера - его ближайшая элита. Исходя из «контекстуального образа власти», исследователи приближаются к пониманию основных факторов и механизмов трансформации образов за конкретный период времени. Для анализа образа власти обычно используют такие шкалы оценок, как: *сила – слабость, простота – сложность, активность – пассивность, агрессивность – неагрессивность, привлекательность – непривлекательность* (Палитай, 2018, стр. 158).

В совершенно ином ключе и с использованием масштабных манипулятивных технологий описываются и характеризуются политические лидеры и элиты противников англосаксонского мира. Особенно демонизируются те, кто экзистенциально угрожают американскому мировому величию. Наиболее удачным способом создания в сознании того или иного образа является метафора и суггестивные методы, поскольку механизм метафорического переноса основывается на ассоциативно-образной природе человеческого мышления, а суррегация актуализирует некритическое восприятие информации, воздействующее на чувственное восприятие (Черепанова, 1995). Удобство и опасность образного описания объекта зачастую заключается в возможно-

3 Theresa May Faces Her First Prime Minister's Questions. – CNN. 2016. - URL: <http://edition.cnn.com/videos/world/2016/07/20/theresa-may-first-pm-questions-orig-sfc.cnn> (accessed 29.04.2017).

сти вариаций его толкования. Метафора является оптимальным средством манипуляции, поскольку предоставляет уже готовый образ, штамп. Она широко применяется как способ навязывания определенных субъективных оценок, установления нужных ассоциативных связей. Они не только привлекают внимание и придают тексту эмоциональную окраску, но и помогают создать определенный образ, воздействовать на реципиента в нужном направлении (Ермоленко, 2013). Англоязычные СМИ с успехом манипулируют общественным сознанием, создавая при помощи различных языковых средств «нужный» медиа-образ. В ходе анализа медиа-образа В.В. Путина, созданного англоязычными СМИ можно выделить следующие лексические доминанты имиджа: диктатор; последователь идей СССР; монарх; супергерой; агент КГБ; вожак (прагматик, патриот, популярный у своего народа).

Еще более негативную оценку содержит формируемый образ другого известного российского политика - Р. Кадырова. Его характеризуют как сурового, авторитарного лидера ("strongman"), указывая на диктаторский характер правления и долгий срок нахождения на посту главы республики с 2007 г. Также властный характер руководства характеризуют сочетания, в которых используются яркие эпитеты с негативной коннотацией, такие, как: "the omnipotent Chechenleader" (всемогущий чеченский лидер), "the autocraticleader" (деспотичный лидер), "the powerfulhead of Chechnya" (могучий лидер Чечни), "a violentprovincialboss" (яростный провинциальный босс), "heavy-handed leadership" (властное руководство). Вышеперечисленные характеристики помогают создать образ деспотичного, неуправляемого диктатора, чьи установки противоречат основам чести и морали. Наряду с эпитетами используется лексика с негативной коннотацией - "anabsolute despot" (абсолютный деспот), "a ruthlessschieftain" (безжалостный вождь), "violentruffian" (жестокий головорез) (Филиппова, Ядрихинская, 2019).

Подобного рода заявления, комментарии и оценки носят демагогический, и манипулятивный характер. В большей степени они имеют отношение к пропагандистским приемам, чем к научно-рациональному знанию. Западные элиты глубоко уверены в своем превосходстве (Huntington, 1996), что снижает уровень критического восприятия, меняющейся реальности, приобретающей особую значимость в условиях разрастающейся пандемии.

В качестве промежуточного вывода можно констатировать, что в анализе культуры западных политических элит мы обнаруживаем присутствие весьма значительного элемента пропаганды устаревших

либерально-демократических конструкций и установок, которые своим объемом и динамикой мешают рационально-критически воспринимать и оценивать современную динамическую действительность.

ДИАГНОСТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Западные политические элиты стоят перед самой настоящей культурной революцией, которая переворачивает все их прежние традиции и устои. В моду вошло квотирование субъектов власти – во власть продвигаются по квотам, а не по личным способностям и профессиональным качествам. Возникает искусственная «селекция элит», нарушающая весь естественный порядок отбора самых лучших. Квотирование делает бесполезной конкурентную борьбу, заранее отдавая предпочтение и преимущество группам лиц по их расовым, национальным, половым или сексуальным принадлежностям. «Культурная революция» разрушает привычную схему понимания элитных групп и их отношений, наносит ощутимый удар по персональному имиджу субъектов правящего политического класса. Подмена персональных качеств на квоты, нарушает все культурные коды политических элит, делает их уязвимыми в условиях роста кризиса. А именно требование открытой конкуренции является одним из краеугольных камней западной демократии. Размывая этот принцип, элиты размывают саму свою идентичность, делают себя наиболее уязвимыми для отрицательной селекции, что открывает путь к неминуемой их профессиональной деградации.

В последние годы мы всё чаще наблюдаем эффект бумеранга, когда обвинения западными элитами своих конкурентов в нарушении прав человека, коррупции и фальсификации возвращаются к ним самим и становятся их собственной характеристикой. В самой диагностике элит все чаще присутствуют деструктивные характеристики, свидетельствующие об их отрицательной селекции и негативных практиках.

Выборы всегда были священной коровой для западных либеральных демократий. Поэтому они всегда обвиняли своих оппонентов в том, что они систематически нарушают демократические выборы в своих странах и ставили им в пример свои выборные системы. Но в 2020 г. история показала, что и это достояние западной демократии нуждается в серьезном реформировании. Баллотирующийся на второй срок действующий президент США Дональд Трамп продолжал настаивать на своей победе на прошедших 3 ноября 2020 г. президентских выборах и после подведения их итогов не в его пользу. «Я победил на

выборах! – заявлял Трамп. - Радикальные левые демократы, работая со своими партнерами, лживыми СМИ, пытаются украсть [мою] победу на выборах. Мы им не позволим [этого сделать]»⁴. По его версии, демократ Джозеф Байден «победил [на выборах] только в глазах лживых СМИ». Д. Трамп настаивал на том, что отказывается признавать свое поражение на выборах, поскольку они прошли с грубейшими нарушениями со стороны демократов. Впервые в истории США вера в непоколебимость демократических институтов была подорвана самими же американскими элитами. Д. Трамп нарушил все неписанные правила политической культуры США, показав на собственном примере глубочайший раскол американских элит.

Официально кумовства и коррупции на Западе нет. Но если внимательно присмотреться, то выяснится, что оно там есть повсюду. Особенно это заметно на примере складывания семейных политических династий в США и в традиции раздачи пэрских и баронских титулов в Великобритании. Известно, что на «Туманном Альбионе» пэрские титулы часто раздавались «друзьям детства» или скрытым «фаворитам». Налицо процветает скрытое кумовство. Так, например, в 2020 г. королева Великобритании Елизавета II присвоила сыну российского медиамагната Александра Лебедева (и по совместительству экс-сотрудника КГБ) Евгению (1980 г.р.) постоянно проживающего в Лондоне, титул «барона Сибирского».⁵ Титул позволил ему стать членом Палаты лордов британского парламента. Новоиспеченный лорд заявил, что готов приложить все старания для борьбы за свободу слова... Известно, что Е. Лебедев находится в приятельских отношениях с премьер-министром Великобритании Борисом Джонсоном, для которого в прошлом устраивал богатые вечеринки.

Таким образом, при диагностике современных англосаксонских элит мы можем наблюдать очевидные признаки девальвации системы их либеральных ценностей. Во внутренние их отношения проникают такие ранее отрицавшиеся на официальном уровне признаки, как коррупция, кумовство, фальсификация..., что расходится с образом и «золотым эталоном» демократии и гражданских свобод.

Еще одной традицией политических и научных элит современного Запада является неписаное правило замалчивать корпоративные

4 Трамп настаивает на своей победе на президентских выборах. 19.11.2020. - URL: <https://news.mail.ru/politics/44212331/?frommail=1> (дата обращения: 19.11.2020).

5 Полное название титула заслуживает отдельного внимания: барон Лебедев из Хэмптона в лондонском районе Ричмонд-Апон-Темс и Сибири в Российской Федерации. При этом, какое отношение имеет к английской королеве Российская Федерация, не уточняется. - Сын Александра Лебедева получил от английской королевы титул барона Сибирского. – Версия. №44. 17.11. 2020. - URL: <https://versia.ru/syn-aleksandra-lebedeva-poluchil-ot-anglijskoj-korolevy-titul-barona-sibirskogo>

проблемы и недостатки, с целью поддержания своего имиджа на соответствующем элитарном уровне. Так, возникающие внутри ведущих американских партий кризис лидерства, пропагандисты выдавали за открытую демократическую борьбу претендентов за власть (Сергеев, 2018, стр. 132-133). Причем деятельность подобных организаций спецслужбы США оценивают как несущие потенциальную угрозу национальной безопасности их государства.

В мировоззрении самих элит заметен рост популярности т.н. теорий заговоров, которыми они пытаются объяснить свои неудачи и просчеты. Возлагая вину на мифические силы, кибератаки политических конкурентов, которые якобы им агрессивно противостоят, они автоматически снимают с себя ответственность за крайне неудачно проводимую политику. Конспирология становится самым популярным видом объяснение «загадочной» природы власти и самих политиков (Пайпс, 2008; Бразертон, 2017). Именно «*conspiracy theory*» используется в политической борьбе как средство дискредитации конкурентов и демонизации врагов. Это позволяет элитам выдавать себя за важную часть борьбы добра со злом, которую они якобы сами возглавляют на стороне добра. При этом их собственные многочисленные заговоры и интриги друг против друга создают весьма питательную базу для процветания подобного рода псевдонаучных теорий элит (Robert Jewett, John Shelton Lawrence, 2004, p. 206).

ВЫВОДЫ

Рассмотренные особенности политической культуры современных англосаксонских политических элит свидетельствуют о том, что они переживают ныне постимперский синдром, связанный с утратой имперского статуса и мирового господства. В течение второй половины XX в. имперские воззрения существенно эволюционировали, однако продолжали включать в себя представления-составляющие мифологемы, которые были унаследованы от имперского периода. Идея трансатлантического единства, носителем которой выступают элитные круги, изначально выражавшаяся в объединении всех колоний и зависимых земель под британским началом, постепенно трансформировалась в более свободное и независимое образование, основанное скорее на культурной и исторической общности, где сегодня происходит острая борьба за главенство между Великобританией, ЕС и претендующих на гегемонию США.

Революция в сфере политической культуры фактически означает перестройку архитектуры самой элиты под новые политические кон-

струкции, которые их сторонники пытаются выдать за стремление необходимого улучшения (коррекции) системы. При этом сама политическая культура утрачивает классическую стройность и погружается в эклектическую нестабильность. Подмена принципа открытой конкуренции квотированием, наносит ощутимые имиджевые потери, заметно снижая компетентностный уровень профессионализма правящих кругов. В элитах меняется сама их структура и система ценностных координат, благодаря которым они в прошлом были узнаваемы политической наукой.

Список литературы

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press.
- Heunks, F., & Hikspoors, F. (1995). Political culture 1960-1990. B R. A. de Moor, *Values in Western Societies* (cc. 51–82). BRILL.
- Huntington, S. P. (1997). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Penguin Books India.
- Inglehart, R. (1977). *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton University Press.
- Inglehart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press.
- Jewett, R., & Lawrence, J. S. (2004). *Captain America and the Crusade Against Evil: The Dilemma of Zealous Nationalism*. Wm. B. Eerdmans Publishing.
- Kavanagh, D. (1983). *Political Science and Political Behavior*. London: Allen & Unwin.
- Rosenbaum, W. A. (1975). *Political Culture: Basic Concept in Political Science*. New York.
- Welzel, C. (2016). Political Culture Paradigm. B C. Welzel, *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Oxford University Press. doi: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.67
- Алмонд, Г. А., & Верба, С. (2010). Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры). *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, (2), 122–144.
- Баталов, Э. Я. (1990). *Политическая культура современного американского общества*. Москва: Наука.
- Бразертон, Р. (2017). *Недоверчивые умы: Чем нас привлекают теории заговоров*. Москва: Альпина Паблишер.

- Васич, В. Н., & Ширинянц, А. А. (1999). *Политика. Культура. Время. Мифы*. Москва: Диалог-МГУ.
- Градинер, И. Б. (1996). *Политическая культура: Мировоззренческое измерение*. Санкт-Петербург.
- Дука, А. В. (2006). Политическая культура-поиски теоретических оснований. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 2(1), 7–30.
- Ермоленко, Г. М. (2013). Медиаобраз ВВ Путина в текстах англоязычных СМИ. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*, (3), 21–28.
- Завершинский, К. (2002). Когнитивные основания политической культуры: Опыт методологической рефлексии. *Полис. Политические исследования*, (3), 19–30. doi: 10.17976/jpps/2002.03.03
- Каспэ, С. (2008). *Центры и иерархии: Пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. Москва: Московская школа политических исследований.
- Каспэ, С. И. (1998). Имперская политическая культура в условиях модернизации. *Полития*, (3), 42–57.
- Литвак, Н. (2018). Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт. *Полис. Политические исследования*, (2), 163–172. doi: 10.17976/jpps/2018.02.12
- Малинова, О. Ю. (2006). «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе. *Политическая Наука*, (3), 7–30.
- Некlessа, А. (2018). Кризис истории. Мир как незавершенный проект. *Полис. Политические исследования*, (1), 80–95. doi: 10.17976/jpps/2018.01.06
- Никитин, А. (2018). Современный миропорядок: Его кризис и перспективы. *Полис. Политические исследования*, (6), 32–46. doi: 10.17976/jpps/2018.06.03
- Пайпс, Д. (2008). *Заговор: Мания преследования в умах политиков: [пер. с англ.]*. Москва: Новый хронограф.
- Палитай, И. (2018). Трансформация образов власти и политических лидеров Великобритании под влиянием Brexit (на материалах европейских и американских СМИ за 2014-2017 гг.). *Полис. Политические исследования*, (2), 150–162. doi: 10.17976/jpps/2018.02.11
- Панарин, А. С. (1994). *Россия в цивилизационном процессе: (Между атлантизмом и евразийством)*. Москва: Российская Академия наук - Институт философии.
- Пивоваров, Ю. С. (1996). Концепция политической культуры в современной науке. В *Политическая наука. Теоретико-методологические и историко-культурные исследования* (с. 6–45). Москва: ИНИОН РАН.
- Рейтинг стран мира по индексу качества элит. (2020). В *Центр гуманитарных технологий, 2006–2020. Гуманитарная энциклопедия: Исследования [Электронный ресурс]*. Извлечено от <https://gtmarket.ru/ratings/elite-quality-index>

- Рытов, Л. Н., Копя-Овдиенко, Н. В., Хаин, В. Е., Булаев, О. О., & Линдер, В. И. (2017). Ботсвана. В *Большая российская энциклопедия*. Извлечено от <https://bigenc.ru/geography/text/4125521>
- Сергеев, В., Казанцев, А., & Петров, К. (2017). Политика “мейнстрима” и ее альтернативы в современном западном мире: На пути от мирового экономического кризиса к “невозможной политике”? *Полис. Политические исследования*, (3), 8–29. doi: 10.17976/jpps/2017.03.02
- Сергеев, В., Казанцев, А., Петров, К., & Медведева, С. (2018). Кризис партийно-политической системы в США и странах ЕС: Причины и характеристики. *Полис. Политические исследования*, (2), 130–149. doi: 10.17976/jpps/2018.02.10
- Сокулер, З. А. (1997). Мишель Фуко и его концепция «власти-знания». В З. А. Сокулер (Ред.), *Жизнь и власть в работах Мишеля Фуко* (сб. 5–13). Москва: Российская Академия наук - Институт научной информации по общественным наукам.
- Стрежнева, М. В. (2002). Политическая культура в различных интерпретациях: Анализ специального понятия. *Общественные науки и современность*, (5), 141–155.
- Тульчинский, Г. Л. (2018). *Политическая культура России: Источники, уроки, перспективы*. Санкт-Петербург: «Алетейя».
- Филиппова, С. В., & Ядрихинская, Л. А. (2019). Языковая реализация медиаобраза Рамзана Кадырова в американских СМИ. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 12(6), 410–414. doi: 10.30853/filnauki.2019.6.87
- Черепанова, И. Ю. (1995). *Дом колдуньи: Начала суггестивной лингвистики*. Издательство Пермского университета.
- Шведова, Н. А. (2003). *Северная Америка в начале XXI века: Женщины и политика. Гендерная политическая культура: Науч. Докл.* Москва: ИСКРАН.
- Ширинянц, А. А. (2002). *Вне власти и народа: Политическая культура интеллигенции России XIX- начала XX века*. РОССПЭН.

References

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press.
- Almond, G. A., & Verba, S. (2010). Civic Culture (An Approach to the Study of Political Culture). *Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics. Analysis. Chronicle. Forecast.* (2), 122–144. (In Russian).
- Batalov, E. Y. (1990). *The Political Culture of Modern American Society*. Moscow: Nauka. (In Russian).

- Brotherton, R. (2017). *Mistrustful Minds: What Attracts Us to Conspiracy Theories*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian).
- Cherepanova, I. Yu. (1995). *The Witch's House: The Beginnings of Suggestive Linguistics*. Perm University Press. (In Russian).
- Duca, A. V. (2006). Political Culture-Search for Theoretical Foundations. *Political Expertise: POLITEX*, 2(1), 7–30. (In Russian).
- Filippova, S. V., & Yadrikhinskaya, L. A.. (2019). The Linguistic Implementation of the Media Image of Ramzan Kadyrov in the U.S. Media. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 12(6), 410–414. doi: 10.30853/filnauki.2019.6.87 (In Russian).
- Gradiner, I. B. (1996). *Political Culture: The Worldview Dimension*. St. Petersburg. (In Russian).
- Heunks, F., & Hikspoors, F. (1995). Political culture 1960-1990. B R. A. de Moor, *Values in Western Societies* (cc. 51–82). BRILL.
- Huntington, S. P. (1997). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Penguin Books India.
- Inglehart, R. (1977). *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton University Press.
- Inglehart, R. (1997). *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton University Press.
- Jewett, R., & Lawrence, J. S. (2004). *Captain America and the Crusade Against Evil: The Dilemma of Zealous Nationalism*. Wm. B. Eerdmans Publishing.
- Kaspe, S. (1998). Imperial Political Culture in the Context of Modernization. *Polity*, (3), 42–57. (In Russian).
- Kaspe, S. (2008). *Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form*. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russian).
- Kavanagh, D. (1983). *Political Science and Political Behavior*. London: Allen & Unwin.
- Litvak, N. (2018). The Modern Diplomatic Service as a Reflexive Institution. *Polis. Policy Studies*, (2), 163–172. doi: 10.17976/jpps/2018.02.12 (In Russian).
- Malinova, O. Yu. (2006). "Political Culture" in Russian and Anglo-American Scientific Discourse. *Political Science*, (3), 7–30. (In Russian).
- Neklessa, A. (2018). The Crisis of History. The World as an Unfinished Project. *Polis. Policy Studie.*, (1), 80–95. doi: 10.17976/jpps/2018.01.06 (In Russian).
- Nikitin, A. (2018). The Modern World Order: Its Crisis and Prospects. *Polis. Policy Studies*, (6), 32–46. doi: 10.17976/jpps/2018.06.03 (In Russian).
- Palitay, I. (2018). Transformation of images of power and political leaders in Great Britain under the influence of Brexit (on the materials of the European and American media in 2014-2017). *Polis. Policy Studies*, (2), 150–162. doi: 10.17976/jpps/2018.02.11 (In Russian).

- Panarin, A. S. (1994). *Russia in the Civilization Process: (Between Atlantism and Eurasianism)*. Moscow: Russian Academy of Sciences - Institute of Philosophy. (In Russian).
- Pipes, D. (2008). *Conspiracy: Persecution mania in the minds of politicians*. Moscow: New Chronograph. (In Russian).
- Pivovarov, Y. S. (1996). The concept of political culture in modern science. In *Political Science. Theoretical and Methodological and Historical and Cultural Studies* (pp. 6–45). Москва: ИНИОН РАН. (In Russian).
- Rating of countries of the world according to the index of the quality of elites. (2020). In *Center for Humanitarian Technologies, 2006-2020. Humanitarian Encyclopedia: Studies [Electronic resource]*. Retrieved from <https://gtmarket.ru/ratings/elite-quality-index> (In Russian).
- Rosenbaum, W. A. (1975). *Political Culture: Basic Concept in Political Science*. New York.
- Rytov, L. N., Kopa-Ovdienko, N. V., Hain, V. E., Bulaev, O. O., & Linder, V. I. (2017). Botswana. In *The Great Russian Encyclopedia*. Retrieved from <https://bigenc.ru/geography/text/4125521> (In Russian).
- Sergeev, V., Kazantsev, A., Petrov, K., & Medvedeva, C. (2018). The Crisis of the Political Party System in the United States and the EU: Causes and Characteristics. *Polis. Policy Studies*, (2), 130–149. doi: 10.17976/jpps/2018.02.10 (In Russian).
- Sergeyev, V., Kazantsev, A., & Petrov, K. (2017). Mainstream Politics and its Alternatives in the Modern Western World: On the Road from World Economic Crisis to "Impossible Politics"? *Polis. Policy Studies*, (3), 8–29. doi: 10.17976/jpps/2017.03.02 (In Russian).
- Shirinyants, A. A. (2002). *Beyond Power and the People: The Political Culture of the Russian Intellectuals of the 19th and Early 20th Centuries*. ROSSPEN. (In Russian).
- Shvedova, N. A. (2003). *North America at the Beginning of the 21st Century: Women and Politics. Gendered Political Culture: A Research Report*. Moscow: IS-KRAN. (In Russian).
- Sokuler, Z. A. (1997). Michel Foucault and his concept of "power-knowledge. In 3. A. Sokuler (Ed.), *Life and Power in the Works of Michel Foucault* (pp. 5–13). Moscow: Russian Academy of Sciences - Institute for Scientific Information on Social Sciences. (In Russian).
- Strezhneva, M. V. (2002). Political Culture in Different Interpretations: An Analysis of the Special Concept. *Social Science and Modernity*, (5), 141–155. (In Russian).
- Tulchinsky, G. L. (2018). *Russia's Political Culture: Sources, Lessons, and Prospects*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).
- Vasich, V. N., & Shirinyants, A. A. (1999). *Politics. Culture. Time. Myths*. Moscow: Dialog-MSU.. (In Russian).

- Welzel, C. (2016). Political Culture Paradigm. B C. Welzel, *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. Oxford University Press. doi: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.67
- Yermolenko, G. M. (2013). The Media Image of BB Putin in the Texts of English-Speaking Media. *Bulletin of the Volga Region V.N. Tatishchev University*, (3), 21–28. (In Russian).
- Zavershinsky, K. (2002). Cognitive Foundations of Political Culture: Experiences of Methodological Reflection. *Polis. Policy Studies.*, (3), 19–30. doi: 10.17976/jpps/2002.03.03 (In Russian).

POLITICAL CULTURE AND MENTAL CHARACTERISTICS MODERN AMERICAN ELITES

Natalia L. Podvoiskaya (a)

(a) National University of Science and Technology "MISIS". Moscow, Russia.
Email: nlpodvoiskaya[at]gmail.com

Abstract

At all times, political culture has had a significant impact on the development and professional activities of the ruling political elites determining the nature and style of their leadership. The present work is devoted to the analysis of how the real political culture of American political elites corresponds to the theory of political culture created in previous years. Today, these theories are recognized by the world scientific community and are considered classic for the study of the characteristics of political cultures.

Self-promotion and pragmatism combined with an individualistic struggle for supremacy and the need to comply with rigid corporate ethical guidelines were originally embedded in the political culture of the United States. The traditions that have developed here dictate not only a certain style of behavior, but also in many ways ensure the filling of the content of political rhetoric. As the analysis of political practices shows, the professional activities of the elite to a greater extent exist in the information space in which they can profess some values, but in reality adhere to others. This dichotomy is most often the main object of criticism of their shortcomings, which have accumulated recently in the elite strata of American society.

Keywords

political culture; elite; mentality; USA; elections; rivalry; the crisis; democracy

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ЭЛИТ

Подвойская Наталия Леонидовна (а)

(а) Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС». Москва, Россия.
Email: nlpodvoyskaya[at]gmail.com

Аннотация

Во все времена политическая культура оказывала существенное влияние на развитие и профессиональную деятельность правящих политических элит, определяя характер и стиль их руководства. Настоящая работа посвящена анализу того, насколько реальная политическая культура американских политических элит соответствует созданной в предшествующие годы теории политической культуры. Сегодня эти теории признаны мировым научным сообществом и считаются классическими для изучения особенностей политических культур.

В политической культуре США изначально заложена самореклама и прагматизм, соединенные с индивидуалистической борьбой за первенство и необходимостью соблюдения жестких корпоративных этических установок. Сложившиеся здесь традиции диктуют не только определенный стиль поведения, но и во многом обеспечивают наполняемость содержания политической риторики. Как показывает анализ политических практик, профессиональная деятельность элиты в большей степени существует в информационном пространстве, в котором они могут исповедовать одни ценности, а в реальности придерживаться других. Эта раздвоенность чаще всего и является основным объектом критики их недостатков, скопившихся в последнее время именно в элитных слоях американского общества.

Ключевые слова

политическая культура; элиты; ментальность; США; выборы; соперничество; кризис; демократия

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Оценка конкретных политических элит во многом зависит от того, какого типа политической культуры они придерживаются в своей официальной деятельности и к какому типу их на самом деле относит политическая наука. Уже в одном этом сходстве или различии можно усмотреть весьма значительные политические сдвиги, свидетельствующие о конструктивном или деструктивном их развитии. В первую очередь эти изменения заметны (отражаются) на деятельности политических элит, мотивах их поведения и в наборе исповедуемых ими ценностей. Именно здесь чаще всего мы и наблюдаем значительные подвижки, связанные в первую очередь с наступившим общим кризисом американской политической системы. Эти негативные явления особенно заметны в ментальных структурах политического класса США, вынуждено в новейших условиях по ходу перестраивать свои системы ценностей, встраивая в них все новые и новые звенья, не всегда согласующиеся друг с другом. Речь, прежде всего, идет о т.н. «радикальном либерализме», который сделал защиту прав общественных меньшинств важнее отстаивания прав общественного большинства.

МЕТОДОЛОГИЯ

Основной *задачей* настоящего исследования является установление сходства и/или различий существующих между классической теорией политической культуры и самой действительностью, связанной в первую очередь с деятельностью политических элит. Исходя из этого, *объектом* исследования выступает политическая культура, а *предметом* – ментальные особенности современных элит США.

В качестве *рабочей гипотезы* выдвигается тезис о том, что созданные в США теории политической культуры в настоящее время заметно устарели и перестали отражать реальную ситуацию. Казалось бы, теория американской политической культуры представляет собой весьма внушительное научное многообразие, способное охватить наибольшее число моментов объективной политической реальности. Но в настоящее время эти концепции все чаще подвергаются критике, особенно та их идеологическая часть, которая связана с доктринальными идеями либеральной демократии. Ранее общепринятые нормы оказываются уже недостаточными для объективного описания современной политической действительности. В объяснениях этого явления возникают пропуски, которые необходимо заполнить новыми схемами и структурами. Именно восполнить эти пробелы и призвана настоящая работа. Работа опирается на приемы и методы компаративистики

(Almond & Bingham, 1966), исторического и системного анализа, а также метод культурной геологии (Elazar, 1964), который заключается в поиске исторических культурных оснований.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА»

Следует отметить, что термин «политическая культура» впервые был употреблен еще в XVIII веке немецким философом-просветителем И.Г. Гердером (Гердер, 1977, стр. 333, 368). Причем контекст применения термина «политическая культура» в данном случае, весьма близок к понятиям «воспитание», «культурное воздействие», и его употребление здесь носит скорее случайный, нежели закономерный характер, так как даже сам термин «культура» еще только начинал появляться в XVIII веке, и его использование в социально-этическом значении носит несистематический характер. В XIX в. словосочетание «политическая культура» встречается у русского историка и политического мыслителя В.И. Герье (Герье, 1877, стр. 165), а позже о ней говорил В.И. Ленин (Ленин, Т.41, стр. 404). Однако, в трудах данных мыслителей «политическая культура» не использовалась как концептуальное понятие.

Условной датой рождения концепции «политическая культура» на Западе следует считать 1956 г., когда появились две знаковые работы: книга профессора Х. Файнера «Системы правления великих европейских государств») и статья известного американского политолога Г. Алмонда «Сравнительные политические системы» (Almond, 1956)¹. При этом следует заметить, что в книге Х. Файнера, имевшей подзаголовок «Сравнительное исследование систем правления и политической культуры Великобритании, Франции, Германии и Советского Союза» (Finer, 1956), не содержалось какого-либо определения политической культуры.

Английский политолог Д. Каванах предлагал классифицировать имеющиеся определения политической культуры и выделяет четыре группы: 1) психологические (под политической культурой понимается совокупность ориентаций на политические объекты); 2) всеобъемлющие или всесторонние (политическая культура включа-

¹ В целом для второй половины XX века было характерно то, что в работах американских исследователей (Г. Алмонда, С. Вербы, Д. Дивайна, Л. Пая, Д. Пауэлла, Д. Пола, У. Розенбаума, Р. Такера, Д. Элазара), английских (Д. Каванаха, Р. Роуза), немецкого (К. фон Бойме), французских (М. Дюверже, Р.Ж. Шварценберга), голландских (И. Инглхарт, Ф. Хикспурса, Ф. Хьюкса) и других рассматривается весьма широкий комплекс проблем, касающихся политической культуры, начиная от определения понятия до анализа структурных компонентов и т.д.

ет в себя не только установки, но и явное или завуалированное поведение); 3) объективные (политическая культура означает допустимые образцы, определяющие сферу приемлемого поведения для действующих лиц в пределах политической системы); 4) эвристические (политическая культура рассматривается как гипотетическая конструкция, используется для аналитических целей) (Kavanagh, 1983, p. 50). Примерно в одно время с ним А. Браун предложил более общую классификацию определения политической культуры, разделяя ее на 2 группы: «1) те, которые ограничивают сферу политической культуры субъективными ориентациями наций, социальных групп или индивидов по отношению к политике; и 2) те, которые расширяют концепцию до включения в нее образцов политического поведения. Большинство политологов предпочли более ограниченную категорию» (Brown, 1985, p. 610).

Основоположник концепции политической культуры американский политолог Г. Алмонд отмечал, что «всякая политическая система встроена в определенный образец ориентации на политические действия» (Almond, 1956, p. 396), который он и назвал политической культурой. Он, в частности, указывал, что ее структурными компонентами являются: базовые общераспространенные установки в отношении политической власти, участия в политике и представимости и организации интереса (Almond, 1958, p. 271, 274). Позднее он уточнил свою мысль уже в соавторстве с С. Вербой в книге «Гражданская культура». «Понятие "политическая культура", где указывается на «специфические политические ориентации – установки (attitudes) в отношении политической системы и ее различных частей и установки в отношении собственной роли в системе... Это совокупность (aset) ориентаций в отношении особой совокупности (aspecialset) социальных объектов и процессов» (Almond & Verba, 1963, p. 13). Политическая культура, как поясняют Г. Алмонд и С. Верба далее, есть то, каким образом «политическая система интернализовалась в когнитивных представлениях, чувствах и оценках населения» (p. 13).

Известно, что в исследовании политической культуры Г. Алмонд следовал постулатам общей теории действия Т. Парсонса и Э. Шилза. Он следующим образом классифицировал политические ориентации: 1) «когнитивные ориентации», т.е. знания и веру относительно политической системы, ее ролей и обязанностей относительно этих ролей, того, что система берет из окружающей среды и что отдает (что «на входе» и что «на выходе» системы); 2) «аффективные ориентации», или чувства, относительно политической системы, ее ролей, ее работы и вовлеченных в нее людей; 3) «оценочные ориентации», суждения и

мнения о политических объектах, которые обычно представляют из себя комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств (р. 124).

В качестве основания типологии политических культур Г. Алмонд и С. Верба рассматривали тип ориентации субъекта политического процесса на «специализированные политические объекты» или «частотность различных видов когнитивной, аффективной и оценочной ориентации в отношении политической системы в целом, аспектов ее входа и выхода и самого себя как политического субъекта» (р. 17). Дополнительно к своей базовой (основной) классификации, они выделяют еще 3 типа «смешанных» политических культур: провинциалистско-подданническую; подданническо-партиципаторную и провинциалистско-партиципаторную (р. 23).

В основе политической культуры элит лежит их исторический опыт, переданный им в наследство от предыдущих поколений элит. На этот факт обращали внимание многие исследователи этого феномена. Так, еще в 1966 г. Д. Элазар высказал мысль о том, что политическая культура уходит своими корнями в совокупный исторический опыт отдельных групп людей, и соответственно «истoki конкретных образцов политической культуры теряются в пресловутых туманных далях времен» (Elazar, 1964, p. 109, 112). Его метод *культурной геологии* заключался в нахождении культурных оснований в прошлом. Как он отмечал, с самого начала цивилизации между народами существуют конкретные социокультурные различия, такие как этнические, расовые, религиозные, лингвистические, что приводит к формированию различных видов политических культур и субкультур. Однако, в основе каждой политической культуры лежит так называемый «пентагон» или политико-культурный пятиугольник (по терминологии Д. Элазара), представляющий собой совокупность неких базовых компонентов, в качестве которых выступают ориентации относительно политической организации, гражданского общества, политики, политического действия и политической экономики. Таким образом, этот «пентагон» выступает как ментальная основа, формирующая природу политической культуры различных стран. Д. Элазар считал, что совокупный исторический опыт отдельных групп людей является кодом познания политической культуры. Он полагал, что «истoki конкретных образцов политической культуры» как раз кроются в историческом опыте лингвокультурных общностей. (Elazar, 1984, p. 109, 112)

В своей книге «Происхождение политической культуры» М. Бринт выделял три культурных традиции в исследовании политической культуры: 1) французскую социологическую традицию от Ш.-

Л. Монтескье до А. де Токвиля; 2) немецкую традицию культурной философии от И. Канта до М. Вебера; 3) бихевиористский подход американской политологии (Brint, 1991). Более рафинированный (т.е. утонченный, изысканный) вариант научного анализа предлагал различать макро-, мезо- и микрополитические культуры (Gibbins, 1989).

Л. Пай предложил весьма широкую трактовку понятия «политическая культура», включив в него все то, что охватывается такими категориями, как идеология, национальный характер, национальная политическая психология и т.д. Л. Пай считает, что политическая культура есть совокупность установок, убеждений и чувств, которая задает порядок и придает значение политическому процессу и которая представляет собой основополагающие допущения и правила, управляющие поведением в политической системе. Он считает, что в ней заключаются не только политические идеалы, но и действующие нормы правления (*norms of polity*). Таким образом, политическая культура – это проявление в агрегатной форме психологических и субъективных измерений политики (Pye, 1968, p. 218).

Американский политолог Д. Пол определяет интересующее нас понятие как «конфигурацию ценностей, символов, а также образцов установок и поведения, лежащих в основе политики общества». Структуру политической культуры Д. Пол представляет следующим образом: 1) культура политического сознания (политические установки; политические представления и убеждения, политические традиции, обычаи, нормы); 2) культура политического поведения (культура политического участия; культура политической деятельности) (Paul, 1979, p. 3).

Американский политолог У. Розенбаум понимал под политической культурой «концептуальное обозначение чувств, мыслей и поведения, которые мы замечаем или выводим, наблюдая за людьми, живущими своей повседневной гражданской жизнью» (Rosenbaum, 1975, p. 8). Он также выделяет элементы («компоненты ядра»), которые выступают как фундамент в формировании политической культуры нации.

Весьма часто в американской литературе, посвященной анализу политической культуры, встречается прямая отсылка к правящим политическим кругам. Так, например, Р. Такер пишет, что культура «есть привычный образ жизни общества, включающий как принятые способы мышления, а также убеждения, так и принятые образцы поведения. Политическая культура – это те элементы культуры, которые имеют отношение к правлению и политике» (Tucker, 1987, P. VII). Власть фактически объявляется носителем высших ценностей поли-

тической культуры. Р. Такер утверждал, что сколь бы ни была революция «новаторской в культурном назначении в смысле создания новых институтов, убеждений, ритуалов, идеалов и символов, национальный культурный этос продолжает свое существование многими путями, причем в одних сферах жизни более устойчиво, чем в других. Со временем происходит процесс адаптации, посредством которого элементы дореволюционного культурного прошлого нации ассимилируются в новую революционную культуру, которая таким образом принимает форму амальгамы старого и нового» (Tucker, 1987, p. 7-8).

Уже упомянутый нами Л. Пай утверждал, что «сам термин "политическая культура" способен порождать быстрое интуитивное понимание, так что людям часто кажется, будто они и без дальнейшего уточнения могут проникнуть в его смысл и пользоваться им». Но именно эта доступность служит сигналом «серьезной опасности, когда данное понятие пытаются применить в качестве "недостающего звена", восполняющего то, что не может быть объяснено посредством политического анализа» (Pye, 1968, p. 204).

Напомним, что для американской политической науки вообще свойственно рассматривать проблемы в духе чрезмерно психологизированных теорий, которые описывают политическую практику в терминах семейной структуры, детской социализации и т.п. (Almond, 1993, p. 14-15). В этом можно усмотреть некие патриархальные нотки, хотя сами американские исследователи этого слова не любят.

Если же говорить о соотношении политической культуры с общей культурой, то, по представлениям всё того же Г. Алмонда, политическая культура, хотя с ней и связана, но имеет относительную автономию. Несколько позже он уточнил также, что политическую культуру составляют базовые общераспространенные установки в отношении политической власти, участия в политике и представимости и организации интереса (Almond, 1958, p. 271,274). Известный американский политолог Д. Дивайн в книге «Политическая культура Соединенных Штатов» попытался соотнести политическую культуру с общей культурой, подразумевая под ней всю совокупность духовных явлений (Devine, 1972).

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

В целом американские теории политической культуры следует считать основательными и фундаментальными исследованиями, весьма детально проработавшими основные темы и проблемы политического бытия этого государства. Для американской политической мыс-

ли вообще свойственно стремление определять политические явления в психокультурных терминах что объясняется экспансией психоанализа в послевоенной Америке. Доминанта «психокультурного теоретизирования» склоняет исследователей рассматривать политическую жизнь общества в качестве простого продолжения или воспроизведения моделей семейного опыта, преобладающих в той или иной культуре, были предприняты попытки концептуального осмысления политической культуры как особой, автономной части культуры общества.

Наиболее характерным примером является творчество как раз все того же Г. Алмонда, который отмечал, что его сравнительное исследование основ политической культуры, было невозможным «без предварительной работы историков, социальных философов, антропологов, социологов, психологов и психиатров, которые обозначили проблему отношения между психологическими и политическими характеристиками нации. В частности, большое влияние на данное исследование оказали «культурно-личностные», или «психокультурные», исследования политических феноменов» (Almond & Verba, 1963). Он явственно ощущал, что «политическая культура» – это скорее, «концептуальный жаргон, как пароль во время войны, часто служащий для определения друзей и врагов, а не для усиления наших возможностей объяснить важные вещи» (Almond, 1993, p. 14).

Американский политолог Р. Такер отмечал, что политическая культура – это совокупность тех элементов культуры, которые имеют отношение непосредственно к правлению и политике (Tucker, 1987, p. VII). Действительно политическая культура в первую очередь касается тех, кто профессионально занимается политикой и лишь затем распространяется на всех остальных, участвующих в ней нерегулярно или случайно. Именно элиты чаще всего и являются законодателями моды на конкретную политическую культуру. Так, было давно уже замечено, что сторонники демократической партии США поддерживаются этническими и расовыми меньшинствами и LGBT-сообществом, поскольку отстаивают принципы и ценности радикального либерализма и глобализма, тогда как сторонники республиканской партии США, напротив, придерживаются консервативных взглядов и представляют собой т.н. «брутальную» Америку, ратующую за свободное ношения оружия, семейные ценности и т.д. Речь в данном случае идет не столько о фоновом проявлении культурных различий, сколько о глубинных ментальных особенностях, которые изнутри раскалывают эту страну на части, разрушая ее как пресловутый «плавильный котел».

Таким образом, ментальные глубины политических элит исследуются, но не достаточно последовательно и систематично, что вызывает множество неудобных вопросов. Весьма часто термин менталитет используется для обозначения оригинального способа мышления, склада ума, умонастроения свойственных тем политическим группам, которые отвечают за управление сложными системами. Как обобщающее понятие ментальность акцентирует внимание на своеобразный склад различных внутренних свойств и качеств, и их особенностей проявлений в процессе выполнения субъектами элит их профессиональных обязанностей. Дело в том, что менталитет, ментальность (от англ. *mentality*, фр. *mentalité*)² представляют собой и умонастроение, и особый духовный склад ума, и источник мышления, а также отражает особенности мироощущения, мировосприятия и идеологической веры конкретных элитных групп. Это самобытный и суверенный способ видения мира, указывающий на наличие неких устойчивых рациональных (логических) и эмоциональных (чувственных) воззрений. К этому следует также добавить наличие правовых и ценностных воззрений, которые обобщают распространенные представления о политических реалиях, ценностях и идеалах.

Наглядно ментальность американских элит проявляется в таком литературном жанре, как политические мемуары. Практически все более значительные экс-политики США самого высокого уровня традиционно оставляют свои воспоминания, в которых пытаются обелить себя и очернить не только своих непосредственных противников, но даже бывших «друзей» и «союзников». Именно на страницах этих «историй» мы чаще всего и находим следы культурных политических кодов поведения и мотивации действующих политиков, которым приходится как-то объяснять причины и следствия проводимой ими политики. И далеко не всегда эти объяснения носят объективный и рациональный характер.

Последним таким примером стали, вышедшие в ноябре 2020 г. очередные мемуары президента США (2009 – 2017 гг.) Барака Обамы под названием «Земля обетованная». В этих мемуарах он вновь возвел на пьедестал идею американского абсолютного превосходства и подверг «убийственной критике» злейших ее врагов (прежде всего Россию и Китай) (Obama, 2020). Известно, что издательство «Penguin Random House» заплатило автору в 2017 году аванс в размере \$65

2 Заметим, что во французском языке слово «*mentalité*» обозначает направление мыслей, умонастроение, направленность ума, склад ума, в английском – «*mentality*» (умонастроение, направленность ума, склад ума), а в немецком – «*disMentalität*» (склад ума, образ мыслей и т.д.).

миллионов (в эту сумму входит и аванс за книгу Мишель Обамы «Becoming. Моя история», изданную ещё в 2018 г.). В этой книге бывший президент попытался дать честный (как он сам считает) отчет о своей президентской кампании: ключевых событиях и людях, которые сформировали ее, его взгляд на то, что он сделал правильно, а что нет. Он также высказался о политических, экономических и культурных проблемах, с которыми тогда ему пришлось столкнуться, и с которыми как нация США все еще борются. Мемуары были изданы во время президентских выборов 2020 г. и явно предназначались в поддержку бывшего друга и соратника Б. Обамы, его вице-президента Д. Байдена.

Напомним, что ещё Г. Алмонд доказывал, что политическая культура связана с «эмпирически заметным поведением» (Almond, 1956, p. 393). Самым заметным эмпирически заметным политическим событием 2020 г. в США стали президентские выборы. Они прошли не только в условиях нарастающей пандемии Covid-19, но и существенного раскола самого американского общества.

В 2020 г. произошел «взрыв участия», когда активизировались и пришли в движение весьма крупные группы уличного протеста. По поводу подобной формы участия в политическом процессе Г. Алмонд в свое время отмечал, что «если и происходит политическая революция во всем мире, то это то, что может быть названо взрывом участия» (Almond & Verba, 1963, p. 4). Выборы сопровождались массовыми волнениями, начавшимися еще в мае 2020 г. и активно поддержанные демократической партией США. Волнения продемонстрировали разрушение американских традиций, на которых держалась местная политическая культура. На фоне очевидного раскола элит, был выявлен и раскол самого американского общества. Выяснились и обострились расовые и социальные противоречия американского общества, о которых ранее никто не говорил. Президент Д. Трамп обвинил своих конкурентов в том, что они провоцируют внутри США ситуацию управляемого хаоса. Примечательно, что предназначенные для внешнего применения политические технологии впервые были использованы в самих США.

Развитие политической культуры происходит на фоне законсервированной базовой правовой системы, что порождает массу противоречий между реальной политикой и конституционным правом. Архаическая избирательная система США создает ее правовой системе массу проблем, которые напрямую сказываются на общем состоянии политической культуры. Для краткости отметим, что «страна юристов» постоянно вынуждена давать особые комментарии и разъясне-

ния к устаревшим законам – не меняя их по форме, они искажают (адаптируют) их по содержанию и смыслу.

Еще одной особенностью современной американской политической культуры следует назвать участвовавшие случаи различного рода парадоксов. Элитам приходится с ними сталкиваться все чаще и чаще. Большие и мелкие парадоксы просто забивают всю политическую действительность, пронизывая насквозь и сами политические элиты.

Одним из таких парадоксов современной американской политической действительности можно назвать тот факт, что один из самых слабых кандидатов в президенты США Д. Байден на выборах 2020 г. установил рекорд по числу проголосовавших за него избирателей – свыше 80 миллионов человек. Прежнее достижение числилось было за Бараком Обамой, получившим на выборах 2008 года 69,4 млн голосов. Участвовавший в выборах действующий на тот момент президент США Д. Трамп тоже, по информации Associated Press (AP), стал рекордсменом, получив в свою поддержку «как проигравший кандидат в президенты» более 74 млн голосов. Рекордной на этот раз оказалась и явка – она составила около 65%, что является самым высоким показателем с 1908 года.³

Интересно заметить, что, если Б. Обама был одним из самых молодых президентов США (на момент избрания в первый раз ему было 48 лет и 3 месяца). Моложе его были только Т. Рузвельт – 42 года и 10 месяцев и Р. Кеннеди – 43 года и 7 месяцев. Д. Байден оказался самым возрастным президентом за всю историю США (ему на момент избрания было 78 лет). До него самым возрастным президентом был Д. Трамп – на день выборов ему было 70 лет и 5 месяцев.

Аналитики отмечали, что избиратели голосовали не столько за Байдена, сколько против Д. Трампа. Получилось такое «протестное голосование». Если мнение «свободных и демократических» американских СМИ целиком было на стороне Д. Байдена, что, по мнению Д. Трампа, и обеспечило его победу, то симпатии населения фактически раскололись надвое. Элита (политический актив Д. Трампа) оказалась менее активной и менее удачливой, чем мобилизованные силы его противника.

При этом впервые в истории США официально проигравшая сторона отказалась признавать победу своего конкурента и заявила о массовой фальсификации и манипуляции на «свободных и честных» выборах. Этот факт тоже может оказать существенное влияние на де-

3 NBC: Байден первым в истории США получил на президентских выборах более 80 млн голосов. 25.11.2020. - URL: <https://news.mail.ru/politics/44291821/?frommail=1>

формацию американской политической культуры, поскольку подрывает фундаментальные опоры концепции либеральной демократии. Политика правящих элит уже оказала серьезное влияние на гражданское общество США. Напомним, что еще М. Сомерс указывал на то, что политическая культура представляет собой не столько политический феномен, сколько явление гражданского общества в условиях частной рыночной экономики. «Ущербность» такого подхода связана с редуцированностью культуры, низведением ее до «функциональных реквизитов» (Somers, 1995).⁴ Именно информационный рынок в 2020 г. и определил выбор кандидата очередного хозяина Белого дома.

Неудовлетворенность партийными лидерами приводит к тому, что внутри американских партий возникают альтернативные движения (клубы), которые пытаются переформатировать и заново запустить партийный проект.⁵ Одним из таких примеров стало возникшее в 2000-е гг. «Движение чаепития» («Tea Party Movement», ТРМ), которое является иллюстрацией тезиса о возможности «захвата традиционных партий изнутри». В плане организации ТРМ оказалось децентрализованным политическим движением, возникшим с целью координации протестных акций, идеологически совмещающим элементы консерватизма, либертарианства и популизма (Kirby & Ekins, 2012). Главная цель ТРМ заключается в поддержке своих кандидатов на выборах в Сенат и Конгресс США. ТРМ – яркий пример синтеза двух начал: с одной стороны, оно использует силу низовой гражданской инициативы (grassroots движение), с другой – пользуется финансовой поддержкой определенных олигархических структур.

Не выдерживает критики и надежда западных теоретиков на высокую компетентность гражданской культуры в оценках решения властей и поведения субъектов элит. Следует напомнить, что еще Г. Алмонд и С. Верба подвергали критике мифы о компетентности граждан и значимости их эмоционального подъема. «Во-первых, сильная эмоциональная включенность в политику ставит под угрозу баланс между активностью и пассивностью, ибо сохранение этого баланса связано с невысокой значимостью политики. Во-вторых, политическая включенность такого плана ведет 'к росту политических ставок', создавая благоприятную почву мессианским массовым движениям, подрыва-

4 Как отмечает М. Сомерс, «концептуальной сетью, окружающей понятие политической культуры, является англо-американская теория гражданства», берущая начало в XVII веке в работах Дж. Локка. Эта теория в основе своей содержит и представления об «английских свободах», и их анализ (Somers, 1995, p. 115).

5 Gardner A. Gauging the Scope of the Tea Party Movement in America. – Washington Post. 24.10.2010. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/10/23/AR2010102304000.html> (accessed 06.04.2017)

ющим стабильность демократий» (Almond & Verba, 1963, p. 355). Они отмечали, что «гражданская культура – это политическая культура умеренности» (p. 368).⁶ И эта культура на Западе складывалась на протяжении целого ряда столетий, проходя через весьма непростые процессы своего становления (Almond, 1958). Постепенный рост гражданской культуры путем слияния разных культур «обычно происходит в условиях, когда решение проблем, стоящих перед политической системой, растянуто во времени... Проблема, с которой сталкиваются новые страны, заключается в том, что для них такая постепенность невозможна... Эти страны стремятся завершить за короткий промежуток времени то, что на Западе создавалось в течение столетий» (Almond & Verba, 1963, p. 369-370).

Анализ событий 2020 г. свидетельствует о коррозии этой политической культуры – в обиход вернулись давно якобы забытые негативы (как, например, расизм и правовой нигилизм), о которых западные пропагандисты давно поспешили забыть, объявив их успешно преодоленными. И эти рецессии демократических ценностей свидетельствуют о наметившемся регрессе либерализма, который в первую очередь отражается на мотивации политических элит, вынужденных по второму разу объявлять о своих демократических завоеваниях.

Выше мы уже отмечали, что в политической культуре США многие эксперты отмечают значительное присутствие саморекламы и прагматизма, которые оказываются соединенными с индивидуалистической борьбой за первенство и корпоративной этикой. Для англосаксонских политических элит вообще свойственно придерживаться технологий макиавеллизма, и заниматься рекламными акциями, представляя свою профессиональную деятельность в качестве специальных коммерческих услуг. Своими практиками они лишь подтверждают эти положения, каждый раз, во время выборов, устраивая самый настоящий политический театр.

ВЫВОДЫ

Наблюдаемые нами изменения политической культуры США указывают на то, что меняется только ее внешний контур, тогда как

⁶ Они также отмечали, что «гражданская культура является смешанной политической культурой. В ней многие индивиды активны в политике, но есть такие, кто играет в ней пассивную роль подданных. Более важно, что даже среди граждан, играющих активную политическую роль, качества подданных и прихожан не вытеснены. Роль участника добавляется к подданнической и приходской культурам. Это значит, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские неполитические связи, так же как и свою более политическую роль подданного» (Almond & Verba, 1963, p. 339).

глубинные (несущие) конструкции остаются практически неизменными. Так, в частности, обстоит дело с тем, что политика в США всегда понималась и продолжает пониматься, как специфическая часть бизнеса, приносящие весьма солидные доходы. Политики зарабатывают на своей профессиональной деятельности и получают весьма солидные гонорары на свои публичные лекции и мемуары. Их смычку с олигархическими структурами обеспечивают различного рода фонды, акционерные общества и т.п. структуры, позволяющие поддерживать постоянную связь политики, как с конкретным крупным бизнесом, так и с крупными университетскими центрами.

Американские политические элиты все больше начинают походить на тоталитарные секты, очень ревностно относящиеся к любой критике в свой адрес и устраивавшие самый настоящий террор (гонения и преследование) в отношении любого инакомыслия. Их нетерпимость к оппонентам превысила все разумные нормы и вышла далеко за рамки культурных традиций демократии и либерализма. Они все больше начинают напоминать советские элиты периода упадка и кризиса СССР. Но говорить об этом внутри самих элит непринято. Все, кто пытается достучаться до совести правящего класса, становятся его злейшими врагами. Политическая культура современных американских элит представляет собой лоскутное одеяло – эклектика некомпетентности и амбициозности. Действующие лица большой политики не обладают необходимыми компетенциями, но весьма успешно используют ресурсную базу своего государства, созданную прежними поколениями элит. Создаваемые ими самими политические ценности малопонятны для них самих и субъекты элит весьма часто в них сами путаются, пытаясь донести их до общественного сознания.

Список литературы

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255
- Almond, G. A. (1958). A Comparative Study of Interest Groups and the Political Process. *American Political Science Review*, 52(1), 270–282.
- Almond, G. A. (1993). The Study of Political Culture. In D. Berg-Schlosser & R. Rytlewski (Eds.), *Political Culture in Germany*. London.
- Almond, G. A., & Bingham, G. P. (1966). *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston.
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press.

- Brint, M. (1991). *A Genealogy of Political Culture*. Avalon Publishing.
- Brown, A. (1985). Political Culture. B. A. Kuper & J. Kuper (Eds.), *The Social Science Encyclopedia*. Boston
- Devine, D. J. (1972). *The Political Culture of the United States: The Influence of Member Values on Regime Maintenance*. Little, Brown.
- Elazar, D. J. (1984). *American Federalism: A View from the States*. Crowell.
- Finer, H. (1956). *Governments of Greater European Powers: A Comparative Study of the Governments and Political Culture of Great Britain, France, Germany, and the Soviet Union*. Holt.
- Gibbins, J. R., & Gibbins, J. R. (1989). Contemporary Political Culture: An Introduction. In *Contemporary Political Culture: Politics in a Postmodern Age* (pp. 34–36). SAGE Publications.
- Kavanagh, D. (1983). *Political Science and Political Behavior*. London: Allen & Unwin.
- Kirby, D., & Ekins, E. M. (2012). Libertarian roots of the Tea Party. *Cato Institute Policy Analysis*, (705). Retrieved from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2225931
- Obama, B. (2020). *A Promised Land*. Penguin Random House.
- Pye, L. W. (1968). Political Culture. In D. W. Sills (Ed.), *International Encyclopedia of the Social Sciences: Vol. XII*. New York.
- Quarterly, E. E., & Paul, D. W. (1979). *The Cultural Limits of Revolutionary Politics: Change and Continuity in Socialist Czechoslovakia*. East European Quarterly.
- Rosenbaum, W. A. (1975). *Political Culture: Basic Concept in Political Science*. New York.
- Somers, M. R. (1995). What's Political or Cultural about Political Culture and the Public Sphere? Toward an Historical Sociology of Concept Formation. *Sociological Theory*, 13(2), 113. doi: 10.2307/202157
- Tucker, R. C. (1987). *Political Culture and Leadership in Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev*. Wheatsheaf Books.
- Гердер, И. Г. (1977). *Идеи к философии истории человечества*. Москва: Наука.
- Герье, В. И. (1877). Республика или монархия установится во Франции? В В. М. Безобразов (Ред.), *Сборник государственных знаний: Т. III*. Санкт-Петербург.
- Ленин, В. И. (1981). Речь на всероссийском совещании политпросветов. В *Полное собрание сочинений* (Т. 41, сс. 403–409). Москва.

References

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255

- Almond, G. A. (1958). A Comparative Study of Interest Groups and the Political Process. *American Political Science Review*, 52(1), 270–282.
- Almond, G. A. (1993). The Study of Political Culture. In D. Berg-Schlosser & R. Rytlewski (Eds.), *Political Culture in Germany*. London.
- Almond, G. A., & Bingham, G. P. (1966). *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston.
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press.
- Brint, M. (1991). *A Genealogy of Political Culture*. Avalon Publishing.
- Brown, A. (1985). Political Culture. B. A. Kuper & J. Kuper (Eds.), *The Social Science Encyclopedia*. Boston
- Devine, D. J. (1972). *The Political Culture of the United States: The Influence of Member Values on Regime Maintenance*. Little, Brown.
- Elazar, D. J. (1984). *American Federalism: A View from the States*. Crowell.
- Finer, H. (1956). *Governments of Greater European Powers: A Comparative Study of the Governments and Political Culture of Great Britain, France, Germany, and the Soviet Union*. Holt.
- Gerrier, V. I. (1877). Republic or monarchy will be established in France? In V.M. Bezobrazov (Ed.), *Collection of state knowledge: Vol. III*. St. Petersburg. (In Russian).
- Gibbins, J. R., & Gibbins, J. R. (1989). Contemporary Political Culture: An Introduction. In *Contemporary Political Culture: Politics in a Postmodern Age* (pp. 34–36). SAGE Publications.
- Herder, I. G. (1977). *Ideas for the Philosophy of Human History*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Kavanagh, D. (1983). *Political Science and Political Behavior*. London: Allen & Unwin.
- Kirby, D., & Ekins, E. M. (2012). Libertarian roots of the Tea Party. *Cato Institute Policy Analysis*, (705). Retrieved from https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2225931
- Lenin, V. I. (1981). Speech at the All-Russian Meeting of Political Education. In *Complete Works* (Vol. 41, pp. 403–409). Moscow. (In Russian).
- Obama, B. (2020). *A Promised Land*. Penguin Random House.
- Pye, L. W. (1968). Political Culture. In D. W. Sills (Ed.), *International Encyclopedia of the Social Sciences: Vol. XII*. New York.
- Quarterly, E. E., & Paul, D. W. (1979). *The Cultural Limits of Revolutionary Politics: Change and Continuity in Socialist Czechoslovakia*. East European Quarterly.
- Rosenbaum, W. A. (1975). *Political Culture: Basic Concept in Political Science*. New York.

- Somers, M. R. (1995). What's Political or Cultural about Political Culture and the Public Sphere? Toward an Historical Sociology of Concept Formation. *Sociological Theory*, 13(2), 113. doi: 10.2307/202157
- Tucker, R. C. (1987). *Political Culture and Leadership in Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev*. Wheatsheaf Books.

CARNIVAL POLITICAL CULTURE: SUBJECTS AND OBJECTS OF THE THEATER OF THE ABSURD

Paul L. Karabushenko (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: pavel_karabushenko[at]mail.ru
ORCID 0000-0003-2776-4089

Abstract

Considering the carnival political culture as a kind of universal sum, we proceed from the fact that its revealed features and properties are manifested in a certain set of sequence at all times and in all political communities entering a period of crisis and decline. Certain elements of this political culture may appear in the era of genesis and flourishing of the system as abnormal deviations from the norm. But in general, the process of carnivalization of political reality that has begun can be viewed by us as the first signal of a crisis in the political system and a reason for the elites themselves to change tactics and revise the strategy of their professional behavior. The crisis of political systems can be measured by the depth of rooting and the breadth of dissemination of political carnival culture, primarily in the ruling elite circles.

As political history testifies, in the conditions of carnival political culture, the subjects of the elites change their properties, cultural tastes and psychological attitudes, which leads to a general distortion of the goals and methods of their professional activities. Here we can see “other”, rather “alien” than “the own”. In this regard, political elitology solves the problem of determining the norms and categories of carnival political culture, establishing the patterns of its development and analyzing the impact it has on politics in general and the ruling elites in particular.

The relevance of this problem determines the object and subject of this re-search: the object of this work is carnival political culture, and the subject is the subjects of political carnival. To solve the above mentioned problem the author resorts to a set of methods (dialectics, hermeneutics, comparative studies, semiotics) which make it possible to carry out complex in-depth diagnostics of the object under study.

Keywords

elite; political carnival; forging; games of chimeras; political theater of the absurd; puppeteers; trickster; "fool"; humor and laughter

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ ТЕАТРА АБСУРДА

Карабущенко Павел Леонидович (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
Email: pavel_karabushenko[at]mail.ru. ORCID 0000-0003-2776-4089

Аннотация

Рассматривая карнавальную политическую культуру как некий универсум, мы исходим из того, что выявленные ее особенности и свойства проявляются в некоем определенном наборе последовательности во все времена и у всех политических общностей, вступающих в период кризиса и упадка. Отдельные элементы этой политической культуры могут проявляться в эпоху генезиса и расцвета системы, как аномальные отклонения от нормы. Но в целом начавшийся процесс карнализации политической действительности может рассматриваться нами как первый сигнал кризиса политической системы и повод самих элит к тому, чтобы изменить тактику и пересмотреть стратегию своего профессионального поведения. Кризис политических систем может быть измерен глубиной укоренения и широтой распространения политической карнальной культуры, в первую очередь, в правящих элитарных кругах.

Как свидетельствует политическая история, в условиях карнальной политической культуры субъекты элит меняют свои свойства, культурные вкусы и психологические установки, что приводит к общему искажению целей и методов их профессиональной деятельности. Перед нами оказывается «другое», скорее «чужое», чем «свое». В этой связи политическая элитология решает *задачу* определения норм и категорий карнальной политической культуры, установления закономерностей ее развития и анализа того влияния, которое она оказывает на политику в целом и правящие элиты в частности.

Актуальность указанной проблемы определяет объект и предмет настоящего исследования: *объектом* данной работы является карнальная политическая культура, а в качестве *предмета* выступают субъекты политического карнавала. Для решения вышеуказанной задачи, автор прибегает к комплексу *методов* (диалектика, герменевтика, компаративистика, семиотика), позволяющих проводить комплексную глубинную диагностику исследуемого объекта.

Ключевые слова

элита; политический карнавал; фальсификация; игры химер; политический театр абсурда; кукловоды; трикстер; «дурак»; юмор и смех

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Наблюдаемое в последнее время усиление в политических сферах карнавальной политической культуры, мы непосредственно связываем с кризисом переходного периода, который придает элитам крайне неустойчивый характер развития, усиливая нервозность и неопределенность их профессиональных отношений. Политические элиты утратили свои ближайшие ориентиры, запутались в тактических схемах и стратегических целях. Эпоха постиндустриальных перемен оказалась чрезвычайно сложным для них вызовом. И карнавализация политической жизни стала самым простым выходом из этого исторического тупика. Элиты предпочли уход от действительности столкновению с действительностью. Вся деятельность современных политических элит, в конечном счете, сводится к их карнавальной политической культуре, свидетельствующей об общем уровне их непрочности и деградации. На примере карнавальной политической культуры мы видим меру и глубину разложения политических элит и их лидеров, обнаруживаем дефицит элитности в неспособность решать сложные стратегические задачи.

Ранее узнаваемые (благодаря классическим теориям элит) правящие политические группы, под воздействием карнавальной гравитации становятся настолько неузнаваемыми, что выглядят как «чужие». «Чужими» настолько, что от них исходит ощутимая многими угроза, присущая «врагам». Субъекты элит одновременно проходят через все фазы развития своей и корпоративной идентичности: «свой – другой – чужой – враг», и оказывается не на своём привычном месте, оказывается в совершенно ином для себя историко-культурном ландшафте, название которому – политический карнавал. И как выясняется только в подобном ландшафте такие элиты и могут функционировать и чувствовать себя нормально, поскольку нормой для них являются псевдоэлитные ценности, возведенные ими в ранг базовых величин.

МЕТОДОЛОГИЯ

Карнавальная политическая культура понимается нами как часть диагностики профессиональных качеств политических элит. Поэтому и вся методологическая начинка исследования этого феномена политической культуры нацелена на выявление аномальных зон, свидетельствующих об отклонении, прежде всего политических элит и их лидеров от норм профессионального поведения. Не переходя на конкретные личности, мы стремимся к обобщениям, которые позволяют нам нарисовать некий общий портрет современных политических

элит. Именно посредством подобных обобщений мы обнаруживаем в политической действительности уже сформировавшийся подвид политиков, которые могут выживать исключительно в условиях политического карнавала. Именно они и становятся главными объектами нашего элитологического исследования.

Одной из задач политической элитологии мы видим в том, чтобы дешифровать не только коды успешного поведения господствующих элитных сообществ, но выявлять схемы их отрицательных практик. Большинство таких негативных практик связано с проявлением именно карнавальной политической культуры. Поэтому именно политический карнавал и становится главным объектом современных элитологических исследований.

В анализе политического карнавала мы часто прибегаем к аналогии и использованию различного рода образов и притч, поскольку крайне сложно рациональными способами описывать иррациональное явление. Лучше всего политический карнавал иллюстрируют картины, взятые из истории. Хорошо знакомые факты могут гораздо больше поведать нам о том, что собой представляет политический карнавал, чем сложные и глубокомысленные философские рассуждения на эту тему.

Чтобы не оказаться в роли голословного аналитика, исследователи карнавальной культуры вынуждены практически каждый свой тезис подкреплять некими примерами из политической практики, иллюстрирующее конкретное их положение. Подобного рода конкретизация исключает авторский субъективизм и придает вес выводам, следующих из анализа карнавальной политической действительности. Поэтому у нас исторические факты перемешиваются с примерами из современной политической практики, создавая причудливый (и на первый взгляд тоже эклектический) узор повествования.

Принцип конструирования позволяет нам создать схематические модели предполагаемой структуры политического карнавала, выделив и описав его наиболее значимые элементы. Особенностью этой культуры является ее крайняя подвижность – все элементы пребывают в постоянном изменении, что при отсутствии структуры накладывает свой отпечаток на этот плохо управляемый хаос. И ещё. При анализе особенностей политического карнавала следует постоянно помнить, что всё, что о нем постулируется, относится к политике и не просто к политике, а к политике элит и их лидеров.

ОСОБЕННОСТИ КАРНАВАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В условиях нестабильной политической обстановки и ослабевшей политической системы, каждый политик дает свой собственный концерт, отказываясь участвовать в реальной политике и передает ответственность другим. Они становятся далекими от реальности – они устраняют из пространства политику, потому что ее у них нет. До примитивизма упростилась формула политического обсуждения – она опустилась до уровня обыденного кухонного общения, понятного обывателю, но ставящего экспертное сообщество в тупик когнитивного диссонанса. Дело доходит до банальной перепалки, лишённой всякого смысла, не имеющего никакой цели и ценности. Политическая риторика становится пустышкой. И в этой ситуации политической герменевтики оказывается просто нечего делать.

Засилье карнавальной политической культуры является свидетельством начала распада государственности и глубокого упадком власти. Почему? Потому, что политические элиты уходят из реальности и начинают заниматься тем, что называется «суетой сует». Вместо того, чтобы решать существенные проблемы и искать ответ на вызов своего времени, они производят на свет никому не нужные «ценности», пытаясь ими подменить решение назревших проблем. Они становятся близорукими, потому что не хотят видеть реальные проблемы.

Участники политического карнавала полностью утрачивают способность в определении добра и зла. Они для них сливаются в единую мифологию. Подобного рода утрата способности ведет к греху, так как возвращает человека в до-человеческое («скотское») состояние. В отличие от адамова рая, в котором наш прародитель тоже не зал различий между добром и злом, это безразличие является осознанным выбором, т.е. новым грехопадением нового земного ада.

Карнавал в политике возникает тогда, когда политические элиты слишком много и слишком долго начинают играть в политические игры, увлекаться практикой двойных стандартов и конспирологическими объяснениями регулярно происходящих с ними кризисов. Превращение политики в игру – главное условие карнавализации политической культуры. В США выборы давно уже стали шоу и раз в 4 года развлекают публику, именуемую в этот момент «электоратом». Такие особенности американской «демократии». Такое «шоу» всё чаще называют «театром политического абсурда», потому что участвующие

в нем персонажи больше всего подходят на политических марионеток (шутов, клоунов, «дураков») политической карнавальной культуры.

Почему субъекты элит так привязаны к фейкам и предпочитают их научным знаниям? Всё дело в том, что они, оказавшись в ситуации неудовлетворительной для их природы объективной реальности, понимают, что несостоятельны, поскольку не в состоянии самостоятельно справиться с этим вызовом своей эпохи. Еще А. Тойнби обращал внимание на то, что если «творческое меньшинство» не справляется с вызовом своего времени, оно должно уйти или его насильственно смещают. Уходить с арены большой политики таким несостоявшимся элитным группам не хочется и они цепляются любыми средствами за крота власти. Вот и приходится таким элитам подменять реальность своими фантазиями. Фейки и есть продукт их фантазий. Благоприятной средой обитания таких фейков является тоже своеобразная реальность, которую мы и назвали карнавальной.

Если М.М. Бахтин применил термин «карнавал» ко всем явлениям культуры Нового времени (посредством которого народная смеховая культура борется со старым мироустройством) (Бахтин, 1990), то мы используем данное понятие с целью выявления особенностей состояния политики в переходный период от позднего индустриального общества к ранней фазе развития постиндустриализма. В известном смысле мы здесь тоже усматриваем борьбу «старого» и «нового». Борьбу, которая порождает системный кризис элит, вынуждая их уходить из сферы реальной объективности в область придуманных ими фантазий.

Карнавальную политическую культуру мы можем отнести к неестественному виду политической культуры. В отличие от естественных политических культур (См.: Almond & Verba, 1963), которые отражают сущность конкретной политической объективной реальности, карнавальная политическая культура создает свой особый выдуманный мир, где все переворачивает вверх дном. Политический карнавал это мир придуманных (и навязанных всем, кто принимает в нем участие) ценностей.

Карнавальная культура суматошна, поскольку суматоха является её привычным состоянием. Еще Г. Алмонд отмечал, что политическая суматоха, все более захватывающая мир, не позволяет изучать политику отстраненно и равнодушно, т.е. лишь «с некоторым любопытством или... как интересную патологию» (Almond, 1956, p. 391). Политический карнавал и есть сумма всех имеющихся в политике патологий. И именно этими патологиями и должна заниматься полити-

ческая элитология, поскольку они в первую очередь касаются природы самих правящих элит.

Как правило, в карнавальную политическую культуру уходят ограниченные лица, люди не сумевшие реализовать себя как собственный личностный жизненный проект. Именно поэтому поведение карнавала граничит с идиотизмом. Его участники желают что-то делать, но, как и зачем они не знают. Поэтому указанный идиотизм, является следствием их некомпетентности, когда пассионарное подавляет профессиональное, когда желаемое выдается за действительное. Политика превращается в шоу, бесцельное в конкретике и целенаправленное на абсурд и сюрреализм.

В политических культурах, относящихся к объективной реальности «политики высокого ранга обычно опасаются прослыть клоунами или в лучшем случае остряками. Вероятно, для них предпочтительней прослыть лжецом, циником, чем человеком с чувством юмора» (Дмитриев & Сычев, 2005, стр. 548). Другое дело политический карнавал. Здесь они могут лицедействовать сколько угодно. И эта вседозволенность придает видимость их силы, одновременно являясь символом их бессилия. Субъекты политического карнавала просто не видят земли под ногами. Они существуют, не замечая реальности...

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КАРНАВАЛА

М.М. Бахтин утверждал, что классический «карнавал не знает разделения на исполнителей и зрителей. Он не знает рампы даже в зачаточной ее форме. Рампа разрушала бы карнавал (как и обратно: уничтожение рампы разрушило бы театральное зрелище)» (Бахтин, 1990, стр. 12). Но политический карнавал имеет свою специфику, которая заключается в том, что он имеет свой актив (субъектов) и свой пассив (объектов). Политический карнавал знает рампу как крайнюю часть авансцены (за которой уже начинается зрительный зал) и потому его представления чаще всего носят кем-то организованный характер, т.е. карнавал приобретает некую видимость организованности. Духом классического карнавала является дух беззаботного веселья, - у политического карнавала это дух озабоченного обмана (мошенничества, спекуляции, манипуляции). Дух обмана постоянно озабочен бременем необходимости искажения или сокрытия достоверного. Чтобы выжить, ему постоянно надо искажать достоверность. Поэтому явными следами карнавальная политическая культура всегда были фальсифицированные факты истории (Карабущенко & Вартумян, 2020).

Время возникновения карнавальной политической культуры формируется стихийно, возникает фрагментарно, имеет клиповое состояние. Оно есть не совсем логическая реакция на текущие события, в хаосе которых пребывают современный политический мир. Политический карнавал есть уход политики от реальности вследствие некомпетентности и незнания политической ситуации. Политический карнавал всегда агрессивен, когда сталкивается с объективной реальностью. Эта агрессивность – единственное средство его защиты.

Карнавальное политическое сознание отличается своей клиповой фрагментацией, которое в сочетании с постмодернистскими традициями создает для политика благоприятные условия для преодоления вызовов суровой объективной реальности, которые они в нормальном состоянии преодолеть не могут.

Таким образом, карнавальное политическое сознание есть измененное сознание, в котором желаемое действует как действительное, в котором созданные фантазией иллюзии подменяют реально существующие проблемы, в котором эго политика ставится на первое место и он становится (во всяком случае, выдает себя) непогрешимой величиной, это, наконец, отторжение от себя морали, как главной «узды» сдерживающей политическую агрессивность.

Другой особенностью карнавальной политической культуры является короткая память его участников. Субъекты карнавала не помнят или стараются не вспоминать свои предыдущие истории. Клиповая культура карнавала требует и клиповой (укороченной) памяти. Было замечено, что у политического карнавального нарратива чаще всего отсутствует финальная часть – многие помнят, как начиналась та или иная карнавальная история, но не все могут вспомнить, чем она в итоге завершилась. А именно финал определяет меру завершенности политической истории, поскольку призван подвести ее итоги.¹ Отсутствие итогов делает эту историю вечно открытой для продолжения (причем возможен любой сценарий дальнейших событий). В памяти масс оседают только значимые события (войны, революции и т.д.), поскольку они были в свое время вовлечены в эти события (Winter, 2008). «Историческая память – некие общепринятые представления о прошлом страны, нации, ходе их развития, которые транслируются,

1 Напомним, что «нарратив (от лат. *Narrare* – рассказывать) понимается как «языковая, дискурсивная практика повествования, разворачивания событий в некоей осмысленной последовательности, имеющей начало, сюжетную линию развития и развязку, финал. Причем ключевую роль играет именно финал, завершающий повествование и осмысление всего его сюжета. Рассказчик, собственно, тем и отличается как от героев своего рассказа, так и от слушателей, что он знает, чем завершилась рассказываемая история» (Тулчинский, 2018, стр. 225).

обсуждаются в публичном пространстве, формируя социально-культурные идентичности, способствуя осознанию общих проблем, целей, консолидируя и мобилизуя представителей различных поколений на достижение этих целей» (Тульчинский, 2018, стр. 223). Карнавальная политическая культура как раз и не позволяет сформироваться такой исторической памяти. В итоге все оказывается в повисшем состоянии.

Политический карнавал пытается представить свою политическую ахинею, выдав ее за новый смысл новой «политической реальности». При этом производство откровенного бреда, никого уже не удивляет. Все находятся в состоянии клинического бреда, отягощенного хроническим склерозом. Вот почему политический карнавал допускает откровенную «дичь», извращая суть объективной действительности.

Когда карнавал выходит за отведенные ему временные и пространственные рамки и переносится на объективную реальность, он переворачивает все вверх дном и искажает до неузнаваемости ранее нормально действующие категории политического мышления. То, что произошло с современными западными политическими элитами иначе как карнавализацией и назвать нельзя.

Перенос карнавальной свободы на объективную реальность, элиты думают, что их действия ни от кого не зависят и являются сутью проявления их свободы воли. Карнавальная культура дает иллюзию свободы, но не саму свободу. Такая свобода может законно существовать только в рамках карнавала. Вне его границ – она незаконна. Шут может быть королем только в условиях проходящего карнавала. Но когда карнавальность подменяет собой объективную политическую реальность, в короле уже никто не видит притаившегося в его личине шута. Шут начинает играть роль короля, убеждая всех в том, что настоящие короли это всего лишь площадные шуты, его жалкое подобие.

Карнавал дает его участникам ощущение равенства. Но это ощущение является ложным. Ложным потому что это «равенство» существует в условиях карнавального хаоса и выжить вне его границ оно физически не может. Ощущение ложного равенства есть признак манипулятивного воздействия элит на массы, признак того, что сами элиты не уверены в качестве своей элитности и пытаются компенсировать этот недостаток за счет создания дополнительных (но ложных по своей сути) достоинств.

КУЛЬТУРА СМЕХА И АНТИКУЛЬТУРА ХОХОТА

В смехе следует различать его умеренную, культурную часть и крайнее (необузданное) проявление – хохот. Разница между смехом и хохотом такая же, как между цивилизацией и дикостью. Хохот и есть одичание смеха. Человек становится человеком только поднявшись над диким хохотом в мир смеха. Смех обрамляет культурную среду человека, предохраняет его от опасности вторичного одичания. Смех выражение светлой радости, как культурного акта; хохот – выход за рамки культуры смеха, как его избыточное, перевернутое (доведенное до абсурда) состояние.² Хохот злобствует и сеет страх, смех укрепляет добро в сердце; хохот деструктивен, смех творчески активен; хохот не ведает меры, тогда как смех всегда ее соблюдает.³

Лишить человека смеха невозможно. Смех - это самый примитивный родовой признак человека.⁴ Мера измерения смеха может быть представлена следующей схемой: *бесовские силы хохочут, человек смеется, а святые в умилении улыбаются*. Хохот в данном случае близок к животному ржанию. Ржущий человек мало чем отличается в своем иррациональном состоянии от животного. Видимо, именно против такого состояния и выступали церковники, когда запрещали смех вообще, ибо бескультурный человек не знает меры ни в чем, в том числе и в смехе.

Хохот - это смех без юмора. Хохот - это переступивший черту приличия смех. В представлении древних хохочет зло, добро - смеется. Именно по ту сторону морали смех и становится хохотом, даже ес-

2 М.М. Бахтин выделял ликующий радостный смех, смех гротеска, юмор, ирония, сарказм; и другой смех, который, по мнению клерикалов, был послан на землю самим дьяволом, который «явился к людям под маской радости, и люди охотно его приняли. И вот тогда смех сбросил свою веселую маску и стал глядеть на мир и на людей как злобная сатира» (Бахтин, 1990, стр. 46). Такой смех им оценивался как перерождение, как утрата «возрождающей силы».

3 Умберто Эко в своем романе «Имя розы» (1980) вкладывает в уста представителя церковной ортодоксии слова о том, что «душа спокойна только когда созерцает истину и услаждается сотворенным добром; а над добром и над истиною не смеются. Вот почему не смеялся Христос. Смех источник сомнения... Сомнения надлежит приглушать, а не разрешать» (Эко, 2000, стр. 152, 153). С их точки зрения, смеющийся как бы декларирует свой разрыв с Богом: «Предаваясь смеху, безрассудный тем самым провозглашает "Deus non est"» («Бога нет») (Эко, 2000, стр. 153). В данном понимании смех отражает животное, демоническое состояние человека, поскольку «искажает лицо и уподобляет человека обезьяне» (Эко, 2000, стр. 151).

4 Главный герой романа «Имя розы» (1980) Вильгельм Баскервильский возражает ортодоксу: «Я не согласен, преподобный Хорхе. Господу желательно, чтобы мы упражняли свои рассудки на тех неясностях, относительно коих Священное Писание дает нам свободу размышлений, ради избавления от абсурдных предположений – смех может составить собой самое удачное средство. Часто смех служит еще и для того, чтобы наказывать злоумышленников, выставляя напоказ их слабость... Обезьяны не смеются, смех присущ одному человеку, это признак его разумности» (Эко, 2000, стр. 151, 154). Таким образом, смех есть красная черта, разделяющая человека от животного мира, но хохот делает нас уязвимыми.

ли он ели-ели слышен. Источником хохота является злая, порой весьма примитивная (глупая и грубая) сатира. Хохотом высмеивается добродетель, унижается добро, наказывается истина. В смехе есть мораль (следовательно, есть и культура), в хохоте морали нет, поэтому он и относится нами к антикультуре. Хохот декоративен, смех экспрессивен.

Зададимся теперь простым вопросом – как часто наши политические элиты смеются? Именно смеются, а не хохочут (ржут). Отвечая на него, мы тем самым отвечаем на вопрос, насколько они культурны и этичны, и насколько мы можем быть ими сами довольны...

Важнейшим элементом политического карнавала является политический анекдот: один элиты сами создают своей абсурдной деятельностью, другой – рождает общественная критика и сатира, высмеивая пороки и недостатки власти. Карнавальные элиты являются воплощением семи главных смертных грехов (страстей) человечества, которые порождают все остальные пороки: *гордыня, скупость, зависть, гнев, похоть, обжорство, лень или уныние* (в качестве еще одного главного греха добавляется *тщеславие*). Политический карнавал как анекдот и есть поругание в политических элитах этой греховной их природы. Но поругание это делается в интересах гражданского общества, каким бы не зрелым и аморфным оно на тот момент не было.

В глазах субъектов политического карнавала всегда видна их политическая алчность и похоть. Именно желание любой ценой удержаться во власти и толкает таких политиков на различного рода авантюры, подчас весьма далекие от реалий самой политики. Но именно в них мы в наибольшей форме усматриваем проявление греховной сущности правящих политических элит. Все это и дает нам основание считать карнавальную политическую культуру проявлением отрицательных свойств и качеств власти и участвующей в политике публики (общественного политического актива).

КАРНАВАЛЬНЫЕ ХИМЕРЫ

Политический карнавал представляет собой реальную коллективную личину, «имя» которой «*химера*». Все, что рождается во время политического карнавала, может называться только химерами. Карнавал и есть одна большая химера, поскольку в ее основе лежит калейдоскоп эклектики. Главное для химеры карнавала – динамика движения. Поскольку химеры существуют короткий отрезок времени, их стратегия в «повышенной плодovitости» – карнавальных химер рож-

дается превеликое множество, но мало кто по прошествии времени может вообще вспомнить об их существовании.

Сам термин «химера» мы употребляем как в единственном числе (имея в виду общую сумму всех участников политического карнавала – это «химера карнавала», или «Большая химера»), так и во множественном числе (когда хотим подчеркнуть, более мелкие [частные] случаи ее проявления – это «карнавальные химерки», «Малая химера»). Речь идет о соотношении части и целого, где «малые химеры» сливаясь воедино, формируют «Большую химеру».

Химеры карнавала питаются ложью и коротким вниманием публики. Они существуют в условиях калейдоскопа (постоянной перемены декораций и антисмыслов). Поскольку существование самой химеры мимолетно, ее окончательным уделом становится свалка истории. Но прежде чем там оказаться, химеры способны натворить много такого, за что мы и недолюбливаем политические элиты.

Игры химер представляют собой крупные коллективные действия участников политического карнавала, когда они пытаются самоорганизоваться в некие псевдоструктурные объединения (по неким общим интересам, целям и задачам). Игра химер продолжается ровно столько, сколько существует сама химера. Но несколько распавшихся химер (образно говоря) могут предпринять попытки «восстановления» некой общей структуры, для того, чтобы продолжить свои игрища в политику.⁵

Иногда частные истории облачаются в официальные версии и становятся достоянием широкой публики. В основе такой химеры может лежать личная обида на несправедливость жизни и желание всем отомстить. Так в 2016 г. в США раздули скандал вокруг истории с Х. Клинтон, которая, скрывая одни свои «грешки», придумала другие – историю о якобы русском вмешательстве в президентские выборы.⁶ Рожденная тогда химера существовала ровно столько, сколько

5 Достаточно в этой связи вспомнить стандартное поведение британских спецслужб в начале XXI в., которые пытались многократно использовать один и тот же сценарий, связанный с историей отравления бывших россиян («оппозиционеров») «коварными и деспотическими» российскими спецслужбами, находящимися в подчинении «кремлевского демона»: отравление А.В. Литвиненко (2006 г.) (Luke Harding, 2016), т.н. «Salisbury incident» - С.В. и Ю.С. Скрипалей (2018 г.) (Reuters Staff, 2018), мнимое отравление А.А. Навального (2020 г.). (Benjamin Bidder, Christian Eschnter, 2020). Двойное отравление В.В. Кара-Мурзы (2015 и 2017 гг.) вообще выглядит как пародия на политический детектив и граничит с опереточной историей (тем более, что сами спецслужбы США неоднократно заявляли, что никакого отравления не было). При этом более чем странное «самоубийство» бывшего российского олигарха Б.А. Березовского (1946–2013) британскими властями устойчиво игнорируется и не придается огласке (Додолев, 2014).

6 Претендент на пост президента США в 2016 г. Хилари Клинтон раздула скандал в адрес соперника Дональда Трампа, чтобы направить внимание общественности в нужное ей русло и занять кресло в Белом доме. Такие данные содержались в отчете российских спецслужб, которые пере-

нужно было ее создателям. И в исследовании карнавальной химеры мы сталкиваемся с целым рядом подобных трудностей, связанных с субъективным (даже эгоистическим) восприятием и оценки объективной действительности.

С точки зрения семиотики, карнавальная химера - это вершина эклектики, яркой по форме, но совершенно пустой по содержанию. Именно поэтому с точки зрения герменевтики, заявления таких субъектов такой политики лишены всякого смысла, ибо не могут быть никак проверены. Герменевтика оказывается бессильной в деле верификации карнавальной политической риторики, что как раз и указывает на отсутствие в ней какого-либо смысла.

Все эти методологические трудности возникают из-за того, что карнавальная политическая культура является образчиком фрагментарной диалектики – в ней диалектика работает не целиком, а проявляет себя отдельными своими частями. Эта мозаичность и есть главный признак эклектики химеры. Условия политического карнавала просто не позволяют диалектике оформиться в ее полной форме. По сути, такая диалектика карнавалу не нужна, поскольку противоречит его эклектичной природе.

ТЕАТР ПОЛИТИЧЕСКОГО АБСУРДА

Карнавал фактически является театром абсурда – он характеризуется ханжеством, самолюбованием, самообманом, мифологизацией, десакрализацией власти, использованием психоделики, дичайшим вишнегретом против здравого смысла. Во всем, за что бы ни брался политический карнавал, мы обнаруживаем «сюр». Сюрреализм есть искаженное в угоду конкретным политическим или интеллектуальным элит бытие, выстраивающее объективную реальность свою параллельную карнавальную реальность.

Под словосочетанием «театр абсурда» мы имеем в виду историческое время, в котором всё перемешалось и запуталось настолько, что главные действующие лица утратили нити понимания и смыслы происходящего. В истории России таковыми временами были все смутные годы: 1598-1612 гг., 1917-1921 гг., 1989-1999 гг. И всякий раз благодаря падению профессионального качества политических элит, российское государство оказывалось на грани распада. В это время

хватила разведка США. Информация была передана в ФБР, однако глава национальной разведки США Джон Рэтклифф предпочел не портить репутацию кандидату от демократов. (Викторов, 2020)

русский человек оказывается без царя в голове и без добра в сердце.⁷ К власти устремлялись различного рода проходимцы, оспаривавшие друг у друга право считаться главным героем (злодеем).

Излюбленным приемом карнавальных элит является демонизация образа своего политического противника, которого они превращают в абсолютного злодея. Враг должен быть в их представлении изображен только в черных демонических красках. Так, для англосаксов абсолютным воплощением зла является мифологема «кремлевский демон».⁸

Анализ политической истории указывает на то, что театр абсурда может охватывать, как целую историческую эпоху, так и отдельные её временные отрезки (фрагменты). Он может быть как тотальным, так и локальным, в зависимости от масштаба и глубины кризиса профессиональных качеств правящих элит и их лидеров. Выше мы уже отмечали, что театр абсурда является долговременной постановкой, указывающей на стабилизацию карнавальной политической культуры. В его структуре мы обнаруживаем более мелкие и более скоротечные объединения - политические цирки и политические балаганы, из которых и формируется «труппа» политического театра абсурда.

Так, судя по описанию Гая Светония, под конец правления императора (54 - 68 гг.) Нерона в римской империи в правящих верхах усилилась карнавальная политическая культура политического театра абсурда. С целью недопущения окончательного распада системы и утраты геополитической гегемонии, здоровые силы Империи подняли против власти восстание и пошли на открытую гражданскую войну, закончившуюся установлением новой правящей династии, далекой от традиции политического карнавала. А карнавализация тогда была уже готова поглотить Рим, превратив его в посмешище всего мира. Вместо политического карнавала новая династия возвела в Риме Колизей – место для официального развлечения римских граждан.

⁷Так, например, в эпоху Смуты начала XVII в. на Руси действительно творилось очень много абсурдного. Нарушился ход традиций, многое выходило из-под контроля кукловодов, потому что на их роль претендовали по ходу действия другие (конкуренты) кукловоды. В театре абсурда пытались играть одновременно сразу несколько пьес, поэтому сценарии их действий перемешались, а сам ход событий запутался и стал для самих же заказчиков неузнаваем.

⁸И вновь в качестве исторического примера, мы вынуждены привести стратегию и тактику британских спецслужб, которые являются главными мировыми специалистами по демонизации российской власти. Еще в XVI в. британцы и их подручные германцы успешно демонизировали образ русского царя Ивана Грозного, приписав ему фактически черты карнавального деспота. (Мединский, 2012) В начале XXI в. «кремлевским демоном» стал для них уже В.В. Путин. Несмотря на разность в веках, лекала фальсификации остаются прежними – создать образ ужасной деспотической России, отвратительной для всей цивилизованной Европы (Карабушенко & Вартумян, 2020).

Театр политического абсурда – организация (структура) по проведению полноценного политического карнавала. Он возникает стихийно из необходимости изменения (искажения) под себя объективной политической реальности, которая стала не устраивать субъекта, в силу его низкой профессиональной компетентности или несправедливого (как он считает) социально-политического статуса. Так, самозванство Григория Отрепьева было продиктовано его стремлением выйти из «подлого» (как он считал) состояния и стать более значимой фигурой. Поэтому он и начал конструировать свою реальность, перспектива которой привлекла (соблазнила) тогда многих. Всё его царствование (1605 – 1606 гг.) было одним сплошным театром абсурда, в котором все было перевернуто вверх дном.

В поведении политических элит карнавального типа смешиваются и искажаются все нормы, ценности и смыслы. И вся эта аномалия бьет по самой главной части человека – этике, уничтожая его моральный облик. При этом обыкновенный разврат становится равнозначным пуританству. Воплощенные ничтожества становятся здесь знаковыми фигурами. Именно фигурами, но не лицами. Они карикатура, а не подлинник; у них формализм и формалин заменяют реальность и свежесть жизни. Если мы посмотрим на то, кто собрался при дворе Лжедмитрия I в Москве 1605 – 1606 гг., то помимо откровенных авантюристов и проходимцев, мы обнаружим там персон с явно пониженным уровнем моральной ответственности. То, что тогда происходило в России иначе как театром абсурда и не назовешь – полная потеря смысла всего происходящего, иллюзии, фейки и откровенная бытовая и политическая глупость («парад дураков» на фоне общенациональной трагедии).

СОСТАВ ТРУПЫ ТЕАТРА АБСУРДА

В реальной жизни в характеристике каждого человека есть многосложная система оценок, свой уникальный («генетический / культурный») набор «плюсов» и «минусов». Но в карнавальной политической культуре это сложность устраняется, она упрощается до банального. Всё оказывается в режиме бинарных противоположностей. Но самое главное личность деградирует до уровня маски (личины), узнаваемой, но пустой.

Упрощение выкидывает из системы многоцветную сложность, тем самым формируя вокруг себя пустоту. Субъекты политического карнавала – пустые говорящие головы, способные усвоить всего лишь одну простую идею, которая собой и заполняет всю их звенящую пу-

стоту. По всему выходит, что люди политического карнавала, это люди, обманутые своею же собственной головой. Они занимаются пустыми, бесплодными делами. Результат их деятельности нулевой для своего времени и отрицательный для истории. И все потому, что они при первом удобном случае выдают желаемое за действительное, придумывая всякого рода «важную ерунду».

То, что мы наблюдаем в субъектах карнавальной политической культуры это встречное движение двух противоположностей: 1) деградация личности, с одной стороны и 2) маниакальное возвеличивание её, с другой. На этом фундаментальном разрыве и существует субъект политического карнавала. Персонализм здесь бессилён, потому что все описанные им случаи генезиса личности не подходят под то состояния человека, которое он переживает при этой культуре. А он переживает самое настоящее разрушение своей личности, когда его личность становится личиной (маской).

Политический карнавал – это парк политических аттракционов, круглосуточно развлекающий себя и публику, с целью поддержания своего элитарного статуса. Карнавал всегда на подъёме, он всегда в состоянии воодушевления (*«exaltatio»*). Но, как стремительно вспыхивая, он столь же стремительно и угасает. Ему попросту не хватает стабильности, не хватает внутренних ресурсов. Он подобен канатоходцу - вынужден всегда балансировать между высотой и падением, между перспективой достичь высоты и угрозой падения в пропасть.

Акторами политического карнавала являются агрессивные «режиссеры», истеричные «актеры» и невменяемые «зрители». То, что их всех объединяет – экзальтация. Экзальтация всего – в особенности глупости. Они восторгаются по каждому поводу. Ещё больше восторгаются без всякого повода, потому что им это нравится. Они всегда чем-либо воодушевлены и находятся в приподнятом настроении, даже если это приподнятое настроение очередная их маска.

Именно вследствие экзальтированности своих участников политический карнавал усиливает раздражение (возбуждение) психической сферы, уводит своих субъектов в глубины мечтательного настроения, вселяет в них безграничное воодушевление, граничащее с эйфорией. Ими овладевает маниакальная страсть, безумное влечение, сопровождающееся повышенным настроением, психическим возбуждением (в виде ускоренной речи и мышления) и активизации суетливости.

Акторами политического карнавала являются персонажи маскарадного характера – балаганная клоунада, играющая попеременно различные роли, порой никак не связанные между собой. Участие в

политическом карнавале позволяет продемонстрировать свои возможности, которые выдаются актерами в качестве их базовых достоинств.

Как нами уже ранее отмечалось, субъектами карнавальной политической культуры (составляющие труппу политического театра абсурда) являются такие категории, как: (1) *кукловоды* («режиссеры»),⁹ (2) *трикстеры* (главные герои карнавала, его лидеры), (3) «дураки» (актив, «элита», рядовые исполнители карнавального действия) и (4) «зрители» (публика, массы, толпа).

Субъекты политического карнавала ведут себя как «экстракт плесени» на обломках культуры. Они демонстрируют психологию слизи. Они паразитируют на достижениях прежних культур и эпох, ничего своего не оставляя в качестве конструктивного исторического наследия. Все их действия на сцене театра абсурда не просто бессмысленным, они деструктивным – актёры политического карнавала тушат пожар керосином.

Политический карнавал это медиасобытие, где действуют медиаперсонажи. Слово здесь подавляет дело (слов столько много, что за ними не видны дела). Но слово это не «Логос», а поток слов – словоблудие. У политического карнавала выборочное предпочтение. Виртуальная реальность карнавала замалчивает то, что не является для него первостепенным. И напротив, он громко кричит о том, что ему нравится, даже если это ничего нестоящая выдумка.

У политического карнавала нет правовых ресурсов, потому он и может всем «садиться на шею». Он беспределен в своей безответственности. А безответственная персона деструктивна по своей сути. То, что «создают» в результате своей деятельности субъекты политического карнавала, не несет в себе никакого ценностного смысла. Политический карнавал – это суетливая возня на обломках мировой культуры.

КУКЛОВОДЫ

Кукловоды – временное руководство политического карнавала, в задачу которых входит выбор направления (вектора) действия. Явление крайне нестабильное и аморфное, потому что на эту роль чаще всего претендуют лица, не имевшие никакого отношения (или косвенно относящиеся) к событиям. Чаще всего это фигуры теории заговора. Но предполагается, что кукловоды – это те, кто дергает за незримые

⁹ В средневековой Германии организаторов маскарадов и карнавалами так и называли «режиссерами», поскольку именно они организовывали все празднества (от сбора средств, до подведения итогов) (Колязин, 2002, стр. 104).

веревочки марионеток театра политического абсурда. Среди кукловодов много самозванцев, потому что настоящие кукловоды всегда предпочитают оставаться в тени событий и не афишировать своим присутствием.

Анализируя тиранический тип правления, Платон сравнивал кукловода с многоликим чудовищем (Химерой, Скиллы, Кербера), которое постоянно меняет своё обличие. Это многоликий и многоголовый зверь: «Эти лики – домашних и диких зверей – расположены у него кругом, он может их изменять и производить все это из самого себя» (Государство, 588d) (Платон, 1994а). Такой человек откармливает в себе такого многоликого зверя для того, чтобы с его помощью творить несправедливость, натравливая всех друг на друга. Такой человек, взращивая в себе звероподобие, убивает тем самым свою божественную сущность (Государство, 589е) (Платон, 1994а). Ради достижения своего превосходства, он ограничивает волю и свободу других.

По мнению Платона, кукловод пользуется своим преимуществом в знаниях, специально ограничивая знания об истине у тех, кем он манипулирует. Он должен постоянно держать всех своих «кукол» в определенных рамках, чтобы они не могли мыслить как он. Удовлетворяя все их низменные страсти, кукловод не допускает их к высшим истинам и к высшим пределам (Государство, 586а-б) (Платон, 1994а). Таким образом, кукловод играет на ограничениях и запретах для других, получая тем самым свою личную свободу от них.

В «Законах» Платон рассуждает как классический кукловод и это позволяет нам проникнуть в потаенный мир этого типа политика. Согласно ему, человек есть «какая-то выдуманная игрушка бога, и по существу это стало наилучшим его назначением. Этому-то и надо следовать; каждый мужчина и каждая женщина пусть проводят свою жизнь, играя в прекраснейшие игры, хотя это и противоречит тому, что теперь принято... Надо жить играя. Что ж это за игра? Жертвоприношения, песни, пляски, чтобы уметь снискать к себе милость богов, а врагов отразить и победить в битвах... даймон и бог внушат им, в честь кого и в какое время надо их совершать, чтобы, играя, снискать милость богов и прожить согласно свойствам своей природы, ведь люди в большей своей части – куклы и лишь немного причастны истине» (Законы VII, 803b-804b) (Платон, 1994б). Именно такие кукловоды и должны разрабатывать новые «песни и пляски» для людей («кукол»), видоизменяя их в зависимости от стоящих перед ними задач («чтобы поющие испытывали удовольствие и какую-то ненасытную страсть к песнопениям» (Законы II, 665с) (Платон, 1994б). Самим кукловодам больше всего следует остерегаться импровизация со сто-

роны «кукол» и строго следить за тем, чтобы они ничего от себя не добавляли, ибо это своеволие есть признак творчества, а, следовательно, и свободы (Законы VII, 800a) (Платон, 1994б).¹⁰

Кукловод выдает себя за Мастера. Но он таковым является ровно столько, сколько длится запущенное им действие в театре политического абсурда. После его завершения он может превратиться в стандартного опереточного персонажа или совсем, утратив харизматическое очарование, впасть в осмеяние.¹¹

Весьма часто кукловодам приписывается много лишнего, а их власть и влияние оказываются сильно преувеличенными. В итоге они вообще рискуют стать «козлами отпущения» истории, на которых вешают всех собак. Чаще всего кукловодами становятся бывшие наиболее удачливые и влиятельные трикстеры, которые возвышаясь, уходят в тень порождаемых ими событий.

Утилизация кукловодов происходит по следующим направлениям: 1) его могут принести в жертву (совершить ритуальное убийство, когда другой кукловод оказывается более сильным и более жестоким); 2) его могут отправить на свалку истории и 3) он может опуститься вновь до уровня трикстера. Утрата режиссерских способностей и возможностей делает кукловода бесполезной фигурой театра политического абсурда.

Если классический карнавал не имеет официального руководства, то политический карнавал тем и отличается от него, что всегда кем-то управляется, кем-то временно руководится. Но это руководство действительно носит временный (и часто очень временный, т.е. фрагментарный) характер.

Кукловоды – вершина руководства театра абсурда. Если шуты и клоуны – это рядовые исполнители карнавала, то трикстера можно с полным основанием считать их техническим руководителем, поскольку он организывает и контролирует порядок выхода клоунов на

10 При этом саму жизнь кукловод воспринимает и оценивает в качестве написанной им пьесы: «... мы и сами – творцы трагедии, наипрекраснейшей, сколь возможно, и наилучшей. Ведь весь наш государственный строй представляет собой подражание самой прекрасной и наилучшей жизни. Мы утверждаем, что это и есть наиболее истинная трагедия» (Законы VII, 817b) (Платон, 1994б).

11В качестве исторического примера иллюстрирующего это наблюдение мы можем привести историю жизни признанного кукловода политического провокатора российской революции 1905 г. Е.Ф. Азеф (1869 – 1918), который после разоблачения торговал женским нижним бельем в Берлине (Спиридович, 1928). Позже к кукловодам был причислен и деятель российского и германского социал-демократического движения доктор философии А.Л. Парвус (1867 - 1924), которого многие историки назначили на роль главного финансиста партии большевиков. У таких персонажей загадок бывает больше, чем установленных достоверных фактов. (Земан, Шарлау, 2007, стр.7) Они и существуют, пока есть эти загадки...

авансцену. Нет такого трикстера, который бы не мечтал стать кукловодом. Но среди самих кукловодов много бывших трикстеров.

ТРИКСТЕР

В театре политического абсурда трикстер считается ведущим актером - «примой», которая может себе позволить быть капризной, экстравагантной и даже пошлой. Как «демонически-комический дублёр культурного героя, наделённый чертами плута, озорника» трикстер является архитипом (божество, дух, человек или антропоморфное животное), который совершает противоправные действия, нарушает все существующие правила поведения (Мифологический словарь, 1990). Для трикстеров характерно создать некую субъективную реальность, свято уверовать в нее (в её непогрешимость) и когда этот их выдуманный мир (миф) разобьется о суровые скалы объективной реальности, сетовать на то, что мир несовершенен, несправедлив и окончательно испорчен.¹²

Мы назначили трикстера в главари политического карнавала потому, что он проявляет наивысшую активность и изобретательность. «Образ Трикстера непременно включает и любовь к коварным розыгрышам и злым выходкам, и способность изменять облик, и определенно двойственную природу» (Конева, 2002). Трикстер – мастер шулерских уловок, циник, аморалист. Для него нет ничего святого. Для него предательства – норма. Трикстер - мастер переодеваться в воздухе и якобы эффективно «решать» налету сложнейшие задачи. И чем больше масок он использует в этой своей практике, тем успешнее оказывается его проект. «Трикстер – оборотень, перевертыш, игрок, и для него не существует привычного понятия о жизни и смерти, потому что игра каждый раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена. Трикстер не всегда выходит победителем из затейной игры, и может попасть впросак, оказаться жертвой собственной хитрости, граничащей с дуростью» (Гаврилов, 2006а). Способность трикстера менять облик, указывает на двойственную его природу. Но именно она (двойственность) и делает его жертвой собственного обмана, показывая тщетность его бессмысленных оргий, которые разрушают и причиняют страдания прежде всего ему самому (Юнг, 1999, стр.266-267).

12 Трикстер не может быть похож на обычного человека. Он всеми силами пытается преодолеть в себе «человека нормы-закона». Для этого он и выходит за привычные рамки и нормы этого закона. В классической драматургии гротескный, комический персонаж наряду с главным героем является ведущим действующим лицом. При этом даже сам его внешний облик и речь должны уже изначально вызывать смех у публики (Kuiper, 1979).

В политическом карнавале трикстеры берут на себя роль политических лидеров, заявляя о том, что они самые главные, самые важные и самые влиятельные. Каждый трикстер мнит себя царем и заставляет своих адептов верить в то, что он настоящий царь. Но государством его оказывается замок на песке. Он живет в хрустальном доме, размахивая в нем тяжелыми предметами.

Трикстер играет роль царя, которому можно на словах всё, но который сам ничего не может сделать. Он одновременно и всесильное (на словах) земное божество, великолепное в своем сияющем величии и импотентное (на деле) ничтожество, звенящая пустота. Причем первое как личина, скрывает второе.¹³ В целом, трикстер пытается стать соучастником демиургов в процессе сотворения новой реальности (Гаврилов, 2006b). Но это его соучастие все время походит на пародию творчества.

Трикстер претендует на роль кукловода, но может для достижения тактических целей играть и роль шута и даже прикидываться декорацией, на время исчезая из информационного поля карнавала. Вновь выскочив из подполья, он может пугать соперников и снова обольщать сторонников придуманными им новыми перспективами.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КЛОУНАДА – «КАРНАВАЛЬНЫЕ ДУРАКИ»

Карнавальные клоуны/шуты, они же «дураки», они же «карнавальный актив», они же «избранные» (квазиэлита) играют роль двигателя политического карнавала, приводящего в движение события и поддерживающие своего трикстера (лидера). Шутовство дураков отдельная тема нашего исследования, поскольку напрямую касается политических элит. Пропитываясь ценностями карнавальной политической культуры, политик постепенно превращается в «актера» театра политического абсурда, и начинает действовать и мыслить в соответствии с этим нормам.

13 В характеристиках трикстера исследователи также отмечают такие его свойства: «Трикстер – это неподконтрольная никому фундаментальная Сила, результат действия которой непредсказуем, даже для самого Трикстера. Трикстер – это провокатор и инициатор социокультурного действия и изменения творения, которое выглядит как порча. Трикстер традиционно выступает посредником между мирами и социальными группами, способствует обмену между ними культурными ценностями и переводу информации из области непознанного в область познаваемого. Он делает неясное явным, вторгаясь в область неизведанного первым. Трикстер – господин многих искусств, мастер на все руки, иногда спутник культурного героя или сам культурный герой, его проводник, или его тень, тот, кто проверяет претензии героя на Силу и Власть. Трикстер – добытчик знаний через нарушение социального или космогонического запрета, инициатор мифологического действия» (Гаврилов, 2006а).

Карнавальные дураки (Платон их называл «сатирами»), обозначаются нами так потому, что ведут себя соответствующим образом. Они не просто дурачатся. Они реально дураки. «Дурак» театра абсурда это запрограммированная глупость, когда официальное лицо стремится показать свою значимость при полной отсутствии каких-либо профессиональных способностей и личных качеств. Амбивалентность «дурака» заключается в том, что ему хочется быть лучшим, несмотря на явные отрицательные признаки. Он живет с расщепленным сознанием.

«Дурак» - вещь для политического карнавала необходимая и весьма полезная. Вспомним в этой связи поэму Себастьян Бранта (1458–1521) «Корабльдураков» (1494 г.). По мнению поэта, «дурак» – это образ мысли и образ жизни. «Дурак» - это форма, глупость – его содержание. «Дурак» — излюбленное слово. // Когда дурак честит другого, // Но между ними ни на грош // Ни в чем различья не найдешь...» (Брант, 1971). Главная цель дурака - выдать себя за «мудреца» и карнавальная политическая культура создает для этой подмены все благоприятные условия: шут становится королем, король превращается в шутовское посмешище.

Политический «дурак» рождается от серой ограниченности человеческого потенциала, его завышенной амбиции и самооценки (когда притязания на признания оказываются неоправданно выше реальных возможностей индивида). Этот когнитивный диссонанс и делает их приспособленцами по содержанию и шутами/дураками по форме.

По этому поводу М.М. Бахтин замечает: «Они оставались шутами и дураками всегда и повсюду, где бы они не появлялись в жизни. Как шуты и дураки, они являются носителями особой жизненной формы, реальной и идеальной одновременно. Они находятся на грани жизни и искусства (как бы в особой промежуточной сфере): это не просто чудаки или глупые люди (в бытовом смысле), но это и не комические актеры» (Бахтин, 1990, стр. 13). Перефразируя это замечание, уточним нашу позицию по «дуракам» политического карнавала: 1) они становятся шутами/дураками только выйдя на рампу политического театра абсурда; 2) они находятся на грани реальной жизни и идеологической лжи; 3) они не просто чудаки и глупцы, они еще и лжецы («и имя им фейк»). Подобные уточнения обрисовывают нам общий «портрет» субъекта политического карнавала (хотя и субъектом его называть тоже будет весьма относительно).

Карнавальные элиты живут в мифах друг о друге и потому мифологизаторы вне рамок своей пропаганды эффективно работать не могут. Система координат мифологизирована и не поддается рациональ-

ному осмыслению. Политический карнавал превращает политическую повседневность в игру, в которую играют все по собственным правилам, от чего она становится «игрой в глупости». Цель всего этого – замаскировать существующие логические разрывы в объяснении объективной реальности и понизить уровень культуры до приемлемого для них площадного уровня.

Политические клоуны охотно (но не всегда успешно) торгуют своим суверенитетом. Блеф помогает им выжить тактически, но губит их в стратегическом плане. Прожектерство становится главным делом такой «политики». Но самое главное заключается в том, что «карнавальные дураки» на самом деле в большей мере являются объектами, а не субъектами политического карнавала, поскольку не они, а именно ими руководят кукловоды и трикстеры театра абсурда.

ОБЪЕКТЫ ТЕАТРА АБСУРДА

Публика (зритель) является основным объектом театра абсурда. Все остальные участники политического карнавала становятся объектами в системе подчинения «верх – низ», т.е. трикстер рассматривает карнавальных клоунов как своих объектов, сам при этом являясь объектом для кукловодов. Объект политического карнавала – это, в сущности, всё та же декорация, театральный ландшафт. Лишь только тогда, когда публика аплодирует или освистывает, она проявляет кратковременную субъектность на подсознательном уровне. На большее она не способна.

Важную роль в театре политического абсурда играет *маска*. Маски носят все. Они в политическом карнавале повсюду. Маска связана с перевоплощением субъекта карнавала из одной роли в другую. Поэтому она «враждует» с тождественностью и однозначностью. Она связана «с отрицанием тупого совпадения с самим собой: маска связана с переходами, метаморфозами, нарушениями естественных границ, с осмеянием, с прозвищем (вместо имени); в маске воплощено игровое начало жизни, в основе ее лежит совсем особое взаимоотношение действительности и образа, характерного для древнейших обрядово-зрелищных форм» (Бахтин, 1990, стр. 48). М.М. Бахтин отмечал многосложную и многозначительную символику маски. Поэтому это особая «вещь»: «Маска никогда не может стать просто вещью среди других вещей» (Бахтин, 1990, стр. 48). Она обязательная должна быть активной, для того чтобы скрыть подлинное лицо.

Выше мы уже говорили о том, что карнавальные элиты любят демонизировать своих врагов. В условиях царящего повсюду маска-

рада это бывает сделать несложно. Чаще всего они пугают этими масками публику и своих подчиненных, для того, чтобы подчеркнуть избранность своего статуса. Демонизированный враг – это всего лишь маска. Маска абсолютного злодея, за которой ничего такого не стоит. За этой маской может скрываться вполне нормальные (реальные) персонажи. Но карнавальным клоунам важно показать эту ужасную маску тогда, когда им выгодно, и спрятать ее, когда момент этой выгоды проходит.

Когда роль субъекта политического карнавала становится столь явной, и все начинают понимать, что она марионетка, тогда такой «субъект» превращается в объект, и его рассматривают как политическую куклу. Политическая кукла не просто марионетка, она еще есть пародия на политика и дискредитация самой политики как профессии. Кукла-марионетка представляет собой модель конкретно взятого политика, которая имитирует политическую деятельность. При последующей деградации кукла-марионетка может превратиться в простой манекен, ничего не делающий и лишь выполняющий роль статиста. Витринный манекен просто заполняет политическую пустоту, и в любой момент может быть заменен на другие манекены. В отличие от куклы-марионетки у него вообще нет никакой роли. Он стопроцентный статист.

ДЕКОРАЦИИ ТЕАТРА АБСУРДА

Эффект политического карнавала возникает тогда, когда элита трансформируется в «элитку», а политик становится политиканом. Такой деятель декорирует элиту, а не реально её представляет. Он превращает серьезную профессиональную деятельность в игру. И игру весьма примитивную. Переворачивая все верх дном, политический карнавал выдает свою форму за содержание. Для него декорация заменяет реальность.

Карнавал – это декорация, декорация и еще раз декорация.

Повсюду условность и фальшь. Повсюду подделка под нечто реальное. Причем фальшь весьма активно и весьма успешно выдает себя за позитивную реальность. Она и становится реальностью для участников политического карнавала. Реквизиты политического карнавала – вышедшие из моды научные теории, устаревшие должностные инструкции, набившие оскомину клише политических лозунгов, зачитанные и заигранные до дыр сценарии политических переворотов... Весь этот и ему подобный хлам участники политического карнавала пытаются в очередной раз использовать ради достижения своих со-

мнительных целей. Но главное у участников политического карнавала всегда есть план – правда, этот план никуда не годен.

При этом для субъектов политического карнавала декорацией являются все те, кого они считают своими объектами. А это все, кто в иерархии карнавальной культуры стоят ниже его самого. Но тот, кто в данный момент верховодит карнавальным действием, в следующий момент может сам стать декорацией для другого более активного кукловода. Всё это позволяет нам высказать мысль о том, что многие современные политические элиты носят преимущественно декоративный характер, своим декором лишь обозначая очертания элитного статуса, а в реальности являясь свидетельством отсутствия элиты как таковой.

ВЫВОДЫ

Из всемирной истории мы знаем немало примеров того, как политика временами превращалась в некое карнавальное действие, разрушая тем самым основы здания всей политической системы. Карнавализация политических элит усиливала деструктивные тенденции, вовлекая в эти игры и широкие народные массы. Пропитываясь карнавальной политической культурой, правящие элиты вступали на путь саморазрушения и сворачивания своего собственного проекта. Но самое главное они теряли уверенность в завтрашнем дне и переставали формировать ответ на вызов своего времени. Поэтому расширение зоны политического карнавала является одним из главных показателей наступления системного кризиса конкретной исторической эпохи.

В политической карнавальной среде политические элиты предстают в столь искаженном виде, что становятся практически неузнаваемыми. Они пропитываются духом карнавальности и забывают, что такое объективная реальность. При этом субъекты элит становятся субъектами политического карнавала, превращая свои элиты в карнавальные элиты. Иными словами, карнавализация политических элит ведет к утрате ими реального статуса элиты. Карнавализуясь, элита превращается в псевдо или квазиэлиту. Политический карнавал фактически является для элиты эпидемией, которая обнуляет все ее достоинства и прежние достижения, а новых ценностей не создает и не предлагает.

Список литературы

Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255

- Almond, G. A., & Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press.
- Bidder, B., & Eschnter, C. (2020). «*I Assert that Putin Was Behind the Crime*». Der Spiegel.
- Harding, L. (2016). *A Very Expensive Poison: The Definitive Story of the Murder of Litvinenko and Russia's War with the West*. London: Guardian Faber Publishing.
- Kuiper, F. B. J. (1979). *Varuna and Vidūṣaka: On the Origin of the Sanskrit Drama*. Amsterdam - Oxford - New York.
- Staff, R. (2018, March 6). Factbox: From polonium to a poisoned umbrella - mysterious fates of Kremlin foes. *Reuters*. Retrieved from <https://www.reuters.com/article/us-britain-russia-factbox-idUSKCN1GI2IG>
- Winter, J. (2008). Foreword: Historical Remembrance in the Twenty-First Century. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 617(1), 6–13. doi: 10.1177/0002716207312761
- Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: «Художественная литература».
- Брант, С. (1971). *Корабль дураков; Эразм Роттердамский. Похвала глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры за просто; Письма тёмных людей; Ульрих фон Гуттен. Диалоги*. Москва: «Художественная литература».
- Вартумян, А. А., & Карабущенко, П. Л. (2020). *Фальсификации политической истории: Опыт исторической герменевтики*. Москва: KDU. doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1146-7-2020-374
- Викторов, Н. (2020). Выборы в США: Глава разведки Рэдклифф рассказал о скандале Клинтон против Трампа. *Ytro.ru*. Извлечено от <https://ytro.ru/news/politics/2020/09/30/1459319.shtml>
- Гаврилов, Д. А. (2006a). К определению трикстера и его значимости в социокультурной реальности. В *Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века: Проблемы и перспективы», 15 мая 2006 г. [Материалы]* (с. 359–368). Омск: СИБИТ, ИПЭК, СРШБ (колледж).
- Гаврилов, Д. А. (2006b). Трикстер в период социокультурных преобразований: Диоген, Уленшпигель, Насреддин. В Е. Н. Мощелков (Ред.), *Experimentum-2005. Сборник научных статей философского ф-та МГУ* (с. 166–178). Москва: Издательство «Социально-политическая мысль».
- Дмитриев, А. В., & Сычев, А. А. (2005). *Смех: Социофилософский анализ*. Москва: Альфа-М.
- Додолев, Е. Ю. (2014). *Березовский умер. Да здравствует Березовский!* Москва: «ЭКМО».
- Земан, З., & Шарлау, У. (2007). *Кредит на революцию. План Парвуса*. Москва: «Центрполиграф».

- Колязин, В. Ф. (2002). *От мистерии к карнавалу: Театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья*. Москва: «Наука».
- Конева, А. В. (2002). Анекдот как феномен культуры. В *Материалы круглого стола 16 ноября 2002 года* (сс. 70–77). Санкт-Петербург: «Санкт-петербургское философское общество».
- Мединский, В. Р. (2012). *О русском воровстве, душе и долготерпении*. Москва: ОЛМА Медиа Групп.
- Мелетинский, Е. М. (Ред.). (1990). *Мифологический словарь*. Москва: «Советская энциклопедия».
- Платон. (1994a). Государство. В А. Ф. Лосев (Ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т.* (Т. 3, сс. 79–420). Москва: «Мысль».
- Платон. (1994b). Законы. В А. Ф. Лосев (Ред.), *Платон. Собрание сочинений в 4 т.* (Т. 4, сс. 71–437). Москва: «Мысль».
- Спиридович, А. И. (1928). *Записки жандарма*. Харьков: Пролетарий.
- Тульчинский, Г. Л. (2018). *Политическая культура России: Источники, уроки, перспективы*. Санкт-Петербург: «Алетейя».
- Эко, У. (2000). *Имя розы*. Санкт-Петербург: «Симпозиум».
- Юнг, К. Г. (1999). О психологии образа Трикстера. В П. Радин (Ред.), *Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи* (сс. 265–286). Санкт-Петербург: Евразия.

References

- Almond, G. A. (1956). Comparative Political Systems. *The Journal of Politics*, 18(3), 391–409. doi: 10.2307/2127255
- Almond, G. A., & Verba, S. (1963). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton University Press.
- Bakhtin, M. M. (1990). *The Work of François Rabelais and the Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Art Literature. (In Russian).
- Bidder, B., & Eschnter, C. (2020). «I Assert that Putin Was Behind the Crime». *Der Spiegel*.
- Brant, S. (1971). *Ship of Fools; Erasmus of Rotterdam. The Praise of Folly. The Dungeness Chases the Eagle. Conversations at ease; Letters of Dark Men; Ulrich von Gutten. Dialogues*. Moscow: Fiction Literature. (In Russian).
- Dmitriev, A. V., & Sychev, A. A. (2005). *Laughter: A Sociophilosophical Analysis*. Moscow: Alfa-M.. (In Russian).
- Dodolev, E. Yu. (2014). *Berezovsky is dead. Long live Berezovsky!* Moscow: EXMO. (In Russian).
- Eco, U. (2000). *Name of the Rose*. St. Petersburg: Symposium. (In Russian).

- Gavrilov, D. A. (2006a). Toward Defining the Trickster and Its Significance in Socio-Cultural Reality. In *First All-Russian Scientific Conference "Philosophy and Social Dynamics of the XXI Century: Problems and Prospects"*, May 15, 2006. [Proceedings]. (pp. 359–368). Omsk: SIBIT, IPEC, SRSB (college). (In Russian).
- Gavrilov, D. A. (2006b). The Trickster in a Period of Socio-Cultural Transformation: Diogenes, Uhlenspiegel, Nasreddin. In E. N. Moschelkov (Ed.), *Experimentum-2005. Collection of Scientific Articles from the Philosophy Department of Moscow State University* (pp. 166–178). Moscow: Social and Political Thought Publishing House. (In Russian).
- Harding, L. (2016). *A Very Expensive Poison: The Definitive Story of the Murder of Litvinenko and Russia's War with the West*. London: Guardian Faber Publishing.
- Jung, C. G. (1999). On the psychology of the Trickster image. In P. Radin (Ed.), *Trickster. A Study of North American Indian Myths with Commentary by C. G. Jung and C. C. Kerenyi* (pp. 265–286). St. Petersburg: Eurasia. (In Russian).
- Kolyazin, V. F. (2002). *From Mystery to Carnival: Theatricality of the German Religious and Square Scene of the Early and Late Middle Ages*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Koneva, A. V. (2002). Anecdote as a cultural phenomenon. In *Materials of the round table on November 16, 2002* (pp. 70–77). St. Petersburg: "St. Petersburg Philosophical Society. (In Russian).
- Kuiper, F. B. J. (1979). *Varuna and Vidūṣaka: On the Origin of the Sanskrit Drama*. Amsterdam - Oxford - New York.
- Medinsky, V. R. (2012). *On Russian thievery, soul and patience*. Moscow: OLMA Media Group. (In Russian).
- Meletinsky, E. M. (Ed.). (1990). *Mythological Dictionary*. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia. (In Russian).
- Plato. (1994a). Государство. A. F. Losev (Ed.), *Plato. Collected Works in 4 vols.* (Vol. 3, pp. 79–420). Moscow: Mysl. (In Russian).
- Plato. (1994b). Laws. In A. F. Losev (Ed.), *Plato. Collected Works in 4 vols.* (Vol. 4, pp. 71–437). Moscow: Mysl. (In Russian).
- Spiridovich, A. I. (1928). *Notes of a Gendarme*. Kharkov: Proletarian. (In Russian).
- Staff, R. (2018, March 6). Factbox: From polonium to a poisoned umbrella - mysterious fates of Kremlin foes. *Reuters*. Retrieved from <https://www.reuters.com/article/us-britain-russia-factbox-idUSKCN1GI2IG>
- Tulchinsky, G. L. (2018). *Russia's Political Culture: Sources, Lessons, and Prospects*. St. Petersburg: Aletheia. (In Russian).
- Vartumyan, A. A., & Karabushchenko, P. L. (2020). *Falsifications of Political History: Experiences of Historical Hermeneutics*. Moscow: KDU. doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-7913-1146-7-2020-374 (In Russian).

- Viktorov, N. (2020). U.S. election: Radcliffe, head of intelligence, spoke about the Clinton vs. Trump scandal. *Ytro.ru*. Retrieved from <https://ytro.ru/news/politics/2020/09/30/1459319.shtml> (In Russian).
- Winter, J. (2008). Foreword: Historical Remembrance in the Twenty-First Century. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 617(1), 6–13. doi: 10.1177/0002716207312761
- Zeman, Z., & Scharlau, W. (2007). *Credit for the Revolution. Parvus's Plan*. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).

Юбилейные даты

Anniversaries

REMEMBERING PROFESSOR G. K. ASHIN

**Alexander V. Ponedelkov (a), Alexander V. Duka (b), Victor P. Mokhov (c),
Arushan A. Vartumyan (d), Ravil G. Rezakov (e), Pavel L. Karabuschenko (f),
Leonid Ya. Podvoisky (g)**

(a) South-Russian Institute of Management. Rostov-on-Don, Russia. Email: ponedelkov[at]skags.ru

(b) Sociological Institute RAS. Saint-Petersburg, Russia. Email: alexander-duka[at]yandex.ru

(c) Perm National Research Polytechnic University. Perm, Russia. Email: mvpperm[at]gmail.com

(d) Institute of Service, Tourism and Design (branch) of NCFU in Pyatigorsk. Pyatigorsk, Russia.
Email: pragpu[at]mail.ru

(e) Moscow City Pedagogical University. Moscow, Russia. Email: rarezakov[at]yandex.ru

(f) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: pavel_karabushenko[at]mail.ru

(g) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: leonid.podv[at]gmail.com

Abstract

The year 2020 marks the 90th anniversary of the birth of Gennady Konstantinovich Ashin. He was the patriarch of the Russian Elitology School, the professor of MGIMO University. This section presents the memoirs and assessments of his creative scientific activities by leading Russian scientists who knew him and collaborated with him for many years. Their personal memories allow one to get acquainted with the personality of an outstanding Russian scientist who made a huge contribution to the development of Russian Elitology thought.

Keywords

elitology; elite; scientific school; memories; assessment of the role of a historical person

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОФЕССОРЕ Г. К. АШИНЕ

**Понеделков Александр Васильевич (а), Дука Александр Владимирович (b),
Мохов Виктор Павлович (с), Вартумян Арушан Арушанович (d),
Резаков Равиль Гарифович (е), Карабущенко Павел Леонидович (f), Подвой-
ский Леонид Яковлевич (g)**

(а) Южно-Российский Институт управления.. Ростов-на-Дону, Россия.

Email: ponedelkov[at]skags.ru

(b) Социологический институт РАН. Санкт-Петербург, Россия. Email: alexander-duka[at]yandex.ru

(с) Пермский национальный исследовательский политехнический университет. Пермь, Россия.

Email: mvpperm[at]gmail.com

(d) Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал) СКФУ в г. Пятигорске. Пятигорск, Россия.

Email: pragpu[at]mail.ru

(е) Московский городской педагогический университет. Москва, Россия.

Email: rarezakov[at]yandex.ru

(f) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.

Email: pavel_karabushenko[at]mail.ru

(g) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.

Email: leonid.podv[at]gmail.com

Аннотация

В 2020 г. исполнилось 90 лет со дня рождения патриарха российской элитологической школы профессора МГИМО(У) Геннадия Константиновича Ашина. В настоящем разделе представлены воспоминания и оценки его творческой научной деятельности ряда российских ученых, знавших его и сотрудничавших с ним многие годы. Их личные воспоминания позволяют познакомиться с личностью выдающего российского ученого, внесшего огромный вклад в развитие отечественной элитологической мысли.

Ключевые слова

элитология; элита; научная школа; воспоминания; оценка роли исторической личности

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Десять лет назад элитологическое сообщество России праздновало юбилей своего отца-основателя профессора Геннадия Константиновича Ашина, не догадываясь, что это было их последнее обращение к нему при жизни (Карабущенко, 2010; Понеделков, 2010а). Мы поздравляли его тогда, не подозревая, что видим и слышим его в последний раз. Вскоре его не стало. Но прошедшие десять лет показали, что его идеи и труды не забыты и востребованы. Память о нем продолжает жить в воспоминаниях его друзей и учеников.

Геннадий Константинович (21.10.1930, Нижний Новгород - 05.01.2011, Москва). К 90-летию со дня рождения

Геннадий Константинович родился в Нижнем Новгороде 21 октября 1930 г. Школу в Днепропетровске окончил с золотой медалью и поступил в МГИМО, после окончания которого (1953 г.), работал в различных государственных организациях. Затем было возвращение в

свою альма-матер, защита докторской диссертации (1970), работа на кафедре философии, которую он с 1974 по 1985 гг. возглавлял («"Очень не люблю я элиту..." Интервью с Геннадием Константиновичем Ашиным», 2008). Заслуженный деятель науки РФ. Почетный профессор МГИМО. Он стал первопроходцем стразу по нескольким научным темам (элитология, массовая культура...).

Проблемой элит он начал заниматься одним из первых в СССР. Тема была практически запретной, но он находил, как эти идеологические запреты обходить и как под давлением «воинствующего официального марксизма» не отходить от норм научной этики. Мы его помним и как талантливого просветителя – знакомство с ним стало для многих одновременно и знакомством с элитологией, и дало путевку в научную жизнь. Предоставим слово тем, кто лично знал и общался с ним.

ПОНЕДЕЛКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Разговор пойдет об Ашине Геннадии Константиновиче, с которым наши творческие судьбы переплелись десятилетия тому назад. Он был одним из первых, кто дал высокую оценку моей докторской диссертации по элитологии и уверенно заговорил о рождении ростовской элитологической школы, которую вместе Я.А. Пляйсом определял как школу научную. И тому определению были веские основания.

Со временем наше доброе знакомство переросло в прочное научное сотрудничество, творческое и интеллектуальное взаимодействие.

Об этом и пойдет речь дальше, но сначала представим читателю визитную карточку крупного российского ученого гуманитария Г.К. Ашина.

Геннадий Константинович Ашин – профессор кафедры философии МГИМО, советский и российский политолог, Действительный член Академии военных наук, Академии политической науки. Один из основоположников российской научной школы элитологии. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Владеет английским и немецким языками. Научные интересы связаны с исследованиями в области философии, политологии и социологии.

Мы познакомились четверть века тому назад, накануне защиты моей докторской диссертации (19 декабря 1995 год.). Это была первая докторская диссертация в СССР по политико-административным элитам. Познакомил нас мой наставник, заместитель заведующего кафедрой политологии и политического управления РАГС Виктор Андреевич Кулиниченко. С первого момента знакомства Г.К. Ашин произ-

вёл на меня впечатление глубоко обстоятельного, думающего человека. Он охотно рассказывал, как работал с первоисточниками в библиотеке Конгресса США и Колумбийского университета, подарил мне свою книгу о политической элите, изданную в США в 1989 г..

Охотно поддерживал наши ежегодные элитологические исследования, издание монографий и пособий, стал настоящим вдохновителем Ростовской научной элитологической школы, наряду со Старостинскими А.М., Кислицыным С.А. и Игнатовым В.Г.

Он поддерживал проведение элитологических конгрессов на базе Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС.

Вместе с ним были у него дома в Москве, где были его жена дочь. Там я почувствовал то, о чем поется в песне – «главней всего – погода в доме».

Мне посчастливилось общаться с ним, истинным представителем российской научной элиты.

Свою оценку места и роли элитологии в системе политической науки Г.К. Ашин предельно кратко, но столь же предельно емко и значимо изложил в ежегоднике «Элитологических исследований», 2005 г.: «Российским ученым-гуманитариям старшего поколения, которые посвятили свое научно творчество политологии и являются свидетелями официального признания и институционализации этой науки в нашей стране с конца 80-х годов XX века, в высшей степени приятно осознавать, что у нас стали зарождаться научные политологические школы. Без таких школ не может эффективно развиваться ни одна наука в мире, ни одна наука не может достичь высокой степени зрелости, не может создать свой теоретический фундамент и. в конечном счете, не может добиться признания и уважения научного мира и широкой общественности. В общем, значение научных школ трудно переоценить. И для самой науки, и для практики. Что касается новых традиций в области элитологических исследований- то термин «элитология» российская новация. Он введен в научный оборот в 1985 г. и получил широкое распространение в российских общественных науках, начиная со второй половины 1990-х годов, когда был опубликован ряд работ по этой проблематике. Судя по количеству работ и примененным методам к настоящему времени сложилась российская школа элитологии.

Зарубежные коллеги не спешат (пока?) признавать необходимость и законность этого термина и предпочитают термин «political science» политологии и «culturalstudies» культурологии. Но разве курсы «Политические элиты», «Социология элиты», «Теории элиты», читаемые в западных университетах, исчерпывают всю элитологиче-

скую проблематику? Их можно скорее рассматривать как отдельные разделы элитологии, которые описывают те или иные аспекты феномена элиты как целостного, системного объекта. При подобном фрагментарном подходе нельзя охватить предмет исследования - элиту как определенную целостность, как некоторую систему, раскрыть законы функционирования и развития этого феномена, отношения внутри элиты и общества в целом. Именно на таком целостном, системном подходе к феномену элиты и элит настаивает элитология, в частности, российская школа элитологии. Что касается самого термина «элитология» — его значение нельзя преувеличивать, он, как и всякое научное понятие, - всего лишь узловое звено определенной концепции.

Пора заявить о формировании российской школы элитологии. Эта школа сложилась в последние полтора десятилетия. И это вполне объяснимо. Известно, что в советское время элитологическая проблематика была табуирована. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим соображениям. В соответствии с официальной советской идеологией элита-атрибут антагонистического общества, и ее не может быть в социалистическом обществе. Историческая элитологическая проблематика входила в советскую науку с «черного хода» - через разрешенный жанр «критики буржуазной социологии» (разумеется, сам термин «буржуазная социология» - такая же бессмыслица, как и «буржуазная физика» или «буржуазная биология»).

Российская элитология сформировалась в годы демократического транзита России. Когда цензурные препоны были сняты, элитологические исследования в России стали осуществляться широким фронтом. Перефразируя слова непопулярного ныне классика, Россия «выстрадала» элитологию. Уж слишком натерпелась она от правления некачественной, авторитарной (а тем более тоталитарной), части коррумпированной политической элиты. А это вылилось в острую потребность в научной дисциплине, которая сформулировала бы оптимальные подходы к повышению качества элиты, принципам ее рекрутирования, демократического контроля над элитой, элитного образования.

Ныне Россия - уже не периферия мировой элитологии, какой она была в советское время, школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только в исследовании российских элит (еще пару десятилетий назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов), она лидирует, по крайней мере, в трех важных областях элитологии - в общей теории элитологии, истории элитологии (только в России

опубликованы не просто труды по теориям элит в той или иной стране, в том или ином регионе, в тот и иной исторический период, а сквозные труды по истории элитологии от Конфуция и Платона до элитологов XXI века.) Последние годы Россия лидирует и в области исследований региональных элит, и именно в этой области ростовчане внесли наибольший вклад в общероссийскую элитологию. Наконец, можно оценить вклад ростовчан в общероссийскую элитологическую копилку по количеству защищённых диссертаций по элитологической проблематике. Пожалуй, нигде в России не защищается столько диссертаций по элитологии. Мне могут возразить, что в Москве их защищено больше. Но тут придется сделать существенное уточнение. В Москве действительно защищено наибольшее количество диссертаций по элитологии, но значительная часть этих диссертаций защищена не москвичами. С учетом этого мы можем с уверенностью сказать, что ростовская школа элитологии - одна из крупнейших в России, а в элитологической регионалистике является ведущей школой.

В моей памяти сохраняется глубочайшая признательность Геннадию Константиновичу за его ёмкие предисловия к моим авторским работам «Политико-административные элиты» и «Политология и ее элитологическая измерения».

Одним из наиболее важных направлений в социально-политических науках уже в течение почти века, пишет Г.К. Ашин, является элитология. Это связано, в первую очередь, с той огромной ролью, которую элита играет в любом обществе. Именно из-за этой роли многие политологи склонны говорить об элитократии как антитезе демократии (Понеделков, 2005).

Хотя исследования в области элитологии в нашей стране начались еще в советское время, полноценное и полномасштабное изучение этого социально-политического феномена развернулось только в постсоветскую эпоху. Российскими элитологами сделано уже достаточно много. В частности, появилось немало самых различных публикаций по этой проблематике, защищены кандидатские и докторские диссертации, выросла молодая плеяда отечественных профессиональных элитологов. Однако до сих пор в нашей элитологии не хватало важного звена — научных школ, без них не может быть полноценной теории и науки. Можно с удовлетворением констатировать, что время таких школ наступило. Фактически первой ласточкой среди них стала школа элитологов в Северо-Кавказской академии государственной службы в Ростове-на-Дону, созданная и возглавляемая проректором по науке и работе с регионами этой академии, заслуженным деятелем науки РФ, доктором политических наук, профессором Понеделковым

А.В. совместно с доктором политических наук, профессором Старостиным А.М. В 1995 г. А.В. Понеделков впервые в России защитил докторскую диссертацию по проблемам современной политической элитологии.

В последние годы им много сил и внимания уделяется тому, чтобы, опираясь на своих последователей и учеников, исследовать эту проблему во всех ее аспектах и как можно более основательно. К настоящему времени в г. Ростове-на-Дону защищены 3 докторских и более 20 кандидатских диссертаций по политической элитологии, выпущено более 20 монографий, сборников статей, учебников. Разработка этой научной проблемы в рамках академии государственной службы важности. Если мы не создадим новую элиту, глубоко осознающую проблемы современной России и понимающую, как их следует решать, нас ждет неприглядное будущее. Результатом многолетних исследований ростовской элитологической школы и ее основателя А.В. Понеделкова стала его новая содержательная монография. В ней, наряду с уже традиционными элитологическими сюжетами, затронуты новые темы, дело государственной касающиеся истории отечественной элитологии, элитологического и гражданского контекста элитного взаимодействия, новой элитной конфигурации, сложившейся в последние годы, элитной кадровой политики.

Новая книга профессора А.В. Понеделкова, пишет далее Г.К. Ашин, базируется на широкой эмпирической базе, полученной результате масштабных социологических проектов, что делает исследования не только убедительными и доказательными, но и инновационными, так как без этого качества подлинной науки не бывает.

В своём предисловии к монографии «Политическая наука в элитологическом измерении» (Понеделков, 2010b) Г.К. Ашин дает развернутую научную картину состояния дел в элитологическом измерении науки. Научные труды автора, говорит Ашин Г.К., данной монографии в содержательном плане носят актуальный и новаторский характер. В данной политологической работе, говорит Г.К. Ашин, системно исследуются генезис - и проблемы становления политико-административной элиты в современной России, предложены социокультурные механизмы ее воспроизводства, задаются тон и методологическая направленность целому научному направлению.

Речь при этом идет роли и месте региональной политико-административной элиты применительно ко времени и месту ее исторического действия, о программе элитологических исследований, о специфике российских политических элит, в научный оборот вводятся такие политологические понятия, как «региональная административ-

ная элита», «парадигма управленческой деятельности», «этатистская субкультура».

На базе этих исследований подготовлены рекомендации, образовательные и обучающие программы, которые вошли в концепцию, а в ряде случаев составили концептуальное ядро повышения квалификации и переподготовки кадров высшего звена южнороссийского региона.

Теоретические изыскания и результаты научной деятельности автора использованы при выработке политических механизмов деятельности региональных административных элит, совершенствовании отбора и культурно-образовательном воздействии на их состав. Чрезвычайно сложная, политически острая и актуальная проблема формирования и выработки механизма воспроизводства региональной политико-административной элиты в условиях трансформации российского общества получила, таким образом, целостное научное исследование, системно освещающее генезис, этапы развития и различные модификации элиты в истории постсоветской России. Сложился достаточно широкий круг ученых-исследователей - проф. А.М. Старостин, проф. В.Г. Игнатов, проф. С.А. Кислицын, проф. Черноус В.В., составившие, по сути, костяк ростовской научной элитологической школы, которая смогла выйти на уровень формирования элитологической парадигмы в политологии. Смысл ее заключается в том, что все наблюдаемые политические институты, процессы, конфликты, узлы напряженности рассматриваются в русле управленческих целенаправленных действий основных политических элит.

Элита, будучи интеллектом науки, а политико-административная элита стержнем организации и управления, становится - и чем дальше, тем очевиднее мощным фактором устойчивого развития российского общества.

Несмотря на то, что многочисленные материалы и исследования российского общества реально способствовали утверждению в отечественной науке элитистской парадигмы, создание многих оригинальных концептуальных направлений и основ элитистской феноменологии все еще продолжает оставаться в стадии становления и развития. В то же самое время острота вопросов все более и более обуславливается потребностями практики, особенно при разработке и осуществлении государственной кадровой политики, формировании государственной службы в центре и на местах.

На протяжении своей творческой деятельности автор не ослаблял интереса к теоретической разработке отечественной элитологии, теории и методологии, создания эмпирической базы, внося свой вклад в

научно обоснованное решение практических задач государственного управления и кадровой политики России.

Как неперенный участник и организатор конкретно-социологических исследований, экспертных опросов, контент-анализов и т.д.), автор установил связи, определил источники становления и развития современной политико-административной элиты России, главным образом, южно-российского мегарегиона.

В своей многолетней научной деятельности он неукоснительно следует раз и навсегда избранным принципам исследования. Это:

- мощная теоретико-методологическая база, опора на мировой фонд концепций элитистских парадигм;
- фундаментальные положения отечественной и зарубежной политологии;
- совокупность принципов диалектики, структурно-функционального, конкретно-исторического, цивилизационного, сравнительного анализа;
- богатая эмпирическая база, в частности, конкретно-социологические исследования, экспертные опросы, контент-анализы, статистический и биографический методы.

Все это вместе взятое позволяет, во-первых, устанавливать связи, определять источники становления и развития современной политико-административной элиты регионов.

За годы своей исследовательской деятельности автор сумел:

- проследить генезис, раскрыть этапы становления и развития, динамику изменений и модификаций региональной политико-административной элиты, описать специфику и особенности ее формирования и функционирования в условиях трансформации современного российского общества;

- осуществить методологический анализ теоретических оснований элитизма с неидеологизированных позиций;

- сформулировать методологические принципы и условия элитологических исследований, а именно, - социальной детерминации элит; цивилизационного своеобразия элитообразующего процесса, соответствия идеалам и нормам гуманитарно-научного исследования. Рассматривая цивилизационное своеобразие различных форм элитизма, обусловленное мировоззренческими матрицами различных культур, он дает классификацию базовых моделей элитизма. Им изучены предпосылки элитологической парадигмы в российской общественной мысли; разработаны концепции развития российской политической элиты; выявлены и описаны основные исторические формы россий-

ских политико-административных элит (сословной, разночинной, номенклатурно-бюрократической).

Этот ряд определяют: типы политического и государственного управления и парадигмы управленческой деятельности; ценностные ориентации; социальный состав и профессиональные характеристики; культурно-мировоззренческие матрицы. Автор монографии раскрыл преемственность и взаимовлияние современной политико-административной региональной элиты с номенклатурными канонами прошлого, равно как и ценностями политического управления в кадровых, стилевых, профессиональных компонентах. Как стержневой момент в деятельности региональной политико-административной элиты он выделяет этатистскую субкультуру.

Большое место в научном творчестве автора занимает исследование роли образовательно-профессионального фактора в воспроизводстве региональной политико-административной элиты, что дало возможность предложить оптимальную модель ее культурно-образовательного генерирования.

Как ученый, нацеленный на практический результат и практическое приложение своих умозрительно-мировоззренческих концептов и дискурсов, автор дал научно обоснованные предложения, касающиеся системы политического управления, кадровой политики, образовательной подготовки высшего персонала государственных служащих в условиях российской государственности в конце двадцатого и начале двадцать первого века.

Рекомендации ученого широко используются в системе регионального социологического мониторинга деятельности политико-административной элиты, при аттестации новых кадров высшего персонала ряда областных, краевых и республиканских администраций.

Само собой разумеется, что разработки ученого, касающиеся истории западной и отечественной элитологии, этнологических, социокультурных, ценностных, деятельностных характеристик отечественной политико-административной элиты легли в основу базовых и специальных курсов академии государственной службы.

Модель социокультурного механизма воспроизводства региональной политико-административной элиты в течение последнего десятилетия реализуется в работе спецфакультета переподготовки кадров.

Заключает свое предисловие Геннадий Константинович признательными словами о том, что научную позицию автора, его взгляды и концепции разделяет его постоянные соавторы профессора А.М. Ста-

ростин, В.Г. Игнатов, Л.Г. Швец, доценты В.Д. Лысенко, В.В. Рудой и другие.

Некоторые из них уже оставили этот мир. Но факт остается фактом, что значительные фрагменты данной монографии ими написаны совместно, что дает веские основания говорить авторском содружестве и сотворчестве в рамках ростовской элитологической школы.

ДУКА АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ

Вспоминая Г.К. Ашина в год его девяностолетия, мы задумываемся о том, что сохранилось от его текстов, поступков, научной жизни в настоящем. Прошло 56 лет со времени публикации брошюры о теориях элит и 54 года со времени публикации уже более серьезной книги. Как самокритично отозвался сам Геннадий Константинович о своих первых штудиях – «мои две жалкие книжки». Сравнивал он их с исследованиями западных коллег, будучи в Вашингтоне и изучая каталог Библиотеки Конгресса. Действительно, оказавшись в этом книгохранилище, почти каждый отечественный ученый может почувствовать себя только начинающим учеником. А уж обществовед из Советского Союза должен, наверное, быть просто шокированным. Он критиковал то, о чем имел довольно слабые представления.

Тем не менее, эти книжки для нашей научной и более широкой читающей публики были важны. Вместе с работами других «критиков буржуазной идеологии и антикоммунизма» эти тексты открывали другой взгляд на социум, социальную жизнь, научные исследования и анализ. В это же время в нашей науке появляются работы, вводящие в оборот «буржуазные» научные понятия и термины – «политическая культура», «политическая социализация», «политическая система», «политические коммуникации» и др. Первоначально эти словосочетания были обязательно заковычены, а их содержание усиленно критиковалось и «разоблачалось». Это был специфический путь включения достижений мировой науки в наш отечественный исследовательский и аналитический дискурс. Конечно, абсорбция была не полной, концепции и концепты несколько изменялись. Но появлялся общий для западных и советских ученых научный язык.

Близкой к элитам темой было политическое лидерство. И здесь Геннадий Константинович был тоже пионером. Конечно, не обошлось без квалификации теорий элит и лидерства как «человеконенавистнических» и «реакционных». Но, как отмечал сам автор, «я критиковал, вынужден был критиковать людей, которыми я восхищался». Такое раздвоение приводит к ролевому лицемерию. Однако есть важная

вещь, о которой сам Геннадий Константинович с сожалением говорил: «Мне стало стыдно выглядеть перед мировой общественностью таким консервативным монстром». Это очень важное признание. И это не поза. У законченного лицемера и циника (которых немало было и есть в наших дисциплинах, связанных с идеологией и проблемой власти) совесть и стыд не влияют на самооценку, а тем более на профессиональную деятельность. Когда я разговаривал с Геннадием Константиновичем на эти темы, чувствовалось это сожаление, горечь. И здесь существенно, что даже в советские годы, после американской командировки его тексты об элитах стали амбивалентными – появилось и позитивное отношение к теории. Тем более, что в западной социологии был ученый, которым Г.К. Ашин восхищался – Роберт Мертон. Надо заметить, что функционализм Мертона неплохо уживался с советским марксизмом (также как и теоретические схемы Парсонса). Поэтому анализ массовой культуры, которую Ашин начал изучать у нас в стране одним из первых, вполне органично включал элементы структурного функционализма.

Здесь может возникнуть вопрос: а научны ли тексты Г.К. Ашина, изданные при советской власти? И да, и нет. В той степени, в какой они выполняли функцию идеологической пропаганды, конечно, нет. Но в той степени, в какой в них рассматривались научные подходы, их основания, разбирались теоретические слабости и их релевантность социально-политической реальности, безусловно, да.

В творчестве Г.К. Ашина был и постсоветский период. Это можно было бы назвать позитивным в отличие от критического. Собственно, с этого времени начинается российская элитология. Конечно, первые отечественные опыты теоретизирования на элитные сюжеты (к ним можно отнести «Систему социологии» Питирима Сорокина), навеянные В.Парето, не следует забывать. Но они были слишком короткими, фрагментарными и не имели научных последствий. К тому же, Питирим Александрович в своих ранних трудах был явно транслятором итальянского социолога, и не больше. А постсоветское время связано с открытием новых имен и поиском новых путей. Роль Г.К. Ашина здесь очень большая. Были и другие ученые. Но фигура Геннадия Константиновича была тогда вне всяких сомнений главенствующей.

В изучении элит и литературы об элитах присутствует два сюжета и два отношения: к текстам, которые читаешь (включая, конечно, их теоретическую основу) и к реальности, которую они отражают. Часто исследователи влюбляются не только в свой предмет, но и объект. Кстати, не только в нашем Отечестве встречаются такие ученые,

нарушается столь необходимая критическая дистанция. Здесь надо заметить, что Геннадий Константинович к элитам относился весьма критически. Даже очень. В частной беседе он позволял достаточно резкие суждения, маловозможные в печати. Это касалось и западной элиты, и нашей. Общаясь со многими представителями элиты, а он сам был выходцем из номенклатурной семьи, Геннадий Константинович не вынес добрых чувств к сильным мира сего. Кроме того, в МГИМО, где он преподавал, обучалось и обучается много молодежи из высокостатусных семей. Г.К. Ашин давал им заслуженные ими характеристики, но не публично. Вместе с тем, его научные тексты и учебники были всегда выдержаны и корректны. В этом отношении свобода от ценностных суждений ему была присуща в его ролевой ученой деятельности, да и в преподавании тоже.

Большой заслугой Г.К. Ашина является систематизация элитологии. Во-первых, введение понятия элитологии как специфической области знания, включающей соответствующие разделы философии, политологии, социологии и других дисциплин. Причем, он, «застолбив» за собой роль первопроходца, ценил вклад и других исследователей. В частности, он ссылается на классификацию элитологических дисциплин П.Л. Карабущенко как достойную внимания. Кстати, это касается многих ученых, которых он читал и цитировал, поддерживал, которым помогал в научной деятельности. Смысл введения понятия «элитологии» несколько больший, чем просто «зонтик» для многих маргинальных в своей отрасли исследований. Геннадий Константинович видел в элитологии определенную метадисциплину, имеющую свой набор исследовательских принципов и собственную гносеологическую и аксиологическую структуру.

Во-вторых, учебники по элитологии, которые Г.К. Ашин написал лично и в соавторстве, служат важным ориентиром в изучении этой области знания и в исследовании проблем элит. Можно увидеть, что ашинская логика, его понятийный аппарат повторяются у многих авторов учебных программ, пособий. Часто это бывает не от лени (зачем еще что-то выдумывать, когда уже есть общепризнанный текст), а от сильной внутренней логики, содержательности, понятности и релевантности. Учебники часто дают представление не только о предмете, но и об авторе. Ашинские учебники демонстрируют глубокие и широкие познания Геннадия Константиновича не только по вопросам элитоведения, но и по смежным проблемам. В этом смысле они служат важным примером рассмотрения элит в широком контексте.

На фотографии (слева на право): Г.К. Ашин и Дж. Хигли. IV Всероссийский конгресс политологов (20—22 октября 2006 г., МГИМО(У))

В-третьих, Г.К. Ашин стремился к необходимому различению понятий и терминов, столь важному для науки, но не всегда наблюдаемому в нашем ученом сообществе. Дефиниции квалифицируют, определяют мир и делают его не только более понятным, но конструируют приемлемый его вид. И здесь Геннадий Константинович прилагал усилия. В частности, он разъяснял специфику элитного и элитарного образования (эти сюжеты занимали его в последний период его творчества). Вопрос, вроде, простой, однако часто не рефлексированный. И многое другое.

Может быть, покажется несколько странным и неожиданным, что в ряду научных заслуг Геннадия Константиновича, я отметил бы его патриотизм. Он часто говорил и писал об успехах и высоком уровне отечественной элитологии, которая даже в некоторых вопросах превосходит западную. На мой взгляд, здесь присутствуют очевидные преувеличения. Вместе с тем, у нас в стране часто недооценивают сделанное соотечественниками. Присутствует определенная внутренняя интеллигентская «русофобия», замеченная и описанная уже давно в художественной литературе и публицистике. В этом отношении об-

ращение внимания на российский исследовательский опыт в этой области, иногда нетривиальные подходы, новые ракурсы анализа необходимы. Тем более, что простое калькирование зарубежных подходов без учета контекста часто оборачивается несуразностью, хотя и приносящей гранты и «понимание» зарубежных коллег.

На фотографии (слева на право): Дука Александр Владимирович, Лапина Наталья Юрьевна (ИНИОН РАН), Чирикова Алла Евгеньевна (Институт социологии РАН ФНИСЦ РАН), Г.К. Ашин, Мохов Виктор Павлович (Пермский национальный исследовательский политехнический университет). Участники IV Всероссийского конгресса политологов (20—22 октября 2006 г., МГИМО(У))

Я уже упомянул маргинальность проблематики элит в нашем обществоведении. Вроде бы парадоксально: у нас в стране проводятся элитологические конгрессы (было целых три в Ростове-на-Дону), конференции, на которых присутствуют десятки «специалистов», делаются многочисленные доклады. Но это часто происходит *ad hoc*: заявлено мероприятие, а почему бы не поехать и не выступить. А слово «элита» может подойти ко многим сюжетам. Получается, как в рус-

ской классической пьесе: элита – слово прилагательное: прилагается ко многому. Содержательно, собственно, про элиты, придерживаясь определенной теории элит или методологии элитологии в духе Г.К. Ашина, ученые пишут немного. Показательно незначительное число докладов на конференциях не «специальных». Так, например, на последней VI конференции РАПН 2020 г. из более, чем 500 докладов только 10 докладов в своем названии содержали слово «элита», и еще столько же, которые можно отнести к проблематике элит. Такая же ситуация на российских социологических конгрессах. Это показывает действительное распределение интересов и внутреннюю профессионализацию сообщества исследователей. Есть более модные, трендовые, «актуальные», востребованные темы. И здесь научный пример Геннадия Константиновича важен. Надо делать науку, несмотря на научную и иную конъюнктуру, и делать так, чтобы не было потом стыдно.

МОХОВ ВИКТОР ПАВЛОВИЧ

Мне не часто доводилось общаться с Геннадием Константиновичем. Но те редкие случаи общения, которые были, глубоко поразили меня его умением просто и аргументировано обосновать свою мысль, умением системно рассматривать становление и развитие элиты. Меня всегда поражала живость и ясность ума Геннадия Константиновича, его великолепная память и его неподдельный интерес ко всему новому в элитологии, к отдельным ученым, которые вели научные исследования в этой сфере научного знания.

По большому счету, многие произведения Г.К. Ашина стали "классическими" еще при его жизни, поскольку ни один уважающий себя элитолог не мог написать работу по теоретическим проблемам элитологии, не сославшись на какую-либо из его книг или статей. Г.К. Ашин в своих статьях и книгах заложил основы понимания важнейших проблем элитологии. Его блестящее знание западной элитологической литературы помогло советским, а затем и российским ученым погрузиться в мир элит с добротным теоретическим багажом. Он внимательно наблюдал за развитием элитологии в стране, умело выделяя наиболее существенные тенденции в элитологических исследованиях.

Книги Геннадия Константиновича с дарственными надписями в моей библиотеке – самая дорогая память об этом замечательном ученом, который всю жизнь посвятил изучению столь важной для нашего научного сообщества проблематики.

Г.К. Ашин сыграл значимую роль в развитии современной российской политологии и социологии, а особенно, в появлении и формировании российской элитологии. Собственно говоря, сам термин закрепился в науке благодаря научным публикациям именно Г.К. Ашина.

Если попытаться оценить вклад Г.К. Ашина в науку, я бы выделил несколько сюжетов, в развитии которых приоритет или ведущая роль Г.К. Ашина была несомненной.

Во-первых, это введение понятия «элита» в советский, а затем и российский научный дискурс. Его работы были первыми в Советском Союзе, в которых он рассказал о существовании научного понятия «элита», хотя и через призму его критики как буржуазного понятия. Однако для думающего человека его книги были фактическим посвящением в проблему. В них можно было найти все ключевые понятия, связанные с проблематикой элит, аргументацию наиболее авторитетных западных коллег по тем или иным аспектам методологии элит, содержание основных элитистских дискуссий, в конце концов – ссылки на наиболее значимые работы. Как признавался позднее Г.К. Ашин, он выполнял просветительскую функцию, вводя в свои работы большими цитатами тексты именитых западных авторов.

Во-вторых, в 1970-е годы ряд советских исследователей, к числу которых относился и Г.К. Ашин, предприняли попытку легализации теории элит и самого понятия «элита» в советском общественном сознании, а фактически, в совмещении элитизма и марксизма. Они обосновали возможность использования понятия «элита» советскими учеными при анализе буржуазного общества, а тем самым допустили использование понятия «элита», как говорится, «без кавычек» в политологических и исторических исследованиях, посвященных западному обществу. Это происходило в условиях жесткой идеологической цензуры, что могло грозить большими неприятностями. Тем не менее, был сделан шаг в концептуальном обновлении политической и социальной доктрины советского «марксизма».

В-третьих, Г.К. Ашин внес существенный вклад в обоснование теории элитизма для молодой российской науки, что создало предпосылки для бурного развития данной отрасли научного знания в постсоветский период. В частности, ему принадлежит основная заслуга в конституировании элитологии как науки и ее методологическом обосновании.

В-четвертых, Г.К. Ашин уделил значительное внимание дальнейшему теоретическому изучению ключевых понятий элитологии, таких как «циркуляция элит», «рекрутирование элит», «элитизм», «элитоло-

гия» и др. Он обосновал различное толкование понятий «элитизм» и «элитаризм», внес очень значимый вклад в изучение истории элитологии и элитистских концепций.

В-пятых, Г.К. Ашин основательно занимался изучением отдельных сюжетов элитологии, которые, с его точки зрения, имели стратегическое значение для развития российской государственности, в целом всего общества. Речь в данном случае идет о сюжетах, связанных с элитологией образования, массовой и элитарной культуры. Именно в образовании он видел основу развития российского общества и его потенциала.

В-шестых, Г.К. Ашин стал одним из лучших популяризаторов теорий элит, он постоянно издавал книги, в которых изложение основ элитологии сочеталось с глубокими размышлениями об элитах, о том, что необходимо сделать в России для формирования правящего слоя, способного обеспечить развитие российского общества.

В-седьмых, работы Г.К. Ашина обладали огромным практическим потенциалом. Хорошо зная западные реалии, Г.К. Ашин мог сравнить развитие российских и западных элит. Он с полным основанием оценивал, с точки зрения Большой теории, качество российских элит, давая им нелицеприятную оценку как квази-элит, не обладающих всеми необходимыми и достаточными признаками элит.

Вклад Г.К. Ашина в отечественную науку значителен, не все его идеи освоены научным сообществом. Потребуется определенное время для того, чтобы можно было полноценно осмыслить вклад Г.К. Ашина в развитие элитологии.

ВАРТУМЯН АРУШАН АРУШАНОВИЧ

В области гуманитарных наук редко происходят открытия, раскрывающие пласт нового малоизученного, но имеющего отношение и к теории, и к практике. Речь идет об элитологии, основателем которой является выдающийся советский и российский политолог Геннадий Константинович Ашин.

Родился Г.К. Ашин, в далекие 1930-е годы в г. Нижний Новгород, затем семья переехала на Украину в г. Днепропетровск, где Геннадий окончил с золотой медалью школу. Молодой, умный, амбициозный парень из Украины для продолжения учебы уехал в Москву в МГИМО. В 1949 году становится студентом факультета международных отношений. В год смерти И.В. Сталина Г.К. Ашин закончил МГИМО и с легкостью поступил в аспирантуру Института философии РАН. Становление юного философа происходило на фоне развенчания

«культ личности». Собственно, взгляды оформились в период хрущевской оттепели. Об этой эпохе Геннадий Константинович говорил: «Я считаю, что марксистами остались те, кто просто не перестроился». Независимость суждений, некий шарм «диссидентства» уже в 1960-е и 1970-е годы стали уникальной чертой творческих суждений Г.К. Ашина «Я говорил еще в середине 1980-х годов и на кафедре, и в аудитории, что я не марксист. Но я не антимарксист. Не марксист, потому что я не попугай. Почему я должен повторять официальные пропагандистские клише».

Вот такие мысли высказывал Г.К. Ашин в далекие восьмидесятые. Классическое академическое философское образование позволило ученому широко и энциклопедично подойти к эволюции политологической суммы знаний в Советском Союзе, используя советскую обществоведческую теорию о «партийноменклатуре», Ашин продолжил изучение элитного сообщества в стране и достроил необходимые «кубики» до логического завершения.

Г.К. Ашин является основоположником и классиком элитологии как комплексной научной дисциплины, сделавший своим предметом изучения поведение, социальное развитие, образ жизни, ценностные ориентации и другие социальные характеристики элиты. Г.К. Ашиным сам термин «элитология» был введен в научный оборот в 80-х годах XX века и очень неоднозначно воспринимался в политологических научных кругах Запада и российскими обществоведами. Сам автор термина с сожалением констатировал факт того, что «отсутствует необходимость и законность этого термина или его эквивалента, который пока (Западом) не предложен». Обладая базовым философским образованием и энциклопедической суммой знаний по вопросам элиты, Г.К. Ашин предлагает системный подход к феномену элиты. В его концепции элитология предстает как комплексное междисциплинарное, лежащее на стыке социальной философии, политологии, социологии, всеобщей истории, социальной психологии, культурологии. Элитология включает в себя философскую элитологию, социологию элиты, политическую элитологию, историческую элитологию, историю элитологии, сравнительную элитологию, элитопедагогику и др.

Г.К. Ашин одним из первых среди российских политологов дифференцировал экономическую и интеллектуальную, военную и бюрократическую элиту, выделяя в особую категорию – политическую элиту. Предметом политической элитологии, как определяет его Г.К. Ашин «является исследование процесса социально-политического управления и, прежде всего, высшей страты политических акторов,

выявление и описание того социального строя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом».

Сам Ашин Г.К. неоднократно отстаивал «российскость» термина элитология, отстаивал интересы сложившейся российской школы элитологии от Н.А. Бердяева, М.Я. Острогорского, И.А. Ильина и П.А. Сорокина до М.Н. Афанасьева, О.В. Гоман-Голутвиной, О.В. Крыштановской, П.Л. Карабущенко, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, В.П. Мохова, А.В. Дука и др.

Организационно Г.К. Ашин принял активное участие в выпусках впервые в мире элитологических журналов «Элитологические исследования», «Российская элита», «Элитное образование». В 2020 г. в г. Астрахань группой последователей Г.К. Ашина начал издаваться научный электронный журнал «Вопросы элитологии»... (www.elitology-journal.com)

Г.К. Ашин отстаивал главные качества, подмеченные у элиты – ее моральные качества, готовность ставить интересы общества выше личных, групповых интересов. Призвание элиты, по мнению ученого – служение народу в самом высоком смысле этого слова.

Мои встречи с Г.К. Ашиным происходили в Москве во время обучения в докторантуре. Занимаясь исследованием региональных политических процессов в исследовательской практике, вышел на изучение региональных политических элит и остановился в «методологическом тупике». Не хватало теоретических исследований, отсутствовала методология изучения «теневых» элит. Геннадий Константинович с огромным интересом выслушал мои соображения о трансформации элит в этнократию, о «теневых» элитах», о «псевдоэлитах», о «контрэлитах» и с присущим ему интеллектуальным изяществом оформил это в тезисы о региональных элитах постсоветского пространства. Г.К. Ашин делает вывод о том, что одной из черт элитологии в России является ее «крайняя эмпиричность». Основными трендами развития региональной политической элиты, по мнению Г.К. Ашина, являются постепенное преодоление противоестественного преобладания статистических характеристик элиты над динамическими, нарастание внутриэлитной напряженности между отдельными группами региональной политической элиты, активизация этнического фактора во внутриэлитной борьбе.

Поэтому часть общества, профессионально выполняющая функции управления обществом, не всегда подлинная элита, это может быть и квазиэлита. Значительная часть высшего чиновничества превратилась в клептократию. Гражданское мужество ученого заключалось и в его оценке качества современной российской элиты. Высту-

пая на заседании экспертного совета 26 февраля 2010 года (одно из последних публичных выступлений Г.К. Ашина) в Государственной Думе, ученый заявил: «Мы можем с грустью констатировать, что в верхних эшелонах политической власти России мы почти не находим элиты в нормативном плане, а лишь ее функциональный суррогат, который способен отстаивать свои клановые интересы, но не способен отстаивать коренные интересы российского народа, выполнять роль интегратора его интересов». Г.К. Ашин вспоминает известные слова лорда Актона: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Увы, это полностью подходит и российской «элите», для которой характерно своекорыстие, коррумпированность, барский образ жизни при нищенском существовании большей части населения».

Использование политического наследия Г.К. Ашина позволяет отечественным ученым отстаивать традиции российской школы элитологии. Необходимо собрать весь комплекс исследовательских материалов, вышедших из-под пера ученого и представить его (комплекс) в виде избранного собрания сочинений, основать тематическую рубрику «Российская элитология».

Г.К. Ашин вошел в историю элитологии как один из основателей, ученый с непререкаемым авторитетом, борцом за социальную справедливость в обществе и Учителем многих поколений отечественных политологов.

РЕЗАКОВ РАВИЛЬ ГАРИФОВИЧ

Невысокий, благообразный, с сединой и элегантно одетый человек с обаятельнейшей улыбкой – первое впечатление от Геннадия Константиновича Ашина! Только после беседы, в которой приняли участие представители разных научных дисциплин (политологии и философии, психологии и педагогики) возникло ощущение «инсайта», что есть огромное поле науки, требующее разработки и освоения. Именно встреча с этим неординарным, интеллигентным и энциклопедически образованным человеком, который не делал различия в уровне профессиональной подготовке и общался с нами как с равными, дало веру в то, что интеграция наук это не миф, а насущная реальность.

На фотографии (слева направо): Р.Г. Резаков, П.Л. Карабущенко, Г.К. Ашин, Л.Н. Бережнова. Участники научно-практического «круглого стола»: «Современные проблемы элитарного образования в России» (03.06.1998 г. Астрахань).

Мы познакомились с ним летом 1998 г., когда Геннадий Константинович приехал в Астрахань на научную конференцию «Современ-

ные проблемы элитарного образования в России». После нее мы отправились втроем (с П.Л. Карабущенко) показывать гостю город. Возбрались на крепостную стену Астраханского кремля, полюбовались Лебединым озером, прошлись по набережной Волги. И вот тут он нас всех удивил – пять часов к ряду мы бродили вдоль берега великой русской реки и обсуждали волновавшие нас темы. Просто загул! Мы уже валялись с ног. А он все говорил: «Ну, ребята, еще немного пройдемся...» Как я впоследствии выяснил, он очень любил гулять. Итогом этой прогулки стала совместная монография, которую мы выпустили в том же году *«Теоретические основы элитологии образования»*. Побольше бы таких «загулов»...

На фотографии (слева на право): Р.Г. Резаков, Л.Н. Бережнова, Г.К. Ашин, П.Л. Карабущенко. Участники научно-практического «круглого стола»: «Современные проблемы элитарного образования в России» (03.06.1998 г. Астрахань).

После этой судьбоносной встречи, были встречи в Москве - на конференциях, круглых столах, личные «посиделки» в его доме. Но и тогда и сейчас во мне непреходящий пиетет перед этим великим и добрейшей души человеком, и чувство, что ты общался с гением...

КАРАБУЩЕНКО ПАВЕЛ ЛЕОНИДОВИЧ

Мое знакомство с Геннадием Константиновичем произошло задолго до нашей физической встречи. В далеком 1990 г. писал реферат для поступления в аспирантуру и впервые увидел на одной из книг фамилию «Г.К. Ашин». Сама книга стала путеводной в мир элитологии. Ею оказалась работа «Современные теории элиты: критический очерк» (1985 г.), в которой на девятой странице я впервые встретил слово «элитология»...

Первый раз живого классика я увидел мельком на кафедре философии МПГУ в 1994 г., где он оппонировал кандидатскую диссертацию. Но познакомились мы с Геннадием Константиновичем только на Первом всероссийском философском конгрессе в 1997 г. в Санкт-Петербурге. Помню, после его открытой лекции мы долго гуляли по северной столице и говорили, говорили, говорили...

Всякий раз, когда бывал в Москве, встречался с ним и эти встречи действительно были не забываемы. Обычно в гостях супруга (обаятельная Маргарита Федоровна) всегда накрывал стол и мы пили чай или чего-нибудь покрепче... Всегда от него уходил с каким-нибудь подарком – они до сих пор с его дарственной надписью стоят у меня на книжных полках.

Удивляло его здоровье. Он вел активный образ жизни. Однажды, придя к нему в гости, застал его обвязанным каким-то шерстяным платком. Дело было зимой. Первым делом решил, что он простыл. «Да, нет... - бодро отвечал он мне. – Вчера на турникете во дворе крутил колесо ... Рука сорвалась. Вот бок немного зашиб»... Зимой бегал на лыжах, летом совершал продолжительные пешие прогулки. Про таких людей обычно говорят «живчик».

Геннадий Константинович жил возле центрального входа в Главный ботанический сад, и мы часто там гуляли. За несколько дней до моей защиты докторской, мы прогуливались в очередной раз и так увлеклись, что не заметили, как наступил вечер, а мне надо было ехать ещё на Павелецкий вокзал встречать поезд. Назад возвращаться было далеко, и он мне предложил срезать путь и перелезть через какой-то забор: «Там немного пройдешь, - объяснил он мне, - и выйдешь как раз к метро «Владыкино»». Говорил уверенно, словно всю жизнь

через него сам лазил. Я ему безусловно поверил и полез через указанную преграду... Смеркалось... Когда я уже оказался по ту сторону забора, то понял, что попал на кладбище... Но указанный «вождем» путь оказался правильным и я успел встретить то, что должен был встретить...

Из бесед с ним я вынес много полезного в понимании сущности элитологии. Геннадий Константинович фактически был моим вторым и самым главным Университетом. Он был моим Учителем. И продолжает оставаться им и по сей день. Он много рассказывал о своих встречах в Гарварде с Робертом Мертоном и Самюэлем Хантингтоном, вспоминал лекции Т. Парсонса (в Институте философии РАН) и общения с Норбертом Винером, делился своими впечатлениями об американских университетах «лиги плюща», строил новые планы исследований...

Мы были оба согласны с тем, что в элитологии еще не устоялся терминологический аппарат и что многие понятия трактуются разными специалистами по-разному. «Давайте договариваться. - предлагал он в таких случаях. – Ведь от того как мы договоримся и будет зависеть смысл и значение этих категорий».

Вспоминается как в рамках Четвертого Всероссийского конгресса политологов (20—22 октября 2006 г.) проходившего в МГИМО, мы были на открытой лекции Дж. Хигли (*John Higley*) (профессор социологии и политологии университета Остин, штат Техас, США) «Элитные основания демократии» и Геннадий Константинович обрадовался, услышал из его уст знакомое слово «elitology»: «Запад долго не признавал этого термина и вот оно случилось!...». Не признавал потому, что это было «русское изобретение». Именно об этом он потом долго беседовал с Дж. Хигли, объясняя ему, что в России уже возникла целая школа политических элитологов.

Геннадий Константинович весьма резко отзывался о современных ему политических элитах (но диссидентом он себя не считал). Он был убежден, что политическими процессами управляет номинальная элита, которая является таковой лишь по одному своему названию – это «и.о. элиты». Сам он стоял на патриотических позициях, справедливо полагая, что вся правда об элитах (какой бы горькой она не была) пойдет лишь им самим и обществу на пользу.

**На фотографии (слева на право): П.Л. Карабущенко, Г.К. Ашин, Дж. Хигли.
IV Всероссийского конгресса политологов (20—22 октября 2006 г.,
МГИМО(У))**

В последние годы его больше всего интересовали проблемы социологии элит и элитология образования. Командировки в США дали ему возможность изучать американскую систему элитарного образования и сравнивать её с российской. До последнего у него были планы работы над книгами. Но болезнь не дала ему их осуществить.

ПОДВОЙСКИЙ ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ

Честно говоря, имя Геннадия Константиновича Ашина до 1998 года мало что мне говорило. Я просто знал, что есть такой философ, который занимается вопросами исследования формирования и функционирования элиты вообще и российской, в частности. В то время я и во сне представить себе не мог, что через несколько лет доведется познакомиться с ним лично.

Но до личного знакомства сначала произошло знакомство с его работами. Так, 1998 г. мои друзья П.Л. Карабущенко и Р.Г. Резаков с радостью и гордостью подарили мне свою только что вышедшую монографию, которую они написали в соавторстве с Геннадием

Константиновичем. Речь идет о монографии «Теоретические основы элитологии образования» (М., 1998. 432 с.).

Я хорошо понимал их чувства – молодые кандидаты наук совместно с маститым ученым публикуют в Москве монографию объемом более, чем в 400 страниц! Есть чему радоваться и чем гордиться! С интересом, хотя и бегло просмотрел эту монографию и искренне порадовался за своих друзей. И даже немного, по-доброму, позавидовал им. Монография в целом меня заинтересовала потому, что оказалась первой научно-теоретической работой, посвященной вопросам элитологии образования. Написана она была хорошим языком, да и ее содержательная сторона оказалась на должном уровне.

В том же 1998 г. вышла книга самого Геннадия Константиновича «Элитология: смена и рекрутирование элит», которую П.Л. Карабущенко предложил мне посмотреть. Эту книгу я уже не только просмотрел, но и внимательно проработал. Более того, учитывая, что книга вышла очень малым тиражом (всего 200 экземпляров), я решил написать не просто краткую рецензию на нее, а реферат по ней. Он под названием «Смена и рекрутирование российской элиты» был опубликован в научно-теоретическом журнале «Элитологические исследования», № 2-3, который начал издаваться в Астрахани с июля 1998 года.

Потом я с интересом прочитал «Манифест элитологии», написанный Г.А. Ашиным в соавторстве с П.Л. Карабущенко. Читал и другие работы.

Но, как видим, мое знакомство с Геннадием Константиновичем пока еще было опосредованным: через его работы, и через рассказы о нем моих друзей, которые ко времени моего личного знакомства уже общались с ним и, понятное дело, гордились этим. Правда, гордились скромно, с достоинством, не бахвалясь! Для меня такая счастливая (без преувеличения!) возможность знакомства оказалась реальной в сентябре 2002 года в Ростове-на-Дону во время участия в работе Третьего Российского философского конгресса «Рационализм и культура на пороге III тысячелетия».

Дело было так. В одном из перерывов П.Л. Карабущенко нашел меня (мы заседали в разных секциях) и со словами: «Пошли быстрее, я тебя сейчас с Ашиным познакомлю» подвел меня к невысокому, скромно стоящему человеку, вокруг которого мельтешили туда-сюда более молодые и более энергичные участники конгресса. Взглянув на него со стороны, я отметил, что поведение Геннадия Константиновича вполне соответствует мудрости: «Где река глубже всего, там она ведет себя тише всего».

В самом деле, зачем ему кого-то искать, мельтешить... Он своими книгами, статьями, учебниками, своим вкладом в разработку проблем элитологии вполне уже заслужил того, что это его ищут, к нему подходят – кто выразить свое почтение, а кто познакомиться, приобщиться к личности крупного ученого и возвыситься самому в своих глазах. Чтобы потом с гордостью говорить: «А я был лично знаком с самим Ашиным!». Так и есть чем гордиться – ведь Геннадий Константинович был одним из основоположников отечественной элитологической науки, а по большому счету – даже «не одним из...», а основоположником!

Вот и я, после представления меня ему, с почтением и некоторой осторожностью пожал его маленькую суховатую руку и что-то пролепетал типа: «Очень рад познакомиться, очень приятно...». Отметил его приветливую доброжелательную улыбку, искреннюю, не наигранную. Не уверен, что он читал мой реферат по его книге (скорее всего, не читал, конечно!).

Но когда П.Л. Карабущенко сказал ему, что этот молодой человек, показав не меня, написал реферат по Вашей книге «Элитология: смена и рекрутирование элит», то Геннадий Константинович взглянул на меня уже с некоторым интересом. Не буду поддаваться соблазну и сочинять, что «и после этого мы с интересом стали обсуждать и его книгу, и мой реферат, и вообще все проблемы элитологии». Ничего этого не было. К сожалению. Перерыв быстро закончился, и надо было идти заседать далее...

Но эта короткая встреча, знакомство и мимолетное общение с крупным ученым, философом, элитологом помнится мне до сих пор. Он был душой компании. Везде, где он появлялся, все радостно его приветствовали. Это был поистине солнечный человек.

P.S. 26 февраля 2010 г. Геннадий Константинович Ашин выступил в Совете Федерации РФ на экспертном Совете Комитета по международным делам. Он подчеркнул, что *подлинная элита - это люди чести и совести, для которых главный приоритет - служение народу, это люди высокой культуры.*

Это же самое можно сказать и о нем – был человеком чести и совести!

Список литературы

- Карабущенко, П. Л. (2010). Развитие элитологии в России: Становление научной мысли от истоков и до наших дней. К 80-летию профессора Г.К. Ашина. Каспийский Регион: Политика, Экономика, Культура, (4), 98–105.

- «Очень не люблю я элиту...» Интервью с Геннадием Константиновичем Ашиным. (2008). Журнал Социологии И Социальной Антропологии, 11(1), 11–30.
- Понеделков, А. В. (2005). Политико-административные элиты России в середине 90-х гг. XX в. И 10 лет спустя (теоретический и прикладной аспекты анализа). Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС.
- Понеделков, А. В. (2010a). К 80-летию Г.К. Ашина. Каспийский Регион: Политика, Экономика, Культура, (4), 88–91.
- Понеделков, А. В. (2010b). Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов-на-Дону: Издательство СКАГС.

References

- "I don't like the elite very much..." Interview with Gennady Konstantinovich Ashin. (2008). *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 11(1), 11–30. (In Russian).
- Karabushchenko, P. L. (2010). Development of Elitology in Russia: Formation of Scientific Thought from Origins to the Present Day. To the 80th Anniversary of Professor G.K. Ashin. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (4), 98–105. (In Russian).
- Ponedelkov, A. V. (2005). *Political-administrative elites of Russia in the mid-90s of the 20th century and 10 years later (theoretical and applied aspects of analysis)*. Rostov-on-Don: SKAGS Publishing House. (In Russian).
- Ponedelkov, A. V. (2010a). On the 80th anniversary of G.K. Ashin. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, (4), 88–91. (In Russian).
- Ponedelkov, A. V. (2010b). *Political Science in the Elitological Dimension*. Rostov-on-Don: SKAGS Publishing House. (In Russian).

Архив элитологических работ
Archives of Elite Studies

THE ROLE AND IMPORTANCE OF THE RUSSIAN ELITE IN STRENGTHENING THE COUNTRY

Gennady K. Ashin (a)

(a) Moscow State Institute of International Relations. Moscow, Russia. Email: nomail[at]nomail.com

Abstract

In memory of our colleague and teacher, we publish in our journal one of his last public speeches, which took place on February 26, 2010 in the Federation Council of the Russian Federation at the expert council of the Committee on International Affairs. This speech became, in fact, his testament in which he summed up the total of his many years of scientific activity. It still sounds relevant today, since the problems raised in it have not lost their significance. In his report, Gennady Konstantinovich said unreservedly everything he thinks about the elite. And this adherence to principles should serve as examples for elite researchers of all times and all peoples...

Keywords

elite; elitology; elitologists; methodology; professional quality; imaginary and genuine elite

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ В УКРЕПЛЕНИИ СТРАНЫ¹

Ашин Геннадий Константинович (а)

(а) Московский государственный институт международных отношений. Москва, Россия.
Email: nomail[at]nomail.com

Аннотация

В память нашего коллеги и учителя, помещаем в нашем журнале одно из последних его публичных выступлений, которое состоялось 26 февраля 2010 г. в Совете Федерации РФ на экспертном Совете Комитета по международным делам. Данное выступление стало фактически его завещанием, в котором он подвел итог своей многолетней научной деятельности. Оно и сегодня звучит актуально, поскольку затронутые в нем проблемы не утратили своего значения. В своем докладе Геннадий Константинович весьма откровенно сказал все, что он думает по поводу элиты. И эта его принципиальность должна служить примером элитологам всех времен и всех народов...

Ключевые слова

элита; элитология; элитологи; методология; профессиональное качество; мнимая и подлинная элита

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

¹ Ашин Г. К. (2010). Роль и значение российской элиты в укреплении страны. В Н. В. Ильина, (ред.), *Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение. Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам* (с. 11-22). Москва: «Издание Совета Федерации».

Думается, что экспертный совет правильно поступил, включив эту тему в план работы нашего Совета, тем более что частью ее является вопрос о формировании внешнеполитической элиты России.

Большинство современных социологов и политологов отмечает возрастание роли элит в жизненно-важных сферах социальной жизни - в политике, экономике, культуре. Собственно, это вряд ли является новостью для нас. Та харизма, которая обычно сопровождала элиту (во всяком случае, в моменты ее возникновения и подъема), ныне многократно усилилась современными масс-медиа как средством манипулирования сознанием масс.

Но поставим вопрос: очевидное возрастание роли элит - это благо для общества или, напротив, рост социальной несправедливости? Возрастание роли элит в социальном и политическом процессе чаще всего происходит за счет уменьшения роли народных масс в современном обществе. Ведь именно политические элиты принимают решения, которые порой коренным образом влияют на жизнь и судьбы широких народных масс, на население целых стран, регионов мира, порой на сотни миллионов людей.

А как добиться того, чтобы элиты выражали интересы народных масс, а не привилегированных меньшинств. Или поставим вопрос еще острее: как миллионам людей обезопасить себя от эгоистических действий правящих групп. С одной стороны, стратификация общества, в том числе выделение лидеров и элиты необходимы для упорядочения общественной жизни, ее регулирования, для уменьшения энтропии в социуме. Однако общество (точнее, его большую часть) подстерегает опасность превратиться в объект манипулирования элит, утратить свою субъектность. А для решения этой проблемы требуется создание гражданского общества, которое бы постоянно контролировало деятельность элит, чтобы в соответствии с конституционными нормами демократических государств народ стал подлинным субъектом социально-политического процесса.

Слишком часто элитой считаются люди, отнюдь не заслуживающими этого названия. Подлинная элита – это люди чести и совести, для которых главный приоритет – служение народу, это люди высокой культуры, способные разработать программу движения страны к процветанию. К сожалению, такой элиты Россия не имела ни до революции (были лишь отдельные периоды, когда в правящих кругах находились люди талантливые и бескорыстные, причем они были скорее исключением, чем правилом), ни после нее. Правление Путина-Медведева не смогло пресечь разгул коррумпированной «элиты», и должным образом стимулировать развитие гражданского общества.

Для решения вопроса о радикальном улучшении качества элиты обратимся к научной дисциплине, которую по праву можно назвать наукой XX и XXI веков – элитологией.

Элитология – сравнительно новая социально-политическая дисциплина, хотя корни ее уходят в седую древность. Это наука об элитах и элитном, о высшем слое в системе социально-политической стратификации. Особая роль элиты обусловливается важностью управленческой деятельности. Судьбы миллионов людей напрямую зависят от решений, которые принимает это правящее меньшинство. Справедливо ли такое положение, является ли оно всеобщим законом общественного развития или это – историческое явление, возникающее на определенном этапе исторического процесса и, следовательно, преходящее, как формируются элиты, как они приходят к власти, а затем деградируют, уходят с исторической арены, как происходит трансформация и смена элит, можно ли повысить качество элиты, и если да, то какими путями и методами – вот важнейшие проблемы, которые стремится решить эта научная дисциплина.

Предметом *политической элитологии* является исследование процесса социально-политического управления и, прежде всего, высшей страты политических акторов, выявление и описание того социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление, являясь его субъектом (или, во всяком случае, важнейшим структурным элементом этого субъекта), иначе говоря, исследование элиты, ее состава, законов ее функционирования, прихода ее к власти и удержание этой власти, легитимизации ее как правящего слоя, условием чего является признание ее ведущей роли массой последователей, изучение ее роли в социальном процессе, причин ее деградации (как правило, вследствие ее закрытости) и ухода с исторической арены как не отвечающей изменившимся историческим условиям, изучение законов трансформации и смены элит.

Термин "элитология" – российская новация. Он введен в научный оборот в 80-х годах и получил широкое распространение в российских общественных науках, начиная со второй половины 1990-х годов. Можно смело сказать, что сложилась российская школа элитологии.

К сожалению, зарубежные коллеги не спешат (пока?) признавать необходимость и законность этого термина (не потому ли, что это именно российская новация?), однако, сами не предлагают его эквивалента. Можно вполне допустить, что термин «elitology» режет слух людям, для которых английский язык является родным. Не случайно, они предпочитают термин «politicalscience» политологии и «culturalstudies» – культурологии. Впрочем, мы отнюдь не цепляемся

за термин. Как говорится, «Хоть горшком назови, только в печь не ставь».

За последние годы автор этой работы посетил более 20 университетов США, Великобритании, ФРГ, во многих из них выступал с лекциями по элитологической проблематике, а также с докладами на всемирных философских, политологических, социологических конгрессах и конференциях. Причем в зарубежных вузах мне, как правило, предлагалось читать лекции и спецкурсы под традиционными для американцев и западных европейцев названиями: "Социология элиты" на социологических факультетах и "Политические элиты" - на политологических. Приходилось разъяснять, что социология элиты и проблемы политических элит – лишь часть элитологии, пусть весьма важная. В самом деле, разве курсы «Политические элиты», «Социология элиты», «Теории элиты», читаемые в западных университетах, исчерпывают всю элитологическую проблематику? Их можно скорее рассматривать как отдельные разделы элитологии, которые описывают те или иные аспекты феномена элиты как целостного, системного объекта. При подобном фрагментарном подходе нельзя охватить предмет исследования - элиту - как определенную целостность, как некоторую систему, раскрыть законы функционирования и развития этого феномена, исчерпать все богатство отношений внутри элиты и отношений элиты и общества в целом. Именно на таком целостном, системном подходе к феномену элиты и элитного настаивает элитология, в частности, российская школа элитологии. Что касается самого термина «элитология», его значения нельзя преувеличивать, он, как и всякое научное понятие – всего лишь момент, пусть даже узловым моментом, определенной концепции. Элитология - наиболее широкое понятие, включающее все науки об элитах, безотносительно к ценностной ориентации того или иного ученого, разрабатывающего эту проблематику, независимо от того, является ли он апологетом, певцом элиты или же критиком общества, нуждающегося в элите для своего управления и ставящего элиту в привилегированное положение. Элитология стремится быть научной, а не идеологичной.

На многих конгрессах и конференциях приходилось выслушивать критику подхода к элитологии как к относительно самостоятельной научной дисциплине. Характерны и небезынтересны возражения западных коллег против самого термина "элитология" и против выделения ее в самостоятельную науку. Вот мнение одного из них: "Сам термин довольно неуклюжий, корявый, к тому же состоит из двух корней - латинского (элита) и греческого (логос), что уже говорит о его эклектичности". Я отвечал, что с этим аргументом можно согла-

ситься, что я с большим удовольствием ввел бы термин "аристология", где оба корня были бы греческими, что греческое "aristos" представляется мне более предпочтительным, чем имеющее латинский корень "элита". Но все дело в том, что термин "элита", введенный в научный оборот В.Парето, является устоявшимся, прочно утвердившимся в науке, а термин "аристология" внес бы еще большую путаницу и без того непростую проблему.

Еще одно возражение против элитологии. Один из участников обсуждения этой проблемы сказал: "Плохо, когда увеличивается количество научных дисциплин" и призвал опереться на слова знаменитого средневекового схоласта У.Оккама о том, что "не следует умножать сущности". Отвечая коллеге, пришлось сослаться на то, что цитата из Оккама приведена им не полностью: философ говорил о том, что "не следует умножать сущности без особой на то надобности". А тут именно тот случай, когда существует «особая надобность». Слишком велика роль элит в историческом процессе вообще, и слишком натерпелась Россия от неквалифицированных, жестоких, порой нечистых на руку элит.

Но вернемся к курсам, читаемым в ряде западноевропейских и американских университетов, имеющих своим предметом элиту, тот или иной аспект элитологии. Курс «Теории элит» обычно носит лишь историко-политологический характер. Учебный курс «элитизм», читаемый известными политологами Л. Филдом и Дж. Хигли² анализирует важную парадигму, непосредственно относящуюся к нашей проблематике, но это лишь одна из парадигм, не принимающая во внимание эгалитаристскую парадигму (и уже потому она не может на целостный анализ элитологии). Еще меньше может претендовать на охват всей элитологической проблематики курс «Политическая элита». Подавляющее большинство современных исследователей признает плюрализм элит (политической, экономической, религиозной, культурной и т.д.). Но если в каком-либо контексте понятие «элита» используется без прилагательного, уточняющего, какая именно элита имеется в виду, можно быть уверенным, что речь идет о политической элите.

Само это обстоятельство указывает на то, что в общественном сознании на первый план выступает именно политическая элита, которая оттирает на задний план иные, неполитические элиты, по умолчанию предполагая примат политической элиты). Нам же представляет-

² Во всяком случае, хотелось бы выразить свою признательность известному американскому социологу и политологу Дж.Хигли за то, что на съезде российских политологов в 2006 г. он использовал термин «elitology»

ся, что в иерархии элит, социально-доминантных групп ведущее место должно по праву принадлежать культурной элите, творцам новых культурных, цивилизационных норм. Высшее место в иерархии элит и лидеров человечества следовало бы отдать не Александру Македонскому, Цезарю, Наполеону, Ленину или Черчиллю, но Будде, Сократу, Платону, Христу, Канту, Ганди, Толстому, Достоевскому.

Российская школа элитологии сложилась в последние два десятилетия XX века. И это вполне объяснимо. Известно, что в советское время элитологическая проблематика была табуирована. Исследования советской элиты были невозможны по идеологическим (а, значит, и цензурным) соображениям. В соответствии с официальной идеологией, элита - атрибут антагонистического общества, и ее не может быть в обществе социалистическом (хотя наличие элиты - привилегированного слоя в виде прежде всего верхушки партийно-советской бюрократии было секретом Полишинеля). Исторически элитологическая проблематика вошла в советскую науку с "черного хода" - через разрешенный жанр "критики буржуазной социологии" (разумеется, сам этот термин - такая же бессмыслица, как "буржуазная физика" или "буржуазная биология").

И не случайно, что российская элитология сформировалась в годы демократического транзита России. Когда цензурные препоны были сняты, элитологические исследования в России стали осуществляться широким фронтом. Перефразируя слова непопулярного ныне классика, Россия "выстрадала" элитологию. Уж слишком натерпелась она от правления неквалифицированной, авторитарной (а тем более тоталитарной) часто коррумпированной политической элиты. А это вылилось в острую потребность в научной дисциплине, которая сформулировала бы оптимальные подходы к повышению качества элиты, принципам ее рекрутирования, демократического контроля над элитой, элитного образования.

К тому же были и другие важные предпосылки для формирования школы современной российской элитологии. Она могла опереться на мощные традиции русской дореволюционной и эмигрантской философии, политологии, правоведения, социологии, представленных такими выдающимися деятелями науки и культуры, как Н.А. Бердяев, М.Я. Острогорский, П.А. Сорокин, И.А. Ильин, внесших неоценимый вклад в развитие элитологии.

Российская школа элитологии бурно развивается в последние два десятилетия, ее представители опубликовали более ста монографий,

тысячи статей по важнейшим аспектам элитологии³. Школа российской элитологии по праву заняла ведущее место не только в исследовании российских элит (еще пару десятилетий назад о российских элитах можно было узнать лишь из работ зарубежных советологов и российских политэмигрантов), но и по истории элитологии, элитологической регионалистике (где мы вышли на одно из первых мест в мире, если не на первое), по ряду общетеоретических проблем элитологии.

Определение элиты - предмет острых дискуссий как в мировой, так и в российской элитологии. Приведем одно из последних обобщенных определений элиты, которое дает группа английских социологов: «Элиты по определению - люди, которые контролируют большую долю материальных, символических и политических ресурсов общества. Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти, полученные ими аскриптивно (по предписанному статусу) или ресептивно (благодаря собственным заслугам). В некоторых обществах элиты резко отделены от других граждан. Элита - люди, которые занимают высшие властные позиции, контролируют большую часть собственности и имеют наивысший престиж»⁴. Эти авторы считают, что обычно их число составляет около одного процента от численности населения (другие элитологи дают и иные цифры - от 2 до 5%).

Теперь обратимся к проблеме российской элиты, к взглядам наших элитологов. Некоторые из них решительно возражают против того, чтобы нынешних правителей России называли элитой. И в аргументах, подкрепляющих эту позицию, нет недостатка. Как можно называть элитой в ее истинном значении людей, чье правление привело к драматическому ухудшению жизни населения (прежде всего, в 1990-х годах), к сокращению его численности? Тогда, может быть, это - образцы морали? Увы, это - одна из наиболее коррумпированных групп российского общества, члены которой думают более о собственном обогащении, чем о благосостоянии народа. В этом - главная причина отчуждения, существующего между народом и элитой. Свое «вхождение во власть», эти люди достаточно трезво рассматривают

3 Свой вклад в российскую элитологию внесли московские элитологи М.Н. Афанасьев, Г.К. Ашин, О.В. Гаман, О.В. Крыштановская, Е.В. Охотский А.Е. Чирикова, Н.В. Лапина и др., ростовские элитологи А.В. Понедельков, А.М. Старостин, петербуржцы А.В. Дука, В.Я. Гельман, астраханец П.Л. Карабущенко, пермяк В.П. Мохов, М.Х. Фарукшин (Казань), А.К. Магомедов (Ульяновск), элитологи Екатеринбурга, Саратова, Татарстана и многих других регионов России. Именно в России впервые в мире стали выходить элитологические журналы - "Элитологические исследования" (теоретический журнал, ныне выходящий в электронном виде), "Российская элита" (иллюстрированное популярное издание), "Элитное образование".

4 Current Sociology. L., 2009, p. 46

как временное и соответственно действуют как временщики, озабоченные удовлетворением своего честолюбия и быстрым личным обогащением. Побыв во власти и вылетев из нее, они оказываются обычно весьма богатыми людьми, крупными акционерами банков и корпораций, владельцами солидной недвижимости, в том числе зарубежной. Значительная часть их – бывшие партийные и комсомольские номенклатурщики, как правило, второго и третьего эшелонов, сумевшие использовать конъюнктуру, с легкостью поменявшие свои убеждения, часто это бывшие «теневики», затем легализовавшие себя, порой это люди с уголовным прошлым. Причем этим людям очень нравится, когда их называют «элитой». Это щекочет их самолюбие. Так правомерно ли по отношению к ним термин «элита»? Может быть, правильнее называть их правящей группой или кланом? Впрочем, тот же подход следует применить и к политической элите других стран, также не отличающейся высокой нравственностью. Не будет ли тогда этот спор спором о словах, спором терминологическим? Если в соответствии с этимологией термина элитой считать лучших, высокоморальных, то в их состав вряд ли вообще попадут политические деятели, во всяком случае, подавляющее большинство их. Попадут сюда А. Эйнштейн, А. Швейцер, мать Тереза, но не попадет подавляющее большинство политических лидеров.

Подлинная элита – та, которая глубоко осознает интересы общества и профессионально действует в направлении их реализации. Компетентность, профессионализм – непереносимое, но недостаточное и даже не главное качество подлинной элиты, главное же – ее моральные качества, готовность ставить интересы общества выше своих личных и групповых интересов, руководствоваться ими, жить ими. Это люди, глубоко уважаемые народом, патриоты своей страны готовые к самопожертвованию во имя ее интересов, которые обладают стратегическим мышлением, могут предвидеть, сформулировать программу действий и обеспечить ее реализацию. Ее призвание – служение народу в самом высоком смысле этого слова. Поэтому часть общества, профессионально выполняющая функции управления обществом – не всегда подлинная элита, это может быть и квази-элита^{5/}
Значительная часть высшего чиновничества превратилась в клептократию.

⁵ Хотелось бы сказать об оценке нашей элиты не элитологом, а журналистом, замечательной, героической женщиной, которая постоянно боролась с квази-элитой – Анной Политковской, убитой в 2006 г. киллером в подъезде собственного дома. Знакомая с российской литературой по элитологии, она сделала вывод: «У нас нет элиты. Есть начальники...»

Мы можем с грустью констатировать, что в верхних эшелонах политической власти России мы почти не находим элиты в нормативном плане, а лишь ее функциональный суррогат, который способен отстаивать свои клановые интересы, но не способен отстаивать коренные интересы российского народа, выполнить роль интегратора его интересов, не является образцом высокой морали; эту «элиту» правильнее назвать «и.о.элиты», т.е. она выполняет функции элиты, не будучи действительно элитой. Не случайно многие российские социологи и политологи считают, что подлинные элиты у нас не сложились, их заменяют кланы клики.

Реальность не совпадает с нормативом. Порой именно для этой страты общества характерна коррупция, злоупотребление властью, использование своего высокого социально-политического статуса для собственной выгоды, вопреки интересам народа. Вспомним известные слова лорда Актона «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Увы, это полностью относится и к российской «элите», для которой характерно своекорыстие, коррумпированность, барский образ жизни при нищенском существовании большей части населения. Вопиющее неравенство между социальными «верхами» и малообеспеченным большинством особенно опасно для России, пережившей столько социальных взрывов. В странах Скандинавии коэффициент дифференциации доходов (отношение 10% самых богатых и 10% и 10% самых бедных) не превышает 4,- 4,5. У нас этот разрыв в 2009 г. зашкаливает за цифры 16-17. [официальные данные] Законодательные и правящие органы не нашли или не захотели найти устойчивых каналов защиты интересов трудящихся. Среди «высшей» страты мы видим бизнес-элиту, и высокопоставленное чиновничество - тех самых людей, которые и обязаны заботиться о благосостоянии народа. Но именно эти социальные группы демонстрируют свой эгоизм, они заботятся прежде всего о своем благосостоянии. Эта так называемая «элита» - одна из самых коррумпированных страт общества. Она не стесняется демонстрировать свое высокомерное отношение к простому народу, она ухитряется быть «более равной», чем другие, даже там, где по самому определению должно быть равенство - например, в соблюдении правил дорожного движения: «простые» автомашины должны уступать дорогу машинам с «мигалками». В час пик по Можайскому шоссе, Кутузовскому проспекту, Новому Арбату, пока обычные граждане вынуждены стоять в часовых пробках, крупные чиновники, многие депутаты Федерального собрания пролетают по разделительной полосе. Когда эта «элита» возвращается с работы к себе на Рублевское шоссе в Москве, надолго перекрывается движение

по этой магистрали, ущемляя интересы тысяч простых людей, унижая их достоинство. А народ пока терпит эту элиту. Этот, в сущности, частный вопрос обнажает подлинное отношение элиты к «простому народу». Люди, избранные народом для того, чтобы принимать законы, должны быть примером для других граждан. Но они не считают нужным жить, согласно нашего законодательства. Право обгона «простых» машин элитными создает опасности для жизни людей. Собственно, подобное было и при советской власти, когда «слуги народа» в своих «членовозах» проезжали мимо автобусных остановок, на которых толпились «хозяева страны» в ожидании переполненных автобусов и троллейбусов⁶. Но нынешняя элита говорит о создании гражданского общества, выставляет себя его горячим поборником. Только трудно отделаться от подозрения, что этой элите не нужно гражданское общество, которое отменит привилегии этой самой элиты, будет ее жестко контролировать, ей нужно «карманное» гражданское общество, квази-гражданское, ровно такое же, как его квази-элита.

В условиях современного мирового кризиса, больно отразившегося и на населении нашей страны, ее политико-административная элита должна быть особенно ответственной перед народом, разделять с ним тяготы, причиненные этим кризисом. Увы, в России этого не случилось.

Вот несколько примеров, показывающих, как далека эта «элита» от народа, каков ее моральный уровень. 9 января 2009 г. вместо упорной работы по преодолению последствий кризиса группа высокопоставленных чиновников, в числе которых был представитель Президента в Государственной думе, устроило себе «интенсивный» отдых: взяв вертолет, полетели в Алтай на охоту на животных, занесенных в «Красную книгу». Известно, что охота на таких животных - преступление. Но, оказывается, она запрещена для «простых людей», а для «элиты» должны быть сделаны исключения. Люди, считающие себя представителями «элиты», надеялись на то, что никто ничего не узнает. Но вертолет потерпел крушение, были жертвы. Скандал стал достоянием широкой публики. Впрочем, правоохранительные органы долго сохраняли молчание, не принимали адекватных мер, стараясь замять «неприятный инцидент» Еще один пример. В самом начале

6 Наша пресса неоднократно обращалась к этой проблеме. Высшее начальство России не раз выносило решения о сокращении «привилегированных» машин с «мигалками» по этому вопросу, был и специальный указ Президента, но каждый раз эффект был весьма куцым, число машин с «мигалками» временно уменьшалось, но затем каждый раз все возвращалось на круги своя (см. статью в газете «Аргументы и факты» с характерным заголовком: «Мигать они на нас хотели!» (АиФ, № 50, 2008).

кризисного 2009 г. группа депутатов законодательного собрания Приморья решила обсудить путь выхода России из кризиса. А местом этого заседания был выбран ... дорогостоящий горнолыжный курорт в Японии. Они сочли это лучшим способом экономии валюты. Что ж, с такой «элитой» Приморский край, несомненно, быстро преодолее кризис...

Еще более характерен эпизод с майором милиции А. Дымовским, который возмутил сотни тысяч россиян. Этот майор, работавший в г. Новороссийске, разместил в Интернете обращение к В.В.Путину, в котором содержится материал о коррупции в милиции на Кубани. Собственно, высокий уровень коррупции в милиции - секрет Полишинеля. Но какова была реакция руководства МВД? Через несколько дней он был уволен с работы по обвинению в клевете. Причем в лучших традициях 1937-49 годов ему намекали на то, что его действия инспирированы силами извне. Так ведется «борьба с коррупцией» в МВД.

Огромную опасность для России, в которой народная ментальность выше всего ставит не богатство, а социальную справедливость, представляет резкое разделение общества на кучку богатых (причем это богатство слишком часто добыто нечестным путем), привилегированных, и огромное большинство низкооплачиваемого населения. Особенно это обнажилось в условиях мирового кризиса. Народ видит эгоизм элиты, которая смотрит на него сверху вниз, видит ее демонстративную расточительность «новых русских» и не хочет и не может терпеть это. Социологи не без оснований пишут о феномене элитократии, когда элитные группы не только монополизируют власть в той или иной стране, но все более отдаляются от народа. Их образ жизни разительно отличается от образа жизни народа. Увы, этот феномен можно иллюстрировать на примере постсоветской России. На фоне обнищания миллионов людей в условиях мирового кризиса элита живет в условиях вызывающей роскоши, причем цинично демонстрирует ее на экранах телевидения. Олигархическая и политико-административная элита живет отдельно от «толпы», не смешиваясь с ней, отгороженная от «простого населения» заборами охраняемых загородных коттеджей, эта элита самовоспроизводится, их дети учатся в элитных частных школах, знакомятся с «равными себе» по статусу, они поступают в элитные вузы, затем с помощью родительских связей получают высокие должности в госслужбе, в политических, законодательных, судебных структурах, они откровенно (или завуалированно) презирают «неудачников», не имеющих их привилегий. Они редко общаются с «простым населением», они обычно не пользуются метро,

а платные автомагистрали, которые строятся, еще более ослабят и так тонкую связь элиты и массы. Иначе говоря, элита превращается в закрытую самовоспроизводящуюся, и потому, как показали еще Моска и Парето, в перспективе неизбежно разлагающуюся, деградирующую группу (непосредственно эта судьба угрожает детям и внукам членов элиты). Отсюда - и опасность повторения ими судьбы боярского, дворянского и иных привилегированных сословий. В условиях мирового финансового кризиса эти тенденции лишь усилились. Похоже, эта «элита» напрочь забыла опыт трех русских революций прошлого века.

Из зала. Что делать с элитой?

Г.К. Ашин. Хороший вопрос. Прежде всего, снять с них вот этот флер элиты, это никакая не элита. Это то, что, знаете, плавает сверху.

Из зала. Они знают Ваше отношение к ним?

Г.К. Ашин. Нет, они такого не читают, их помощники дают им информацию, которая сладостно для них звучит. И не надо им знать, пусть это будет для них неприятным сюрпризом, когда народ даст им под зад коленкой.

Из зала. Может быть, тогда логичнее так поставить вопрос: может ли подлинная элита управлять государством? В чем ее роль, как она может это делать, достаточно ли у нее профессиональных управленцев, других сил, чтобы это делать? Те же Ростропович, Сахаров, Собчак — могли ли они это делать?

Г.К. Ашин. Действительно, возьмем нашу экономическую элиту, которая только формально является элитой, потому что это, как правило, люди, которые сделали состояние, подкупая чиновников. И вот эти кланы получают миллиардные состояния. Они только в России могут быть миллиардерами, в другой стране они не выдержат конкуренции с западными бизнесменами. Там не воруют, простите.

Из зала. С Вашей точки зрения, есть хоть два-три человека в управлении..?

Г.К. Ашин. Есть, один из них сидит в тюрьме (я говорю об экономической элите).

В.М. Соловьев (ведущий – заместитель председателя Экспертного совета, доктор политологических наук). Геннадий Константинович, спасибо большое за Ваш интеллектуальный вклад в обсуждение этого очень сложного вопроса. И здесь есть что сказать. В первую очередь хотелось бы отметить, что сама по себе тема сформулирована как бы на будущее. По-настоящему понимание термина "элита" отсутствует не только в академическом мире, но и в обществе. Элиты, признанной в масштабах страны, в России на сегодняшний день не сложилось...

Критика и рецензии

Criticism and Reviews

FEATURES OF POLITICAL LEADERSHIP IN CHINA: THE FIRST PART OF THE BOOK SE-RIES «XI JINPING: THE GOVERNANCE OF CHINA»

Irene R. Upir (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: ireneupir[at]mail.ru

Abstract

This review examines the characteristics of a successful political leader using the example of the first part of the book series «Jinping: the governance of China». Particular attention is paid to the issues of leadership of a state with such a large population as China. The review also notes that in order to effectively manage the country, it is important to consciously and carefully approach the choice of officials. In addition, the study examines the phenomenon of continuous learning as a leading principle of political leadership in China. The author places special emphasis on the fact that the prosperity of the state depends on the education of its political leader.

Keywords

political leadership; Xi Jinping; governance; China

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В КИТАЕ: ПЕРВАЯ ЧАСТЬ СЕРИИ КНИГ «СИ ЦЗИНЬПИН О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ»

Упир Ирина Романовна (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. Email: ireneupir[at]mail.ru

Аннотация

В данной рецензии рассматриваются характерные черты успешного политического лидера на примере первой части серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении». Особое внимание уделяется вопросам руководства государством с таким большим количеством населения, как Китай. В рецензии также отмечается, что для того, чтобы осуществлять эффективное управление страной, важно осознанно и тщательно подходить к выбору чиновников. Кроме того, исследуется феномен постоянного обучения, как ведущего принципа политического лидерства в Китае. Автор делает особый акцент на том, что процветание государства зависит от образованности его политического лидера.

Ключевые слова

политическое лидерство; Си Цзиньпин; управление; Китай

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

На современном этапе проблему политического лидерства затрагивали в своих мемуарах и работах многие главы государств. Большой интерес в данной связи вызывают особенности функционирования института главы государства в стране, численность населения которой составляет пятую часть всего человечества. Данный аспект представляет собой прекрасную платформу для написания монографии и раскрытия в ней способов и инструментов управления страной.

Так, в своих мемуарах «О государственном управлении» Си Цзиньпин отмечает, что основой устойчивой политической системы выступает лидер, который не только говорит о будущем, но и постоянно усердно работает для процветания своей страны (Jinping, 2015, p. 438).

По мнению автора, в настоящее время разработаны все необходимые механизмы для того, чтобы добиться успеха, однако важно, чтобы государством руководил «гвоздевой дух». Объясняя данное выражение, Си Цзиньпин говорит о том, что, когда в работе используется молоток, чтобы вбить гвоздь, одного стука часто бывает недостаточно, поэтому стоит продолжать стучать, пока он не будет хорошо закреплен. Лишь после этого можно приступить к вбиванию следующего и продолжать вбивать гвозди, пока работа не будет полностью выполнена. Если же бить молотком повсюду, не сосредоточившись на гвозде, в конечном итоге можно полностью растратить усилия. Подобным образом глава государства рассматривает и управление страной, политическое лидерство (Jinping, 2015, p. 439).

Возвращаясь к вопросу о масштабах страны и трудностях управления ею, автор приводит в пример выражение великого китайского мыслителя древности Лао-цзы о том, что «управлять большой страной так же деликатно, как жарить маленькую рыбку». Это выражение объясняется им тем, что при руководстве Китаем нельзя никогда ослаблять усилия и проявлять хотя бы малейшую небрежность, всегда посвящая себя работе и общественным интересам (Jinping, 2015, p. 450).

Он также говорит о том, что в такой большой, многолюдной и сложной стране именно политический лидер должен иметь глубокое знание национальных условий, знать, что думает народ и чего он хочет. При этом важно действовать осознанно и с величайшей осторожностью.

Одним из ключевых критериев хорошего руководителя страны, по мнению Си Цзиньпина, выступает постоянное желание учиться и самосовершенствоваться ради светлого будущего. Как показывает история, на протяжении всей истории Китая, отмечает автор, на каждом крупном поворотном пункте, перед лицом новых обстоятельств и за-

дач, усердная учеба приводила к большим переменам и изменениям в интересах партии и народа (Jinping, 2015, p. 440).

Лучший способ для лидера, с точки зрения главы государства, понять и решить проблемы, будь то новые или старые в новой форме, – это расширить возможности посредством изучения. При этом в процессе обучения важно не только применять на практике свои знания, но и приобретать новые практические навыки решения проблем. Если не повышать свой профессиональный уровень, то со временем возможна потеря способности выполнять трудные задачи руководства в области реформ и развития общественной жизни (Jinping, 2015, p. 441).

Политический лидер, как считает Си Цзиньпин, всегда должен вести свое государство к превосходству на международной арене, а для того, чтобы этого добиться, необходимо улучшать знания в самых разных областях, проявлять инициативу в изучении науки и культуры, сознательно обновлять и совершенствовать структуру новой информации, развивать максимальную перспективу и расширять кругозор. Ведь, если лидер обладает лишь смелостью, не дополняя её знаниями и соответствующими навыками, то он не лучше «слепца на слепой лошади, которому грозит опасность упасть ночью в глубокую лужу» (Jinping, 2015, p. 443).

Руководители всех уровней, а особенно политический лидер, должны изучать историю партии и страны, оставаться патриотами своего государства, поскольку, как утверждает автор, история является лучшим учебником, позволяющим учиться на ошибках прошлого для построения светлого будущего.

Большое внимание политический лидер должен уделять изучению классической и современной литературы, постоянно совершенствуя свои вкусы и развивая интересы через оценку произведений государства. Объясняя свою позицию, Си Цзиньпин приводит в пример революционеров старшего поколения, которые имели глубокое литературное образование и хорошо разбирались в поэзии. Он считает, что поэзия стимулирует лидера, делая его остроумным и мудрым (Jinping, 2015, p. 445).

Однако простого обучения, по мнению автора, недостаточно для политического лидера, поскольку если он будет учиться без ясной цели, то сможет оказаться обманутым и введенным в заблуждение нереалистичными идеями, отраженными в литературе. Ключевой же целью изучения выступает применение знаний на практике, демонстрация своих способностей в работе и в решении проблем.

В доказательство своей позиции Си Цзиньпин приводит пример Чжаого, одного правителей Китая периода Воюющих государств (475-221 гг. до н. э.), который вел все свои сражения на бумаге, а также пример ученых династий Западной и Восточной Цзинь (265-420 гг.), которые стали неэффективными из-за того, что тратили слишком много времени на бесполезные дебаты (Jinping, 2015, p. 445).

Иными словами, чтение и применение выступают основными способами обучения, однако последний является более важным. Применительно к Китаю, руководящим должностным лицам следует применять марксистский подход, сочетая теорию с практикой, два метода, всегда способствующих друг другу.

Таким образом, по мнению автора, изучение способствует прогрессу. Если человек хочет стать великим политическим лидером, хочет добиться прогресса, он должен, в первую очередь, быть сторонником обучения (Jinping, 2015, p. 447).

Еще одним ключом к должному управлению государством, как отмечает в своей работе Си Цзиньпин, выступает привлечение подходящих должностных лиц. В данном утверждении автор ссылается на высказывание последнего императора Восточной Хань Сянь-ди, который говорил, что «возвышение добродетельных является фундаментальным для управления, а использование способных чиновников представляет собой высший приоритет управления».

Исходя из данного выражения, автор задается вопросами о том, что же представляет собой хороший чиновник, как им стать и как использовать правильных чиновников для правильной работы. Он утверждает, что, лишь ответив на данные вопросы, человек может стать действительно хорошим политическим лидером (Jinping, 2015, p. 452).

Рассматривая первый вопрос, Си Цзиньпин говорит, что ответ на него должен быть ясен и отвечать всем необходимым требованиям, поскольку в условиях, когда отбор чиновников приводит к путанице из-за концентрации на критериях хороших чиновников, то отобранные в результате чиновники будут только плохим примером для общественности. По мнению самого автора, хорошие подчиненные должны обладать моральной честностью и профессиональной компетентностью, однако это также зависит от того или иного исторического периода.

Что касается современности, то политический лидер, при отборе чиновников, руководствуется тем, что они должны быть политически надежными, профессионально компетентными и морально честными,

а также они должны пользоваться доверием народа (Jinping, 2015, p. 452).

Си Цзиньпин также говорит о том, что одним из главных личностных качеств, позволяющим быть хорошим политическим лидером, является его приверженность собственным идеалам и убеждениям. Только в этом случае возможно принятие однозначного подхода к основным принципиальным вопросам, а также построение «алмазотвердых тел, способных противостоять любой коррозии». При помощи такого сравнения автор говорит о том, что лидер лишь благодаря следованию собственным убеждениям может быть бесстрашным перед лицом политических вызовов и сопротивляться всем видам искушений. В результате политический лидер может действовать надежным и заслуживающим доверия образом в любой критический момент.

В подобной позиции глава государства опирается на высказывание своего предшественника, утверждавшего, что «устремления могут достичь любого места, как бы далеко оно ни было, даже через горы и моря; лишь они могут прорвать любую защиту, какой бы жесткой она ни была, даже такую же сильную, как лучшая броня и щит» (Jinping, 2015, p. 454).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что Си Цзиньпин в своей работе «О государственном управлении» исследует феномен политического лидерства на примере собственного государства, отмечая основные качества, которыми должен обладать человек для эффективного руководства страной. Так, по его мнению, лидер должен находиться в постоянном процессе обучения и применения знаний на практике, стремиться создать все необходимые условия для преобладания страны на мировой арене при помощи усердного труда и приверженности собственным убеждениям.

Список литературы

Jinping, X. (2015). *Xi Jinping: The Governance of China Volume 1: [English Language Version]*. Shanghai Press.

References

Jinping, X. (2015). *Xi Jinping: The Governance of China Volume 1: [English Language Version]*. Shanghai Press.

THE AMERICAN PRESIDENT THROUGH THE EYES OF HIS DISGRACED OPPONENTS - BOOK REVIEW BY JOHN BOLTONB: «THE ROOM WHERE IT HAPPENED: A WHITE HOUSE MEMOIR»

Viktoriia R. Masiutkina (a)

(a) Astrakhan State University. Astrakhan, Russia. Email: vikamasko.2019[at]mail.ru

Abstract

This review provides an objective analysis of the sensational bestseller in the political world – «The Room where It Happened: A White House Memoir». This publication was released by former National Security Adviser John Bolton on the eve of the election of a new president of USA, which attracted widespread public attention. The review analyzes the attitude of John Bolton to the personality of Donald Trump, moreover, the author gives his own characterization of the president. The study also highlights the author's views on a number of key issues in the modern world and, it is worth noting that the book provides examples based on the author's personal experience during his stay in the White House.

Keywords

geopolitics; world politics; USA; president; Donald Tramp; John Bolton

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

АМЕРИКАНСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ ГЛАЗАМИ СВОИХ ОПАЛЬНЫХ СОВЕТНИКОВ - РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ДЖОНА БОЛТОНА: «КОМНАТА, ГДЕ ВСЕ ПРОИЗОШЛО. ВОСПОМИНАНИЯ О БЕЛОМ ДОМЕ»

Масюткина Виктория Романовна (а)

(а) Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия.
Email: vikamasko.2019[at]mail.ru

Аннотация

В данной рецензии дается анализ нашумевшего в политическом мире бестселлера – «Комната, где все произошло. Воспоминания о Белом доме». Данные воспоминания были выпущены бывшим советником президента по национальной безопасности Джоном Болтоном в преддверии выборов нового президента США, чем и привлекла широкое внимание публики. В рецензии анализируется отношение Джона Болтона к личности Дональда Трампа, более того, автор дает собственную характеристику президенту. В исследовании также освещаются авторские взгляды на ряд ключевых проблем в современном мире. В своей книге автор приводит конкретные примеры исходя из личного опыта периода его работы в Белом доме.

Ключевые слова

мировая политика; геополитика; США; президент; Дональд Трамп; Джон Болтон

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Публикация «Комната, где все произошло. Воспоминания о Белом доме» -это нашумевший политический бестселлер, который вышел в свет в июне 2020 года. Автором этой книги является бывший советник президента Дональда Трампа по национальной безопасности – Джон Роберт Болтон II.

Джон Болтон родился 20 ноября 1948 года. Он американский консервативный политик, доктор философии Йельского университета, а также бывший практикующий юрист, который хорошо известен своей жесткой внешнеполитической позицией и противоречивой фигурой «ястреба» в американской политике. Выпускник Йельской юридической школы занимал различные посты во время администраций Рейгана, Буша и Джорджа Буша-младшего. На протяжении 17 месяцев (с 09.04.2018 по 10.09.2019) пребывания в администрации Белого дома Джон Болтон проводил свою одностороннюю политику, призывая Соединенные Штаты выйти из международных организаций и соглашений, например, таких как иранское ядерное соглашение и Договор о РСМД.

Данная публикация приобрела свою актуальность в связи с тем, что книга была опубликована в июне 2020 года за 5 месяцев до выборов нового президента США и посвящена личности одного из кандидатов - Дональда Трампа, которому в преддверии выборов это совсем не нужно. Публикация этой книги немного подорвала авторитет г-на Трампа в глазах своих избирателей из-за информации, дискредитирующей на тот момент президента США, а также послужила провокацией для разговоров об импичменте. Мемуары широко освещались из-за того, что он раскрыл много внутренней информации об администрации Д. Трампа, и собственная оценка Д. Болтона лидерства Д. Трампа стала центром внимания средств массовой информации.

Безусловно, главным героем книги является президент Соединенных Штатов Америки - Дональд Трамп. Хотя и г-н Трамп, и г-н Болтон являются представителями Республиканской партии США, политические взгляды у них разные.

В своей публикации автор вспоминает первую встречу с главным героем, которая состоялась в 2014 году, где Д. Трамп сказал: «Вы знаете, Ваши взгляды и мои на самом деле очень разные» (Bolton, 2020, р. 9). Несмотря на данное высказывание, Дональд Трамп в 2018 году назначает на должность советника по национальной безопасности именно Джона Болтона, так как хотел иметь в своей команде людей с различными точками зрения.

Книгу можно мысленно разделить на несколько основных частей. Первая часть является вводной. В ней автор вспоминает первую

встречу с Дональдом Трампом, свой долгий путь в администрацию президента и собственные размышления о том, почему он принял предложение стать советником по нац. безопасности. Ко второй части можно отнести практически все оставшиеся главы. В основном это описание событий, встреч или каких-то переговоров действующего на тот момент президента Дональда Трампа. В этой части автор раскрывает читателю Дональда Трампа как некомпетентного, крайне несмышленного, зависимого политика, который одержим лишь идеей своего переизбрания в ноябре 2020 г.

Как уже говорилось выше, множество моментов в книге посвящено личности самого Трампа, в том числе его неосведомленности в простых вопросах.

В книге автор показал, что Д. Трамп на самом деле не знал, что Великобритания является ядерным государством, а также спросил: «Финляндия не является частью России» (р. 118). Беспристрастным выглядит и нарисованный бывшим советником по национальной безопасности портрет президента Дональда Трампа как участника международных переговоров по сложнейшим вопросам с ключевыми игроками на мировой арене. По словам автора, Трамп даже не знает основных фактов мира, легко поддается на явную лесть современных лидеров, а также с легкостью делает неправильные заявления и поспешные решения.

Джон Болтон также описал в книге, что над действиями г-на Д. Трампа даже некоторые из самых лояльных высокопоставленных чиновников администрации смеялись над ним за его спиной. В свою очередь, автор привел случай с госсекретарём Майклом Помпео. Джон Болтон отметил, что во время переговоров Трампа с лидером Северной Кореи Ким Чен Ыном в 2018 году Госсекретарь Помпео послал Болтону записку, которая описывает Трампа как «Heissosfull of shit» (р. 102).

Основные аспекты, которые затрагиваются в мемуарах: это некомпетентность самого президента, его промахи во внешнеполитической деятельности и неосведомленность во многих ключевых моментах, в том числе во взаимоотношениях США с Китайской Народной Республикой, Россией, Великобританией, КНДР и др.

В частности, в главе под названием «Гром из Поднебесной» поднимается вопрос о SARS-CoV-2 и размышления автора о том, что «Нет никаких сомнений в том, что Китай задерживал, утаивал, сфабриковывал и искажал информацию о происхождении, сроках, распространении и масштабах заболевания» (р. 284).

Например, г-н Болтон сказал в своей книге, что г-н Трамп неоднократно выражал готовность отложить американские уголовные расследования «для того, чтобы оказывать личные услуги диктаторам, которые ему нравятся» (р. 412).

Своё отношение к поведению и поступкам г-на президента Джон Болтон подчеркнул следующей фразой: «Модель [Трампа] выглядит так, как будто препятствие правосудию - это образ жизни, который никто из нас не может принять» (р. 413).

В описании автора президент был не так жесток по отношению к Китаю, как ожидал сам советник по национальной безопасности, выражая свое разочарование в книге и критикуя хаотичное отношение Д. Трампа к отношениям с Китайской Народной Республикой. Также стоит обратить внимание на то, что в своей книге бывший помощник президента по национальной безопасности назвал Трампа «особенно нелюбимым» Тайванем, заявив, что «обязательства Америки перед Тайванем заканчиваются здесь» (р. 281). Таким образом, автор так подытожил отношение президента Дональда Трампа к тайваньскому вопросу. Отношение президента к вопросу о независимости Гонконга аналогично, и он не хочет вмешиваться (р. 280).

Комментариев и отзывов данная публикация в современном мире собрала бесчисленное количество за довольно маленький срок после своего релиза. Например, как отмечает доктор исторических наук из СПбГУ Александр Кубышкин, «история с книгой Д. Болтона достаточно типична для американского политикума: перед каждым президентскими выборами выходят книги, компрометирующие действующего президента или его конкурентов». «Это типичные дрызги накануне таких событий», — отмечает профессор (Кубышкин, 2020). Замглавы ведомства МИД Сергей Рябков также прокомментировал данную публикацию и назвал её «элементом внутривнутриполитических разборок в США» (Рябков, 2020).

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что в целом это интересная и довольно необычная работа, так как это первый случай, когда бывший чиновник, подобный Д. Болтону, занимавшему столь высокий пост в Белом доме, раскрыл внутреннюю часть Белого дома. Рассказ автора о Белом доме вызывает особую озабоченность, поскольку он лично принимал участие во многих важных внешнеполитических решениях в период своего пребывания на посту помощника президента по вопросам национальной безопасности и был ближе к Трампу, чем другие.

Стоит отметить, что благодаря публикации у читателя довольно быстро складывается полная картина о взаимоотношениях автора с

Дональдом Трампом и то, как бывший советник президента по национальной безопасности на самом деле относится к президенту США. Недостатком этой книги можно считать следующий факт – в ней присутствует только субъективное мнение самого автора, его истинное отношение к президенту Трампу, его ожидания, а также освящена позиция автора по ряду международных вопросов. Тем самым публикация лишена нейтральной стороны и направлена на то, чтобы подорвать положение главного героя книги в современном мире.

Список литературы

- Bolton, J. (2020). *The Room Where It Happened: A White House Memoir*. New York: Simon and Schuster.
- Кубышкин, А. (2020, июнь 18). “Мемуары – последнее оружие”. Зачем Болтон написал книгу о Трампе. Retrieved from Радио Sputnik website: <https://radiosputnik.ria.ru/20200618/1573102318.html>
- Рябков, С. (2020, июнь 23). В МИД назвали публикацию книги Болтона частью «разборок» внутри США. Retrieved January 10, 2021, from Газета.Ru website: https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/06/23/n_14583613.shtml

References

- Bolton, J. (2020). *The Room Where It Happened: A White House Memoir*. New York: Simon and Schuster.
- Kubyshkin, A. (2020, June 18). "The memoir is the last weapon." Why Bolton wrote a book about Trump. Retrieved from Radio Sputnik website: <https://radiosputnik.ria.ru/20200618/1573102318.html> (In Russian).
- Ryabkov, S. (2020, June 23). The Foreign Ministry called the publication of Bolton's book part of a "showdown" within the U.S.. Retrieved January 10, 2021, from Gazeta.Ru website: https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/06/23/n_14583613.shtml (In Russian).

Учредитель: Общество с ограниченной ответственностью научно-производственное предприятие
"Генезис.Фронтир.Наука". ИНН/ОГРН: 3019005706/1123019003678

Юр. Адрес: Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Савушкина, д. 24, кв. 88

Адрес редакции: 414056, Россия, Астрахань, Татищева 16ж, кв. 40

Главный редактор: д.ф.н. Павел Леонидович Карабущенко

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail:
elitologyjournal@gmail.com

Телефон: +7 (927) 559-92-40

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Сетевое издание доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Международная

© 2020 Вопросы элитологии. E-ISSN: 2712-8415

Founder: Limited Liability Company Scientific Industrial Enterprise "Genesis. Frontier. Science"

Address: 24, Savushkina St. apt. 88, Astrakhan, Russia, 414056

Address of Editorial board: 16zh, Tatischeva St. apt 40, Astrakhan, Russia, 414056

Editor-in-Chief: Dr. Pavel L. Karabuschenko

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:
elitologyjournal@gmail.com

Phone: +7 (927) 559-92-40

Materials are intended for persons over 18 years old

This journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© 2020 Issues in Elitology. E-ISSN: 2712-8415